

Баграт Шинкуба

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В трех томах

Том первый

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ
БАЛЛАДЫ

Сухум
Абгосиздат
2017

УДК 821.35
ББК 84(5Абх) 6-44
Ш 62

Составитель
поэт-академик М. Т. Ласуриа

Шинкуба, Б. В.
Ш 62 Избранные произведения : в 3 томах.
Том первый : стихотворения, поэмы, баллады
/Баграт Шинкуба: перевод с абхазского. – Сухум:
Абгосиздат, 2017. – 352 с.

В первый том избранных произведений Народного поэта Абхазии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи, Героя Социалистического Труда Баграта Васильевича Шинкуба (1917–2004) вошли поэтические произведения, написанные в разные годы.

К ним относятся поэмы, баллады, сказки для детей, а также романы в стихах «Мои земляки», «Песня о скале», которые печатаются здесь в отрывках. К сожалению, в сборник не вошли поэтические произведения Б. В. Шинкуба, созданные в последние 10–15 лет его жизни. Они еще ждут своего переводчика.

Родина и природа, гражданственность и патриотизм, воплощенные в самобытных образах и ярких метафорах, близость к фольклору, актуальность для сегодняшнего дня – все это нашло отражение в поэтическом слове великого национального поэта.

УДК 821.35
ББК 84(5Абх) 6-44

© Шинкуба, Б. В., наследники, 2017
© Абгосиздат, 2017

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Наиболее полным русским изданием произведений великого национального поэта и прозаика Баграта Шинкуба является двухтомник, изданный московским издательством «Художественная литература» в 1982 году. В него вошли стихи, баллады, роман в стихах «Песня о скале», а также знаменитый исторический роман «Последний из ушедших».

Предисловие к нему написал известный литературный критик и историк Вадим Кожинов, большой друг Абхазии, перу которого принадлежит много ярких и глубоких публикаций в центральной печати как в советские годы, так и в нелегкие для нашего народа времена. Это предисловие приведено и в настоящем издании, поскольку оно не утратило актуальности.

Баграт Шинкуба, подобно великому Пушкину и другим классикам мировой поэзии, оказался весьма трудно переводимым поэтом. Причина – высочайший уровень классического стиха, который, как известно, менее всего поддается переводу. Но многим выдающимся русским поэтам, переводившим Б. Шинкуба в разные годы, удалось все-таки справиться с этой нелегкой задачей. Эти замечательные, на наш взгляд, переводы представлены и в настоящем издании.

О ТВОРЧЕСТВЕ БАГРАТА ШИНКУБА

Не скрою, что с большой радостью принимаюсь за эту статью, которая должна представить читателям одного из выдающихся творцов многонациональной литературы нашей страны. Баграт Васильевич Шинкуба – писатель в подлинном значении этого слова, хорошо известном каждому просвещенному человеку. В его творчестве воплощена такая духовная сила, воздействие которой с течением времени будет возрастать и, я убежден, оставит след в народном самосознании.

Баграт Шинкуба не имеет шумной известности. Но, на мой взгляд, это лишнее свидетельство его творческой значительности. Есть искусственные огни фейерверков, горящие именно и только для того, чтобы все обратили на них внимание. Но есть и пламя очага, которое благодатно горит, пока стоит на земле дом. Это пламя не бьет по глазам, но без него невозможна жизнь. Творчество Баграта Шинкуба – это пламя, горящее в заветном очаге национальной культуры Абхазии. Впрочем, здесь мне могут возразить – ну, хотя бы так: «Баграт Шинкуба – поэт наиболее любимый и популярный, стихи которого вошли в каждый абхазский дом, их знают наизусть целые поколения абхазских читателей». Эта цитата из статьи поэта Мушни Ласуриа. И он, без сомнения, прав; приезжая в Абхазию, я неоднократно убеждался, что произведения Баграта Шинкуба и сам его облик живут в сердце любого абхаза.

И все же дело идет не о «знаменитости» в обычном смысле слова. На «знаменитых» смотрят со стороны, они как бы разыгрывают свои роли на некой сцене или экране славы. Между тем Баграта Шинкуба воспринимают в Абхазии так, как воспринимают наиболее чтимого и любимого члена семьи; он, в самом деле, по верным словам Мушни Ласуриа, «вшел в каждый абхазский дом».

Естественно, встает вопрос – раскроется ли перед читателем самобытное творчество Баграта Шинкуба в переводе? Мне представляется, что читатели вернее всего найдут путь в мир художника, начав с первой книги его романа «Последний из ушедших».

Дело не только в том, что это самое значительное творение Баграта Шинкуба, но и в том, что стихи необычайно трудно воссоздать в материи другого языка – небезосновательно мнение, что стихи вообще непереводимы и стихотворный перевод – это в лучшем случае иное (пусть даже равноценное, но все же иное) поэтическое произведение. Проза же переводится гораздо легче и вернее. Баграт Шинкуба вошел в литературу прежде всего как поэт. Однако не будет преувеличением сказать, что первая книга «Последнего из ушедших» – это подлинная поэма в прозе. Она проникнута напряженным ритмом, ее образность одухотворена и в то же время чеканна.

Далее, первая книга «Последнего из ушедших» сразу вводит читателя в тот своеобразный мир, который, в конечном счете, породил творчество Баграта Шинкуба. Хотя речь здесь идет главным образом не об абхазах, а об их былых северных соседях – убыхах, мысль и страсть художника все же обращены к своему народу. Основы материального

и духовного бытия двух народов во многом родственны, а трагедийная судьба убыхов – это, в сущности, тот предел, до которого вполне бы могла дойти столетие назад и судьба абхазов.

В сложнейших условиях борьбы за Кавказ между Россией и Турцией (которую поддерживала – конечно, ради своих корыстных интересов – Англия) более половины абхазского народа переселилось, подобно убыхам, за море. Различие – но различие страшное – в том, что убыхи до последнего человека оказались на чужбине, и этот народ, имевший свою многовековую историю, перестал существовать вообще...

Чувствуется, что в глубине творческого сознания художник как бы предположил, что эта безысходная трагедия постигла его собственный народ, и именно потому поэма исполнена такой проникновенной силы. Но в то же время нельзя не видеть, что Баграт Шинкуба говорит не о ком ином, как об убыхском народе, целиком отдавая ему свою душу. Необходимо указать и на то, что художник дал убыхскому народу бессмертие в слове. В «Последнем из ушедших» не просто запечатлены те или иные экономические, бытовые, психологические и другие черты убыхов; нет, этот народ обрел целостное бытие – вернее, инобытие – в Слове. Баграт Шинкуба исполнил высокий долг перед исчезнувшим народом. В органическом слиянии, сопряжении образов двух народов, осуществленном подлинно творчески, пожалуй, наиболее ясно обозначились черты художественного величия этой поэмы в прозе. Убежден, что ответственное слово «величие» здесь полностью уместно. В этой поэме поражает, в частности, неразрывное единство возвышенного, даже предельно возвышенного духа и всецело объектив-

ного, реалистического воссоздания всех явлений и отношений конкретного бытия.

Но мы еще вернемся к «Последнему из ушедших». Теперь же, нарушая, быть может, каноны вступительных статей, позволю себе обратиться к читателям с предложением раскрыть первую книгу «Последнего из ушедших» и лишь после ее прочтения возвратиться к этому предисловию.

* * *

Баграт Васильевич Шинкуба родился 12 мая 1917 года в селении Члоу, расположеннном в поистине примечательном месте Абхазии. К востоку от этого села находится пещера, в которой, согласно национальной мифологии, был прикован Абрскил, этот абхазский Прометей. Баграт Шинкуба вспоминает: «С самых ранних лет я знал эту пещеру в высокой скале... Мне казалось, что я слышу, как стонет Абрскил, пытаясь разорвать цепи...» К югу от Члоу, на окраине соседнего села Моква (Мук), виднеется один из прекраснейших храмов Абхазии, воздвигнутый в X столетии, где священником был близкий родственник Б. Шинкуба. На запад от Члоу раскинулось село Кутол, где в доме Абаса Когония постоянно собирались известные народные сказители и певцы. Их творческий дух и стиль вбирал в себя сын Абаса, Иуа Когония (1904–1928), который стал крупнейшим абхазским поэтом поколения, предшествующего поколению Баграта Шинкуба. Наконец, к северу от Члоу вздымаются овеянный многими легендами и преданиями Кодорский (Панавский) горный хребет.

Но, возможно, все это не оказало бы могучего воздействия на духовное становление будущего ху-

дожника, если бы сама семья Баграта Шинкуба не была бы подлинной носительницей традиций народной культуры, – она собирала в единство лучи, идущие со всех сторон родного края.

Через много лет Баграт Шинкуба рассказывал о тяжелом впечатлении, испытанном им на улицах Венеции: «Был разгар туристского сезона. Едва ли не на всех языках планеты говорили в те дни венецианские улицы. Но на многих туристских лицах я видел лишь холодное любопытство... Я видел рано постаревшие глаза... Они жили одним днем, одним часом, одним мимолетным глотком свежих впечатлений. Не было за ними... тысячелетнего «вчера»...

Прошлое у моего народа длинное и богатое. Он его сберегает в памяти и душе любовно и благодарно».

Это богатство своего народа Баграт Шинкуба если и не понял, то ощутил еще в юношеские годы. И оно вдохновило его первые стихи. Следует обратить внимание на то, что в этой книге помещено стихотворение, написанное Багратом Шинкуба в 1930 году, в тринадцатилетнем возрасте.

За два года до того завершился путь Иуа Когония – поэта, нераздельно связанного с устным народным творчеством. Баграт Шинкуба чтил и читит поэзию Когония исключительно высоко. И все-таки уже в юные годы он начал искать другой путь. Впоследствии Баграт Шинкуба вспоминал о том времени: «Это был периодисканий, подражаний, ошибок и неудач. И не так-то легко было избрать свою самостоятельную тропу в поэзии...» И далее художник с решительной прямотой говорит, что «продолжать писать стихи в стиле народных песен также не имело смысла. Требовалось найти нечто новое».

И в самом деле Баграт Шинкуба, ни в коей мере не отказываясь от наследия тысячелетнего народного творчества, создал образцы подлинно современной абхазской поэзии и прозы. Нет сомнения, что первые, а потому исключительно важные шаги на этом пути сделал основоположник абхазской литературы и самой письменности Дмитрий Гулиа (1874–1960). Баграт Шинкуба сегодня с волнением вспоминает свои первые встречи с абхазским Пророссветителем: в 1928 году, еще мальчиком, он увидел Дмитрия Гулиа, приехавшего в его родное Члоу; в 1932 году, будучи учащимся Абхазского педагогического техникума, не без робости подошел к Дмитрию Гулиа, а в 1936 году по его рекомендации опубликовал одно из своих стихотворений...

Уже говорилось о том, что родное село и его окрестности с детских лет дарили Баграту Шинкуба полные волнующего смысла впечатления. Но, зная его творчество, убеждаешься, что не могла не иметь громадного значения в его судьбе художника и очень ранняя встреча с русской культурой. В 1925 году он пошел в школу: «Учила нас русская женщина Анна Дмитриевна Ушакова. Она не знала ни одного слова по-абхазски, мы не знали русского языка. Но, представьте себе, занимались прекрасно. Учились и она, и мы».

Мне невольно приходит здесь на память рассказ одного из видных деятелей абхазской культуры. Он вырос в селе, которое граничило с русским селением, и навсегда запомнил часто повторявшуюся сцену: его отец сходился в поле со своим русским соседом, и они подолгу дружески разговаривали. Когда сын спросил отца, как же они понимают друг друга, не зная языка соседа, отец указал

на поле: «Мы говорим на его языке и отлично друг друга понимаем».

Изучить чужой язык способен каждый; гораздо труднее обрести незыблемую основу для подлинного понимания, – будь то любовно возделываемое поле или плодотворная нива культуры.

В 1931 году Баграт Шинкуба уехал из родного села в Сухуми и поступил в педагогический техникум, а затем в педагогический институт. В 1938 году вышла в свет его книга «Первые песни».

Абхазская литература к этому времени была еще совсем юной; ее история насчитывала всего лишь четверть века. И перед каждым настоящим писателем стояла цель создания самой материи, самого тела абхазского искусства слова. А для этого необходимо было всесторонне освоить речь народа и его устное творчество. Вполне закономерно, что Баграт Шинкуба после окончания института в 1939 году стал аспирантом Института языкоznания Академии наук Грузии. Здесь, в Тбилиси, он к тому же глубоко воспринял грузинскую культуру. Позднее он превосходно перевел на абхазский язык произведения многих грузинских поэтов – и классиков, и современников.

Баграт Шинкуба – не только писатель, но и ученый – сотрудник Абхазского института языка, литературы и истории. Он создает работы о чистоте абхазского языка и национальном стихосложении, собирает и готовит к печати сводный текст преданий об Абрскиле, издает наиболее полную антологию абхазской народной поэзии, участвует в подготовке к изданию сводного текста абхазских сказаний о Нартах и т. п. Все это было совершенно необходимым условием для его собственного художественного творчества.

Подчеркну еще раз: Баграт Шинкуба не ставил перед собой задачу литературной обработки фольклорного материала. Он стремился к созданию высокоразвитого абхазского искусства слова, обращенного к людям XX века. Я бы даже сказал, что он всегда видел перед собой не только сегодняшних, но и грядущих читателей.

Наиболее зрелым плодом многогранной творческой деятельности Баграта Шинкуба является «Последний из ушедших», произведение подлинно современное по видению мира и в то же время проникнутое исчерпывающим знанием народного бытия. В этом отношении первая книга романа «Последний из ушедших» близка к таким явлениям современной литературы, как, скажем, «Медведь» Уильяма Фолкнера и «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсии Маркеса. Это ни в коей мере не означает, что Баграт Шинкуба «учился» у названных или других писателей. Он шел к своей творческой зрелости совершенно самостоятельно, решая最难的задачу органического слияния древней народной культуры и духовного опыта людей XX века.

Путь Баграта Шинкуба не был простым, и не только победы ждали его на этом – ныне уже более чем полувековом творческом пути. Он начал как лирический поэт и уже в тридцатых – начале сороковых годов создал целый ряд стихотворений, ставших в Абхазии хрестоматийными. В этих стихах воплощена неповторимая человеческая личность и в то же время внятно выступает лирический образ народа. При этом речь идет не только о чисто содержательных моментах: голос личности и голос народа воплощены в самом лирическом стиле поэта, сочетающем в себе напряженную образную энергию и тонкость словесно-ритмического рисун-

ка. Достаточно указать на такие стихотворения, как «Моя звезда» и «Махаджирская колыбельная», которые теперь видятся как первые завязи замысла, нашедшего монументальное выражение в «Последнем из ушедших».

Высота творческих целей, которые ставил перед собой Баграт Шинкуба в своей лирике, отчетливо обнаруживается, когда знакомишься с его стихами в хронологическом порядке – от 30-х до 70-х годов. Ясно видно, что поэт стремился в равной мере развить лирическое воплощение и голоса личности, который все более усложнялся, схватывая еле уловимые оттенки неповторимого переживания, и голоса народа, обретавшего все новое жизненное богатство. И с каждым десятилетием в творчестве Баграта Шинкуба все более плодотворно развиваются обе стороны лирического мира.

Как уже говорилось, на пути художника были не одни бесспорные победы. В 1950 году он закончил первый в абхазской литературе роман в стихах – «Мои земляки», где стремился создать широкое полотно современной жизни Абхазии. В те годы в советской литературе появилось немало подобных произведений, и «Мои земляки» так или иначе останутся в истории абхазской литературы. Но вполне закономерно, что позднее в своей книге «Творчество Б. В. Шинкуба. Лирика. Эпос. Поэтика», изданной в 1970 году в Тбилиси, значительнейший абхазский критик наших дней В. Л. Цвинариа (Куаста Ацнариа) подверг «Моих земляков» весьма резкой, но, на мой взгляд, справедливой критической оценке.

Один из самых серьезных тезисов критика состоит в том, что герои, которые, по общему замыслу автора, должны были предстать как «положительные», оказались – с эстетически-объективной точки

зрения – «ниже» героев, задуманных как «отрицательные».

И все же «Мои земляки» – уже хотя бы как первый опыт работы над широким эпическим повествованием в абхазской поэзии – имели свое значение. Через несколько лет Баграт Шинкуба приступил к созданию гораздо более весомого поэтического повествования – «Песня о скале» (окончена в 1964 году).

Наибольшую ценность в этом произведении имеют два ярких и емких человеческих образа – народного героя, как говорится, «благородного разбойника» Кяхба Хаджарата и абхазского дворянина, мечтающего о единстве с народом, князя Шабата. Характеры и трагические судьбы этих героев чрезвычайно много говорят об истории Абхазии в целом. Собственно поэтическое воплощение этих образов определило их особенную обобщенность, крупность. Эти созданные Багратом Шинкуба образы останутся как своего рода национальные символы. Значительно менее удались такие фигуры романа, как революционер Яков и полицейский начальник Марытхва. Первый образ слишком отвлечен и расплывчат (позволю себе напомнить вполне аналогичный, но очень колоритный шолоховский образ Иосифа Штокмана), второй же явно карикатурен.

Вскоре после выхода в свет «Песни о скале» Баграт Шинкуба обращается к созданию художественной прозы. Это было своего рода неожиданностью – слишком прочно связывалось его имя с понятием «поэт»; словно в подтверждение этого в 1967 году Баграту Шинкуба было присвоено звание Народного поэта Абхазии.

Но, на мой взгляд, это обращение к прозе было совершенно закономерно и даже необходимо и для самого художника, и для абхазской литературы в це-

лом. В современную эпоху поэзия, как мне кажется, уже не является той всеобъемлющей, универсальной формой, какой она некогда была. И художник такого размаха, как Баграт Шинкуба, не мог ограничиться руслом поэзии.

В 1968 году он пишет повесть «Чанта приехал», в которой воплотились дальновидные и в то же время совершенно земные, жизненно-практические раздумья о современной абхазской действительности.

То, что выразилось в этой повести, едва ли возможно было высказать в стихе. Нельзя не отметить, что обращение к прозе вовсе не означало отказа от поэзии. Лирические стихи 70-х годов, без сомнения, принадлежат к творческим вершинам Баграта Шинкуба. И естественно предположить, что в достижении этого художественного совершенства свою роль сыграло и обращение к прозе.

Те или иные стремления и заботы художника как бы ушли в более соответственную им стихию художественной прозы, а лирика обрела поэтическую свободу полета.

В 1974 году Баграт Шинкуба написал четверостишие:

У слова есть душа, исполненная света,
Но это тайна тайн, что в глубине жива.
Поэт, который обнаружил это,
Сумел промолвить вещие слова.

И можно утверждать, что именно в это время поэту в полной мере открылась «тайна тайн», о которой идет речь. В целом ряде стихотворений семидесятых годов – «Твоя молодость, юный мой друг, окрыляет меня...», «Немало радостей мои сопровождают дни», «Позовет меня Члоу», «Однажды утром», «Не уходи», «Повремени», «Члоу», «Реки»,

«Сон» и др. – в самом деле обнажается «душа» слова. Поэзия достигает здесь той зрелости, когда слову не нужно никаких ухищрений и подмостков. В перечисленных стихах нет «ярких» фактов, изощренной образности и даже необычных, оригинальных выражений. Все как бы совершенно обычно и прозрачно, но тем несомненней выступает «тайна» поэзии.

В стихотворении «Твоя молодость, юный мой друг, окрыляет меня...» окончательный смысл высказывается в прямом утверждении того, что юность сохраняется до тех пор, пока она не знает своего «предела». И в пространстве стихотворения это простое значение оборачивается сознанием беспредельности, которым обладает юность.

Так же словно раскрывается сама «душа» слова в стихах «Однажды утром», где сказано о девушке:

И счастье здесь, сегодня – вот оно!

...Но этого понять ей не дано.

Такая прямота выражения поэтического смысла поистине редкостна и свидетельствует о полной творческой свободе. Эта свобода проявляется в своего рода слиянии поэзии и жизни. В перечисленных выше стихах Баграта Шинкуба как бы каждое слово воплощает одновременно и жизнь, и поэзию; трудно сказать, например, о чем говорит стихотворение «Члоу» – о родном селении или о творчестве поэта, вдохновленного родиной? И когда в стихотворении «Реки» утверждается:

Пока, жадна и молода,
Земля томится жаждой жгучей,
Пока еще нужна вода
Всей жизни – нежной и могучей, –

нельзя не ощутить, что реки здесь неотделимы от поэтической стихии.

И это взаимопроникновение жизни и поэзии, достигнутое Багратом Шинкуба, нашло свое выражение не только в стихах. Творческий опыт поэта прекрасно сказался в романе «Последний из ушедших». Здесь мы находим органический сплав высокого поэтического духа и истинного реализма прозы. Эта книга со всей полнотой вобрала в себя многогранные творческие устремления Баграта Шинкуба – от его научных изысканий в области абхазской мифологии до лирических взлетов его стиха.

В заключение нельзя не сказать о том, что художник находится в расцвете духовных и творческих сил. И я хочу выразить глубокую надежду, что читатели, которые познакомятся с данным изданием, будут так же, как и я, с взволнованным интересом ждать встречи с новыми произведениями Баграта Шинкуба.

*Видим Кожинов
1982*

СТАРИННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спит младенец мой? Баю-баю...
Колыбельку покачаю.

Колыбель его легка,
Словно пенка с молока.

В беличьих пеленках
Хорошо ребенку!

Спит – не спит, он глазки жмурит,
Лобик маленький свой хмурит.

Сын мой видит леса сны,
Баю, баю... Сын, усни!

Добрый будет молодцом
И охотиться с отцом

Будет скоро он на серну...
Спит, не спит он? Спит, наверно...

Спит, сыночек мой? Не знаю.
Колыбельку покачаю. Баю, баю...

1930

* * *

Родимой земле благодарный,
Крестьянин везет урожай, –
Арбе с кукурузой янтарной
Торжественно путь уступай.

Вот шествует с поля корова,
Неся, как корону, рога.
И вымя набухшее снова
Парного полно молока.

Мальчишка, ходивший учиться,
Из школы бежит по траве,
И больше уже на крупицу
Познаний в его голове.

В душе ощущая волненье,
Невольно вопрос задаешь:
– А ты, мое стихотворенье,
Что нового людям несешь?

1933

* * *

В горы провожу последний снег, –
Солнце ярко улыбнется полю,
Первого подснежника побег
Осторожно выпустит на волю.

Ласково затеплятся лучи,
Распалятся и займутся делом.
Первый снег цветущей алычи
Опадет на землю цветом белым.

Ласточка! Не трать напрасно сил,
Я опередил твое предвесье –
Поле плугом строк избороздил,
Пробудясь с подснежниками вместе.

1933

СОН

– На белом скакуне я проскакал во сне,
Что это значит, матушка родная?

– Ты детские годы оставил навсегда,
Сынок, пришла пора твоя мужская.

– Конь проскакал лихой отвесною скалой,
Что это значит, мать моя родная?

– Трудиться должен ты, чтобы сбылись мечты,
Сынок, твоя дорога – трудовая.

– Я прискакал на луг, стоял народ вокруг,
Что это значит, мать моя родная?

– То значит, что народ твоей работы ждет,
Тебя достойным сыном называя.

1935

МОЯ ЗВЕЗДА

От предков я узнал: «Покуда не затмилась
Твоя звезда, не будешь знать невзгод».
Но палец я навел – моя звезда сокрылась
И с неба сорвалась, как спелый плод.

Тогда, как птица, я пустился в путь широкий,
Пришпорив белоснежного коня,
И рощи, и сады мелькали вдоль дороги,
Свистела буря позади меня.

Деревья не считал, – я мог бы сбиться в
счете, –
Холмы и горы видел на пути.
Летел я, чтоб схватить в стремительном
полете
Мою звезду – и дальше понести.

1935

* * *

Еще темно. Кричит петух,
Но дунул ветер смело, –
И месяц на небе потух,
И все в саду запело.

Земля преобразилась вмиг –
Вся в красках всевозможных...
Пред этой радугой в тупик
Встает любой художник.

И вот в обычные часы
Вступает в эти кущи,
Обрызган каплями росы,
Садовник всемогущий.

Осмотривая деревца,
Вошел он, свеж и молод,
И сад проснулся, до конца
Лучом зари проколот.

Да, человек всего ценней,
Природе всех дороже.
Но кто всего прекрасней в ней?
Не человек ли тоже?

1936

ОСЕННИЙ САД

Хурма в саду благоухает,
Вздыхает розовый гранат,
И с лоз опущенных свисает,
Как уголь, черный виноград.

И листья падают, и к югу
Уж потянулись журавли
И, подавая весть друг другу,
Перекликаются вдали.

Плоды румяные откинув,
На взгорье яблони стоят,
И сотни желтых мандаринов
Сквозь зелень яркую блестят.

А за изогнутым гранатом,
К земле пригнувшим тонкий стан,
В лицо мне дышат ароматом
И акаич, и ахардан¹.

Как здесь отрадно вечерами,
Когда алеет виноград
И ветви, полные плодами,
К земле склоняет пышный сад.

Когда от отблесков багряных
Он вспыхнуть, кажется, готов
И окровавлен на платанах
Их густолиственный покров!

¹ Акаич, ахардан – сорта винограда.

Спеши, садовник, в день погожий
Собрать богатый урожай –
Лимон с его шершавой кожей
И мандарин, с луною схожий, –
И зиму радостно встречай!

1936

ПЕСНЯ

Блещет роса, холодна и багряна,
Белое утро взошло на хребты.
В небе растаяли клочья тумана.
Жду я, окошко раскрывшая рано:
Вот на дороге появившись ты.

День, или месяц, иль год уже целый
Сладкой надеждой теплится взор.
Вот я башлык твой увидела белый,
Ах, почему же ты, всадник умелый,
Плеткой играя, минуешь мой двор?

Хоть бы кивнул мне, отчаянный сокол,
Мною увиденный за две версты.
Будто бы луч, проскользнувший
вдоль стекол,
Мимо ворот моих скакешь далеко ль,
Сидя в седле позолоченном, ты?

Не осадил скакуна, как бывало,
Возле ворот моих ты почему?
В наших селеньях красавиц немало,
Может, одна из них ключ подобрала
К сердцу не каменному твоему?

Кто я такая? Голубка ручная.
Вольного сокола мне ль удержать?
Тает надежда, как пена речная,
Гаснет, как звездочка в небе ночная,
К белой голубке вернешься ль опять?

Я ли с расстегнутым воротом платья
Не дожидалась и в стужу, и в зной?
Так бы тебя постаралась принять я,
Что до могилы – могу утверждать я –
Был бы не в силах расстаться со мной.

1936

ГАРМОНЬ НА КОРАБЛЕ

Ты песнь рассветную начни, гармонь,
И пусть летит та песня над волнами!
Хребты озарены уже лучами,
И плещет в море золотой огонь.

Тобой я сердце снова исцелю, –
Я знаю, что приход твой не случаен.
Душой ты стала мне и кораблю,
И голос твой то весел, то печален.

1937

ДЖИГИТ

Шею гнет скакун, и дробный
Слышен цокот в тишине.
Всадник, ястребу подобный,
Выезжает на коне.

Горской лихости он полон,
Сбил папаху набекрень,
И черкески черной полы
Заложил он за ремень.

Через левое плечо им
Вот уж плеть занесена.
– Чоу! – крикнул всадник. – Чоу! –
Вскочь бросая скакуна.

Он в седле сидит красиво,
Опершись на стремена.
Перед ним вскипает грива,
Словно черная волна.

Третий круг. И до почета
Метров сто герою дня.
И стреляет в воздух кто-то
В честь джигита и коня.

На горячем полукровке
Сидя, этот удалец
Может высшей джигитовки
Показать вам образец.

И не съедет, я свидетель,
С черной бурки, будь она
Им разостлана пред этим
Под ногами скакуна.

1937

* * *

Звезды есть с бездушным светом,
Без благоуханья – розы.
Стих, волненьем не согретый,
Хуже бесталанной прозы.

Прошумит волной холодной,
Полыхнет огнем бесстрастным
И забудется – бесплодный,
Никого зажечь невластный.

1937

НЕ СПРАШИВАЙ

Когда окно в закат на склоне дня
Откроешь ты и у калитки сада
Растерянного высмотришь меня,
Вопросов праздных задавать не надо.

Не спрашивай, кого так долго жду,
Зачем стою под окнами без цели
И не боюсь ли злых собак в саду,
Которых, может, нет на самом деле.

Неужто же и впрямь моей тоски
По-женски ты не чувствуешь?! Едва ли...
Уж лучше бы и вправду на куски
Меня собаки ваши разорвали.

У родника, ловя в кувшин струю,
Поймав мой взгляд, исполненный тоскою,
Не спрашивай, зачем я здесь стою,
Не потерял ли что-нибудь такое.

Вода в твоем кувшине холодна,
Но я в ее целительность не верю,
Сердечный жар не остудит она,
Не предлагай же мне запить потерю.

Ты не заметишь сердца моего,
Потерянного здесь, на горной тропке,
Не спрашивай же лучше, для чего
Стою и жду, растерянный и робкий.

1938

* * *

Тебе докучать не намерен отныне
Ни клятвой, ни исповедью, ни мольбой.
В угоду твоей ненасытной гордыне
Не стану покорно брести за тобой.

Напрасно меня подвергает нападкам
Жестокая память о нашей любви,
О призрачном счастье, заведомо кратком,
Давно исчерпавшем щедроты свои.

Ты прежде была неразлучна со мною,
И мир на глазах у меня молодел.
Но, видно, изменчиво счастье земное,
Ему неизбежный положен предел.

Ты прежде смотрела светло и влюбленно,
И лишь ненароком улавливал взгляд:
Срываются в полночь звезды с небосклона
И гаснет. А звезды другие горят!

И там, где над морем ступенчатой кручей
Вздымается берег, окутанный мглой,
Любовь отсверкала звездою падучей,
Подернула чувства сыпучей золой.

1938

В БЕЛОЙ КОФТОЧКЕ

В белой кофточке – не ты ли?
Не твои ль черты,
Те, что сна меня лишили?..
Ты или не ты?

В белой кофточке нарядной,
Оглянись назад!
Оглянись, будь ты неладна!
Слышишь, говорят!..

Только ты мне повстречалась,
Тесен стал мне свет...
Обожди хотя бы малость!..
Слышишь или нет?..

Я цветы пытал в печали...
Ласточек, подруг...
– Нет ее, – мне отвечали, –
Ускользнула вдруг.

Не успел я вынуть жребий,
Как пришла беда.
Нет тебя, но светит в небе
Мне твоя звезда.

Образ твой везде витает,
Только всякий раз,
Как приблизится, растает,
Уплывет из глаз...

И сейчас опять не ты ли?..
Не твои ль черты,
Те, что сна меня лишили?..
Ты или не ты?..

Если ты, постой на месте,
Гнева не тая...
Дай, пойдем по жизни вместе.
Милая моя!

1938

* * *

Сидела, ежась, как голубка,
Одна в сторонке от подруг.
Удерживаясь от проступка,
День завершал свой мерный круг.

Тебя прохлада одевала
В час наступленья темноты.
Ты и садилась, и вставала,
Не находила места ты.

Тебе всегда и неизменно
Желаю счастья на веку.
А если скажешь, то мгновенно
Я разделю твою тоску.

Да что там! Знаешь ты мой норов, –
Ступай, наперекор судьбе.
Я б с места и без разговоров,
Как ястреб, кинулся б к тебе.

Твое в себя вберу я горе,
И позабудешь ты о нем,
И заживешь ты на просторе
Вот этим часом, этим днем.

1938

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Однажды сел я под буком, прощаясь
с меркнущим днем,
Луна от скал отделилась, налившись алым огнем.
Кругом родная природа лежала в полном цвету,
Даря глазам ненасытным все новую красоту.

Вдали толпой великанов стоят утесы-друзья –
По-братьски сплетшая руки седеющая семья.
Меж них змеящийся желоб стремит свои жемчуга,
И ночь встает над ущельем, как звезд живая дуга.

Вверху – окутали тучи нахмуренный Лашкиндар,
Внизу – холодная Аалдзга дневной выпивает жар.
И кажется, близко, рядом со склоном вон той горы,
Рассыпано меж камнями сиянье Акармарь.

Там, доверху полны светом, стоят большие дома,
И кажется, песней, смехом сверкает в них
жизнь сама.

Над сказками свет веселый с младенчества помню я,
Но знаю: он – мой ровесник, он – юн,
как юность моя.

Акармара! Морем света вздымалась ты не всегда,
Ты черной впадиной горной была в иные года.
К твоим камням неприступным закрыты были пути.
Пастух скитался лесами, не в силах солнце найти.

Решительность, для которой твердынь
неприступных нет,
В глухие скалы вступила, горам подарила свет.

Она пошла в наступленье, седые стены пробив,
Ударил в корни утесов всесокрушающий взрыв,

Кремни, рассыпавшись пылью, осели, как серный дым,
И Аалдзга кнутом стегнула по волнам – стадам своим.
Нахмурился величаво хозяин гор – Лашкиндар
И вдвоем стал неприступней, готовясь принять удар.

Но, ставши вдвоем бесстрашней, взнеслась
людская кирка,
И взрыл огонь динамита крутые его бока.
И долго рушились скалы, года ревел динамит,
И путь упорный сквозь камни был потом нашим омыт.

Акармара! Свет твой новый с младенчества помню я,
Но знаю: он – мой ровесник, он – юн,
как юность моя!
Народ мой порабощенным, но крепким был,
как гранит,
Он знал – богатства без счета земля родная таит.

Он знал, сокровища эти – побед грядущих залог,
Но кто б твое достоянье тебе сохранить помог?
Отчизна солнца! Славна ты сокровищницей своей,
И многих ты привлекала незваных к себе гостей.

Ты взоры их чаровала, ты алчность будила в них,
И все, затаив дыханье, алкали богатств твоих,
Огонь тебе посыпали, несли вместо мира меч,
И многим сынам бесстрашным пришлось
за отчизну лечь.

Всю землю твою, до пяди, обрызгала кровь войны.
По-новому вся цветешь ты, родная страна Апсны¹.
Где было большим позором – душою слабеть в бою,
Друзей своих покидая, предавши страну свою?

Ведь слово «Апсны» младенец знал тверже,
чем слово «Мать»,
Ведь он привык, в колыбели твердя его, засыпать.
И разве бремя позора снести бы матери той,
Чей сын не вырос героем и ею не послан в бой?

Среди скал, где Аалдзга змеится, неся свои жемчуга,
Погиб Мустафа, разбивший бесчисленного врага.
Так племя храбрых рождалось, гнездо
железных людей,
Готовых жертву любую принесть отчизне своей.

Акармару неприступной знавали они вчера,
А ныне, как звездный город, сияет Акармара.
О, если б родины новый увидеть им свет живой –
Земля бы их не давила, вкусили б они покой!

1938

¹ Апсны (Страна души) – Абхазия.

* * *

Надоели думы, думы,
Что урон душе наносят,
В небеса меня уносят
То светлы, а то угрюмы.

И когда вздохнуть не смею,
Мир поэзию являет,
Нежной ясностью своею
Мне она путь освещает.

Исчезает вмиг обман
И врагов разоблаченье,
И рассеялся туман,
И приходит утешенье.

1939

* * *

– Скажи мне, гость, каков твой край?
Нет, говорят, милее края!
Его красоты передай
Все до одной, не пропуская!
– Красу отчизны описать –
Создать сложнейший из портретов!
Коль это было б мне под стать,
Я звался б лучшим из поэтов!

1939

* * *

К синему небу припала луна,
Волны на берег медлительно катят,
Где-то вдали пролетел поздний катер,
И воцарилась опять тишина.

Я не забуду ту ночь никогда, –
Жажду любви и свое нетерпенье.
Ночь удивляла, и пела вода,
И возрождалось в душе вдохновенье.

Ты мне сказала: «С тобой я иду,
Любящая и любимая вроде.
Будь же со мной наяву, как в бреду,
Как это только возможно в природе».

Все совершилось. Что ж в сердце моем
С этой поры не стихает волненье?
Мы с тобой вместе, навеки вдвоем.
Ты вся – родник моего вдохновенья.

1939

* * *

О годы детства, вы ушли куда?
В какую сторону свернула та дорога,
Где нет уже меня? Сгорели города
И замки детских снов. Так что ж тревога

Сжимает сердце? Я давно уж знаю:
Тоска по детству мне стеснила грудь.
Я будущее каждый день встречаю,
Но прошлого, увы, мне не вернуть.

1939

* * *

Ночной листвой венчая наши встречи,
Весенний сад неудержимо цвел.
Ну а теперь сутулит зябко плечи,
Дрожит под ветром, холоден и гол.

Безлистенных ветвей озябли руки,
Безлунна высь. Густа завеса тьмы.
И мы выходим на рубеж разлуки,
Как вышла осень на рубеж зимы.

Простимся без упрека и укора,
Без жалких слов душевной суety.
Все ближе полночь. И еще не скоро
В наш сад вернутся листья и цветы.

Но в час, когда весна своим дыханьем
Сад нашей встречи пробудит опять,
И мы, быть может, для любви воспрянем...
Но я не в силах это предсказать!..

1939

* * *

Так трудно душа покой обретала,
Забыться мечтала, печаль унять...
И вот начинается все сначала –
Старая песня звучит опять.

Опять возникает из мрака ночных
Лунное море, ущербный свет.
Милая песню поет мне снова,
Вырвался голос из плена лет.

Песня... Она над водой летела,
Она безраздельно владела мной,
Счастьем наполнила до предела
Меня и весь этот мир ночной.

Во власти гармонии небывалой
Свой голос природа с тобой слила.
Ее единственной запевалой
В ту ночь далекую ты была.

Песню молил я не молкнуть, длиться,
Чувствуя, что замирает она...
Ветер холодный повеял нам в лица,
Заметно убавила свет луна.

И ущербленная скрылась за тучей,
Обиду невысказанную затая.
Но долго, долго в печали жгучей
Я ждал, что продолжится песня твоя.

Страдал. Метался по белу свету,
Все ждал, что возникнет она опять...
Как мог я подумать, что песню эту
Буду когда-нибудь избегать!

Что остерегаться пугливо стану,
Как бы она не возникла вдруг,
В душе глубокую, чуткую рану
Разбередив для страданий и мук.

Душа от песни себя защищала,
Пространство и время подняв, как щит.
Но вот начинается все сначала –
Опять зазвучала. Звучит... Звучит!

1940

* * *

За горой Мтацминда солнце село.
Город ветром вечера продут.
Чутко шеи вытянув, как серны,
По проспекту девушки идут.
В сумерках загадочных и синих
Различить почти невмоготу
Пояски на талиях осиных,
Глаз неотразимых темноту.
Все кругом возвыщенно и просто:
Тайна тишины, надежды зов.
И наполнен каждый перекресток
Музыкой шагов и голосов.
Чувств земных блаженство неземное,
Их в лиловом воздухе полет.
Вновь твое лицо передо мною,
Как виденье дивное, встает.
Временем, разлуками не смыто!
Позабыть бы, – да не хватит сил...
Солнце село за горой Мтацминда,
Тихий вечер крылья опустил.

1940

* * *

Выйду на берег притихшего моря
Думать о той, чья память мне светит.
Волны поют в примирительном хоре.
Что они скажут? Что мне ответят?

Сел я... И вот гребешки закипели,
Лепет я слышу, и смех, и журчанье.
Что говорят они? Иль в самом деле
Радость – влюбленной обещанье?

1940

МАХАДЖИРСКАЯ¹ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи! Тебя качают волны.
Море Черное во мгле.
Стонет парус, ветром полный...
Ты на вражьем корабле.

Шиши нани, шиши нани,
Спи, малютка. Ты в изгнании...
Наш очаг давно остыл,
Ты во власти черных сил.

Разлучен в годину горя
Твой народ с землей своей,
И от слез горючих море
Стало вдвое солоней.

С чем беда твоя сравнима?!

Впереди – неволи дни...
Но о родине любимой
Память бережно храни...

Шиши нани, шиши нани...
Спи, малютка. Ты в изгнании...
Наш очаг давно остыл,
Ты во власти черных сил.

Подрастай родным на славу,
Воротись в свой отчий дом,

¹ Махаджиры – переселенец. Речь идет о вынужденном переселении во второй половине XIX в. части абхазов в Труцию.

Хмель распутай с цепи ржавой
Над родимым очагом.

Меч в углу увидишь пыльный...
Грозный меч, заветный меч
Ты сними рукою сильной:
Это меч великих сеч.

Этот меч ценнее жизни.
Заступись за свой народ!
За тобой, служа отчизне,
Рать воителей пойдет...

Шиши нани, шиши нани
Спи, малютка. Ты в изгнании
Наш очаг давно остыл,
Ты во власти черных сил.

1940

* * *

Лунным светом озарена
Дорога, бегущая вдаль.
Что ж завернулась стыдливо луна
В облачную летучую шаль?

Скинь покрывало, блесни мне, как встарь,
Дай на тебя взглянуть, луна!
Песня, как найденный в море янтарь,
В дар тебе мною принесена.

1940

* * *

Закатом высвеченный ало,
Вечерний берег был высок,
И море глубоко дышало,
Накатываясь на песок.
Вздымая груду, оно дышало,
И я сказал тебе: «Смотри!
На волнах, плещущих устало,
Раскинулся ковер зари».

Но если... если нам с тобою
Расстаться суждено судьбою,
Ты не забудешь обо мне, –
Я выткал для тебя когда-то
Ковер зари, ковер заката
На вечереющей волне.

1940

МОЯ ДОРОГА

И день, и ночь я по дороге
Иду в надежде и тревоге,
И отдохнуть не суждено.
Когда приду, когда прибуду,
Когда в конце дороги буду,
Узнать мне, право, не дано.

Куда б я ни пошел, известно,
Есть для меня на случай место
Среди мне дорогих могил.
Я не прошу тебя о многом,
Но сделай так, моя дорога,
Чтоб я в родной земле почил.

1940

ЦВЕТЫ

О темноглазая, приди ко мне,
Дарующая мне цветы весны!
Когда спит сад в глубокой тишине
И даже птицы видят еще сны,
Подай их мне своей святой рукой, –
Душистые, омытые росой,
Овеянные легким ветерком...

Не будем говорить мы ни о чем,
Без слов услышу я твои мечты, –
Расскажут мне о них твои цветы,
Ведь только сердцем можно угадать:
Цветы твои, родная, не просты,
От холода, жары им не завять...

Не на кусте они росли, о нет!
В них сердца человеческого свет,
На них любви великой тайный след,
И нежности твоей, и доброты.

Укрою это все в душе своей,
Пусть говорят мне те цветы о ней –
Любви, которая живет веками...
Ее частица будет всюду с нами!

1940

У МЕНЯ НЕТ ДВУХ СЕРДЕЦ

Не сетуйте вы на меня, друзья,
Вы дружно здесь бокалы осушайте
И в дальний путь меня не провожайте,
Ждет впереди счастливая стезя!

Любимой нет средь вас...
Что с ней случилось?
И, видно, не придет, уже не жди,
Оставил бы я сердце ей на милость,
Да запасного сердца нет в груди!

Меня тревожат о любимой думы,
Снедает сердце расставанья грусть.
Пойду прощусь сейчас с родным Сухуми,
Совсем один по городу пройдусь...

У кипариса встретившись вдвоем,
Вон там у моря мы тайком бродили...
Смеялись весело и горячо любили,
Мечтали мы о будущем своем...

Вот моря плеск у берега крутого,
И шепчут волны в этот теплый вечер,
Как будто голос милый слышу снова
И снова жду я нашей нежной встречи.

Я в парк еще зайду. Любила ты
Ходить туда. И в памяти рисуя
И на траве, и на песке следы –
Твои следы желанные найду я.

Напротив парка дом такой знакомый,
Балкон, увитый дикою лозой.

Прощусь с тобою молча, и слезой
Скупой оплачу все я, горем скован.

Наступит заревой закат. Слегка
Листву своей оплавит позолотой,
И я дождусь последнего гудка
И в поезд сяду со своей заботой.

Не сетуйте же на меня, друзья,
Вы дружно здесь бокалы осушайте
И в дальний путь меня не провожайте,
Ведь впереди счастливая стезя!

1940

* * *

Предзакатное солнце в оранжевом море плескалось,
Разметав по волнам кудри рыжие – пламя костра.
Как в пуховой постели, так в теплых волнах мне лежалось
И дышалось легко. Выходить все ж настала пора...

Волны, словно бы в люльке младенца, меня все качали
И шептали: «Останься же с нами, будь другом навек!»
Я ответил: «О теплые, нежные волны, едва ли
Я останься смогу. На песке ждет меня человек.

Верный друг, по песку он в раздумии палочкой чертит
Имя вашего пленника, ждет он с тревогой меня.
Нашей дружбы водой не разлить, не боится
ни смерти
Наша дружба, ни пленя лихого, ни злого огня.

Ухожу. Вам нельзя подкупить негой, лаской своими,
Теплотою своей невозможна меня отогреть,
Ведь любовь написала на вечном песке мое имя,
Хоть бушуйте, бросайтесь – его вам вовек не стереть!»

1940

МОЛОДОЙ СИДЕЛ С ЛЮБИМОЙ...

Море дышит скрытой силой,
Волны ласятся у ног,
И своей подруге милой
Тихо молвил паренек:

– Посмотри, в пушистой пене
Блещет камушек цветной!
Если б не был он в боренье
С неуемною волной,

Стал бы мшистый он и рыжий,
Как лесной его собрат,
Тот, что спит в болотной жиже,
Как лесные камни спят...

Человек таков же, право!
Если он не рвется в бой,
Если родине во славу
Не сражается с судьбой,

Он с годами превратится
В камень средь лесных болот –
Ум его ожесточится,
Сердце мохом порастет.

1941

ОЗАРЯЛОСЬ ДО СИХ ПОР НАШЕ ОКНО

Наше окно озарялось
Солнечным теплым лучом.
Было – а может, казалось?
Счастье во взоре твоем.

Беды нагрянули сразу
Полчищем туч грозовых.
От постороннего глаза
Прятал он горе двоих.

Смотрит в окошко ненастье.
Дымкой затянута высь...
Может, и не было счастья?..
Наши пути разошлись.

1941

ШАРДА-ААМТА¹

Шарда-аамта! Други, все ли
В сборе? Выпьем же за то,
Чтоб в сердцах цвело веселье
Девятьсот годов и сто.

Дружно кубки подымите
С чистым, искристым вином.
Двухголосой огласите
Песней радости наш дом!

Спелых гроздей дар янтарный
Блещет, пенится, шипит
И отрадой лучезарной
Наши души вновь дарит,

Дева, что струей златою
Льет нам в кубки ток вина,
Юным сердцем и душою
К другу расположена.

Пусть ответит он любовью,
Что в груди его горит.
Выпьем же ее здоровье,
Как обычай нам велит.

Будет – вечно молодая –
Наша жизнь полным-полна.
Все пышнее расцветая,
Пусть проходит, как весна.

¹Шарда-аамта (многие лета) – застольное восклицание.

Пусть у каждого лет до ста
Не скудеет юный жар!
Выше кубки, громче тосты
За великий жизни дар!

Шарда-аамта! Други, все ли,
Все ли в сборе? Так за то,
Чтоб в сердцах цвело веселье
Девятьсот годов и сто.

1941

ПРЕКРАСНАЯ ГУНДА¹

Окутав мраком неба своды,
Самодоволен и жесток,
Ввергая в бедствие народы,
Враг шел лавиной на восток.

Он обрекал людей на муки, –
Была военная гроза –
В крови его алели руки,
Горели жадностью глаза.

И вот пленился, озираясь,
Он солнцеликою страной –
Гора Ерцаху, возвышаясь,
Сверкала снежной белизной.

И в нем желание созрело
Ярмо на шею ей надеть –
Своей рабыней Гунду сделать,
Сокровищами овладеть.

Кто этой девушки не знает?
Подобных ей красавиц нет.
Прекрасный стан глаза пленяет,
Немеет перед ней поэт.

И смотрит вдаль, всегда на страже.
Ей хорошо в родном краю –
Цветок в лицо ей смотрит каждый,
Даря улыбку ей свою.

Враг видит: братья-нарты с нею,
Не наглядятся на сестру.

¹Гунда – героиня Нартского эпоса.

Ужель они осиротеет?
Добычей станет вражьих рук?

Ужель враги ее захватят,
В рабыню превратят ее?
Всю красоту ужель утратит,
Очарование свое?

С врагом скрестила Гунда взоры,
Был грозен блеск ее очей:
Крепка сейчас ее опора,
И братья-нарты рядом с ней.

Могуч их облик легендарный,
Им Гунда громко говорит:
«Исполнен замыслов коварных,
В мои ворота враг стучит...»

Сто молодцов неутомимых
Оружье древнее берут –
Сестры не выдадут любимой
И смерть скорее предпочтут.

Помчались в битву на арашах¹,
Врага разбили в битве той,
И Гунда, всех красавиц краше,
Их славит в песне боевой.

1942

¹Араш – сказочный конь.

МОЕЙ МАЛЕНЬКОЙ ДОЧЕРИ БИАНЕ

Тебя встречает май впервые
И птички песни заревые.
Ты шатко-валко на балкон
Выходишь – слушать вешний звон.

Благословенна, осиянна,
Ты радость всей семьи – Биана,
В твоих глазах – мечты, мечты,
Их выражить не можешь ты.

Как льется кровь на поле ратном,
Необозримом, необъятном!
Не оттого ль, что мир – гроза,
Задумчивы твои глаза?

1942

НА РАССВЕТЕ

I

Когда заря сияет в отдаленье,
О родине не надобно речей.
В рассветный час, в минуты пробужденья
Как ты прекрасна, свет моих очей!

Рассвет мне щедро возвращает краски,
И утренней звезды слабеет свет.
Тогда на мир смотрю я без опаски
И на короткий миг тревоги нет.

Тобой, Апсны, любуюсь каждодневно,
И радости другой не надо мне,
И я пою свободно и душевно
Об этом дне и о грядущем дне.

II

На горы с их высокой красотою,
На горы те, среди которых рос,
Ложится тень свинцовою плитою,
И эту тень к нам лютый враг принес.

Гром орудийный огласил просторы
И жар нам в лица всем дохнул войной,
И ощетинились родные горы, –
Народ предстал стеною крепостной.

Народ мой, перенесший столько горя,
Испытанный народ моей Апсны,
Един и непреклонен в бранном споре,
Прошел достойно тяжкий путь войны.

Отцы, что освятили наше детство,
Отцы, что в битву проводили нас,
Нам мужество оставили в наследство,
И мы его умножим – в добрый час!

• • • • •

Могу погибнуть – не могу я сдаться.
У знамени клянусь, как у огня:
Без родины я не хочу оставаться, –
Кто родину отнимет у меня?

1942

* * *

«Не поддайтесь, сыны мои, горю и страху,
На врага поднимайтесь, ведь он уже близко!» –
Так, вперед весь подавшись, воскликнул Ерцаху¹,
Над аулом тряхнув головой снежной низко.

Поднялись мы, Ерцаху, о как поднялись!
На врага мы несметными тучами встали
И сказали себе: пред врагом не клонись, –
Защитим мы страну, хоть бы кровь всю отдали.

1942

¹Ерцаху – горная вершина в Абхазии.

* * *

Когда фашист над родником нагнулся,
Родник вдруг кровью спекшейся свернулся.
Плоды хватал фриц жадными руками –
Они мгновенно превращались в камни.
Взбирался на отвесную скалу –
Скала обрушилась, гремя свою хулу.
На мост взошел, чтоб реку перейти –
Мост разломался на его пути.
Он бросился назад, спасая шкуру,
Но небо на него взглянуло хмуро,
И грозных молний выросли клинки,
И фриц нашел конец на дне реки.
И даже след его навек исчез...
Зачем, фашист, ты в край чужой полез?!

1942

* * *

Была зима, война, побед начало.
Был у старушки внук – лихой боец.
Старушка варежки ему связала
И вот отправила ему их наконец.

«Твои, родимый, не замерзнут руки, –
На Волге лютая зима... Отец
Домой не пишет... Все твои подруги
Велели кланяться тебе, боец.

Не дрогнет кто в бою – минует смерти,
Того не тронет и свинцовый дождь
Носи же варежки мои из шерсти –
До самого Берлина ты дойдешь!»

1942

ПАРТИЗАН

У края днепровской стремнины
Лежал он в траве недвижим.
Он ранен смертельно. В долине
Река протекала под ним.

Она простиралась широко,
Сверкающей зыбью слепя.
Лежал он у края потока
И боль подминал под себя.

Он тихо прощался как будто
Со всем, что имел на земле.
И берег, надломленный круто,
К днепровской спускался волне.

Лежал он в траве... Не вчера ли
Пускал под откос поезда,
Давно ли под грохот взлетали
На воздух обломки моста?!

Прощался мучительно с жизнью,
Но даже в погибельный час
Он знал, что мужчине с отчизной
Не время прощаться сейчас.

Собрал он последние силы
И встал. И, согбенный, стоял.
И вид его в поте и пыли
Несносную боль означал.

Хоть сердце сыновье, быть может,
И ныне бороться не прочь –

Он понял, что родине больше
Ничем не сумеет помочь.

В то время из выжженной дали
Сюда опаленным живьем
Фашисты вразброд подступали,
Чтоб взять партизана живьем.

Держа автоматы на спуске,
По пояс укрыты травой,
Они ему крикнули: «Русский!
Сдавайся, покуда живой!»

Он речью, врагу непонятной,
Ответствовал гордо врагу:
– Я в жизни дорогой попятной
Не шел и сейчас не смогу...

Затем он промолвил: «Прими же,
О Днепр широкий, меня!»
И поднял он голову выше,
И тело назад отклоня,

Он бросил гранату и взрывом
Врагов половину разнес,
И бросился в реку с обрыва,
Покинув суровый утес.

В подол материнский как будто
Он в заводь неслышно упал,
И Днепр его тело окутал,
Солдату пристанище дал.

Стояли враги удивленно,
И не понимали враги
Ни мужества этого воина,
Ни мужества этой реки.

Днепровские волны вскипали,
Незваных гостей торопя,
И тело бойца охраняли,
На камни бросая себя.

И слышалось, будто потоки
Твердили сильней и сильней,
Что испокон Днепр широкий
Незваных не терпит гостей.

1942

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Есть в жизни народов такие суровые дни,
Что всем поколеньям врезаются в память они.
Нас пламя войны обожгло в сорок первом году,
И дымные ветры неслись, предвещая беду.
Стояли мы насмерть, к плечу прижимая плечо,
И жерла орудий дышали на нас горячо,
В предчувствии злой, приближавшейся к сердцу беды
Не дрогнули мы, а теснее сплотили ряды.
В те годы над миром нависла дремучая мгла,
Но правды бессмертной она заслонить не могла.
Сквозь горе и слезы, сквозь лютую стужу и зной
Пришли мы к победе, сплоченные целью одной.
Мы знамя свое водрузили на вражьей земле,
И вспыхнуло утро для тех, кто томился во мгле.
Девятого мая зажглась молодая заря,
Развернутым стягом над морем и сушей горя.
Промчатся столетья, но этот немеркнущий свет
Пробьется к потомкам сквозь толщу бесчисленных лет.

1945

МОЙ ГОРОД

Как мне дорог мой город – веселый,
светящийся, свежий,
И знакомое, теплое, лучшее из побережий!
Я пою наше – небо, и утро, и звонкие хоры
Суетящихся птиц, и ветвей прихотливых узоры.
Как ты вырос и как возмужал, мой любимый Сухуми.
Весь в сиянье воды и в морском несмолкающем шуме!
Где, бывало, болото коню доходило до брюха,
Стало чисто и сухо, и песня касается слуха.
И дома молодые встают вместо прежних лачужек,
Подымаясь внезапно над грудой щебенки и стружек
Там, где лужи, бывало, весной подступали к порогу,
Я блестящую вижу лежащую рядом дорогу.
Эвкалипты и лавры над ней подымают вершины,
И, шурша и сверкая, по ней проезжают машины.

Встрепенулась вода, и на берег струится прохлада,
И дыхание моря сливается с запахом сада.
Этот климат меня от печали и старости лечит,
Даже в зимнюю пору листва тут шумит и лепечет;
И с каким бы цветком я случайно
ни встретился взглядом,
Он чарует меня не теряющим красок нарядом.
Темно-синими брызгами море меня освежает,
Отражает звезду и луну в глубину погружает.
Здесь впервые прозрел я и вымолвил первое слово
Здесь ушел я с любимой из-под материнского кровла
Здесь трудился, и жил, и мужал, и сближался с друзьями.
Пусть иных уже нет, имена их останутся с нами.
Их геройства вовек не забудут друзья и потомки,
Светом правды они разгоняли глухие потемки,
Шли бесстрашно в огонь, задыхались
в дыму непроглядном,

Мой Сухуми! К тебе обращаю горячее слово,
Ты грядущее наше и ты отраженье былого,
Ты ворота Кавказа, в которые море стучится.
И сквозь эти ворота врагу никогда не пробиться!
Все здесь дышит озоном, смыкается море с газоном.
О Сухуми, ты помнишь далекие встречи с Язоном?
Здесь ведь некогда «Арго» подолгу стоял на причале
И страдала Медея, и чайки над нею кричали.
Не сюда ль аргонавтов манило руно золотое?
Светлый город не раз превращался в болото пустое,
Зарастали его берега, покрывались чащобой,
Только звери из мрака на солнце глядели со злобой.
Но опять подымался мой город из тьмы и болота
И ложилась опять на заре на волну позолота.
О мой город любимый, ты сказочно молод и весел.
Сколько ярких шелков ты над морем
весенним развесил?!

Плени

МЫ ОДНИ В ОПУСТЕВШЕМ САДУ

Шли с друзьями сюда мы веселой гурьбой.
И до вечера нас услаждала потеха,
И по саду звенел, как весенний прибой,
Голосов наших звон и счастливого смеха.

А теперь ни души. Ты привстань и взгляни.
Чу! – Ручей ли журчит, или песня поется?
Или кто из друзей уходящих смеется?
Сад наш пуст. Мы с тобою остались одни.

Что же ты не поешь? Что же ты не смеешься?
Что же ты не спешишь? Я ответа не жду.
Ты, родная, со мною сейчас остаешься.
Больше нет никого в задремавшем саду.

Под ногами цветы и трава вся примята...
Брови сдвинуты. Гнев или, может быть, страх
Там под ними, как будто бы ты виновата?
Нет, печаль лишь мерцает в усталых очах.

В этот миг вдруг по небу скатилась звезда
И погасла, как искра огня голубого...
Ты стоишь и тревожно глядишь в никуда,
С уст твоих не сорвать ни единого слова,

Взор застыл молчаливо в молчащем саду.
И откуда души твоей странное свойство –
Затаенно страдать? Я твоих слов не жду,
Вижу, сердце твое жжет огонь беспокойства.

Глаз твоих ненадежно для тайны жилье:
Скрыть не могут они, что печаль и досада
Оттого, что решила, что сердце мое
Так же пусто, как мир задремавшего сада.

Ты, родная, ошиблась. И видеть я рад,
Как ты любишь меня. Жизнью всей присягаю
Я любви. И тебе ключ от сердца вручаю
Я, в свидетели взяв эту ночь, этот сад.

1946

МОСКВА

Москва, ты – сердце дорогой Отчизны,
И звезды алые, что над Кремлем парят,
Для всех народов – яркий символ жизни.
Труда и жизни радостный парад.

Слова любви на множестве наречий
Тебе твердят, на многих языках.
Не зря ты гордо расправляешь плечи
И торжествуешь в песнях и в стихах.

Ты мир даришь объятьями своими,
Ты подвигами на века жива.
Какое счастье славить твое имя
И с детских лет произносить: «Москва!»

Свет звезд Кремля неугасимым жаром
Сердца притягивает, как магнит.
Плывет он над земным огромным шаром,
Свободу миллионам, мир сулит.

Огонь надежды в нем, что людям дорог.
Он обещает уничтожить мрак.
Где есть еще такой прекрасный город?
Москва, ты – светоч. Как заря – твой флаг.

Ты мир даришь объятьями своими,
Ты подвигами на века жива.
Какое счастье славить твое имя
И с детских лет произносить: «Москва».

1947

ПЕСНЯ РАНЕНИЯ

1

Ранят ястреба стрелою,
Заживет крыло больное,
Коль копыто серны сбито,
Костью заастет копыто.
Коль бойца в сраженье ранят,
Рану снова плоть затянет.
Чтоб прогнать недуг проклятый,
Родичи, друзья солдата
Храбреца утешат лаской,
Бодрой песнею абхазской.
Пойте ж, други, неустанно:
«Атла псирири, псиқвана!»¹

2

Но иные есть больные,
Есть ранения иные...
Родничок любви засохнет,
Коль тропа к нему заглохнет;
Коль гнездится в сердце горе,
Раненый заахнет вскоре,
Воспалится в сердце рана...
Чем лечить недуг нежданный?
Лист лечебный не поможет,
Друг сове-та дать не сможет,
Пойте! Только песнь желанна!
Атла псирири, псиқвана!

1947

¹Припев старинной абхазской «Песни ранения».

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Пригибают лозу виноградные гроздья.
Здравствуй, осень! Желанная, жданная гостья!
Горьковат и дремотен твой медленный дым.
Он с усилием себя от земли отрывает.
Молодой виноград янтарем отливают,
Виноград наливается соком густым.

Дунет ветер, и, словно костер языкастый,
Опускаются на виноградник закаты,
На забрызганных гроздьях багрянцем горят,
И в ответ на осеннего ветра угрозы
Безмятежно и радостно шепчутся лозы:
«С новым счастьем! Созрел молодой виноград!»

Винодел бородатый и седоволосый
Заглядился на обремененные лозы,
Тяжесть гроздьев осенних измерил на взгляд.
Пышут черным огнем угольки винограда,
И созревшего сада ликует громада:
«С новым счастьем! Созрел молодой виноград!»

Для него в эту пору в деревне повсюду
Приготовить спешат поудобней посуду
И корзины из прутьев везде мастерят.
Возле каждого дома плетут и латают,
И задорные песни цветут и летают:
«С новым счастьем! Созрел молодой виноград!»

Восседает красавица на галерее,
Перечистить орехи спешит поскорее,
Нанизать их на нитку торопится в ряд
И улыбку таит, соблюдая приличье.

Переполнено радостью сердце девичье:
«С новым счастьем! Созрел молодой виноград!»

Не напрасно друг друга друзья торопили,
Скоро сдвинутся тесно стаканы на пире,
Заискрится мачар¹ на длинном столе.
И к садам по-осеннему желто-зеленым
Обратятся крестьяне с глубоким поклоном,
Благодарные матери – щедрой земле.

1947

¹Мачар – молодое, неперебродившее вино.

В ДОРОГЕ

Еду я дорогой горной,
Опадает зной,
Не устал мой конь проворный,
Верный конь гнедой.

Еду в горы я на отдых,
Там я в детстве жил.
А вокруг кипит природа
Первозданных сил.

До Сурамского нагорья
Даль раскрылась мне,
А направо плещет море,
В нем простор волне.

Небеса – как синий бархат,
И мерцает в них
Седоглавого Ерцаху
Белоснежный лик.

Еду я дорогой длинной
Через реки вброд.
В плодородную долину
Длинный путь ведет.

Уродилась кукуруза,
Кочаны сплелись,
А над ними с ношей грузной
Лозы поднялись.

За изгибом поворотов
Загустел табак,

Славно спорится работа
В молодых руках.

Еду, еду мелкой рысью
И кричу с седла
Людям, что ломают листья:
«Мастерам – хвала!»

Горный ветер песней веет
С влажной высоты,
У дороги зеленеют
Чайные кусты.

Близ дороги – смех и песни,
Я сдержал коня:
Листья кустиков чудесных
Смотрят на меня.

Еду я дорогой длинной
У подножья гор,
Золотые апельсины
Мой чаруют взор.

Из темнеющего сада,
Точно новый дар,
Блещут гроздья винограда,
Мандаринов жар.

Мне чудес не перечислить:
Ветви отягчив,
Вижу, яблоки повисли –
Золотой налив.

Вижу я, как расцветает
Мой родимый край,

Как обильно созревает
Новый урожай!

Вот строенья забелели –
Предо мной село,
Счастье здесь на самом деле
В обиход вошло.

Изобилье и довольство
Дал колхозный труд.
«Заезжай, товарищ, в гости!» –
Встречные зовут.

Полон радости высокой,
Голос мой звенит.
Ведь вспоен я жарким соком
Этой вот земли!

Песня крепнет год от года,
Родину пою!
Счастье моего народа
Полнит песнь мою.

Путь наш все светлей и краше.
Прям он и широк!
И к великой цели нашей
Нет других дорог!

1947

ТЕЛЕНОК

Где раскидистый тополь кудрявится,
На расчищенном скотном дворе
Отелилась корова-красавица.
Это было на ранней заре.

Тяжелеют соски налитые:
Видно, вымя полно молока,
И рога серебрятся крутые,
И лоснятся на солнце бока.

Сын с отметиной белой на мордочке
Материнское пьет молоко.
Разъезжаются ножки, как жердочки,
И на них устоять нелегко.

Вот на слабых копытцах теленок
Устремился за матерью в хлев.
Он сначала набрался силенок,
А потом замычал, осмелев.

Зоотехник любовно поглаживал
Золотистую спинку, бочок:
– Кто лелеял телят и выхаживал,
Сразу скажет: отличный бычок!

1947

ДМИТРИЮ ГУЛИА

Ты дал абхазцам песнь. Как лебедино
Она плыла! Как хороша она!
Как бы Ерцаху снежная вершина,
Твоих волос сияет белизна.

Нас, молодых, напутствовал ты. Слово
Ты приберег для каждого из нас.
Ты нес нам теплоту родного крова
И свет небес сухумских – в добный час.

Твои стихи – всевиденье рассвета,
Твои стихи – разлет широких крыл.
Нет силы, чтоб состарила поэта,
Хотя бы он сто лет на свете жил.

Такой, как есть ты, Дмитрий, в нашем стане
Вперед смотрящий, – за тобой идем.
Твое перо вовеки не устанет
Ковать добро и быть самим добром.

1948

ПОРА ТЕБЕ В ДОРОГУ

Вставай, мой стих, пора тебе в дорогу,
Не все ж лежать без дела на столе.
Нет, я к тебе не выйду на подмогу.
Иди, шагая смело по земле!

Зачем ко мне ты жмешься? Как ребенок,
За материнский держишься подол,
Но, посмотри, ты вырос из пеленок.
Хочу я, чтобы ты свой путь нашел.

Тебя снабдил я зорким, острым зреньем,
В тебя вдохнул я часть своей души.
Ты был строкой – и стал стихотвореньем,
Ступай же, полной грудью ты дыши.

Такой снабдил тебя я точной речью,
Что ты без переводчика пойдешь
Всем бурям, всем опасностям навстречу
И настоящий, верный путь найдешь.

Но если, сломлен трудною борьбою,
Вернешься ты, потупив жалкий взгляд,
Закрою двери я перед тобою,
Бесславно возвратившимся назад!

Затем, что трус презрения достоин,
И если, в страхе бросив меч и щит,
Покинет поле битвы робкий воин,
Отец его не примет, не простит.

Не сторонись великого боренья,
Оправдываясь: «Мне немногого лет», –
Не знает возраста стихотворенье,
Хоть обладает возрастом поэт.

1959

ПЕСНЯ СБОРЩИЦ ЧАЯ

Синеет утренний простор,
Над горной дальнею грядой
Туман курчавится седой,
А куропатка до сих пор
Не пробудила спящих гор.

Тут луч пробился невзначай,
И мы запели о труде.
Поем и будим птиц везде,
Поем и собираем чай...

Спешишь напрасно, ветерок!
Ты не угонишься, наш друг,
За быстротою легких рук!
Срываем за листком листок,
И спор наш труд, и сбор высок.

Эй, парень! Ты пришел опять?
Ты часто стал нас навещать!
Ты песни хвалишь всякий раз,
Но не за песней ты сейчас
Следишь дыханье затая:
Средь нас – любимая твоя.

1955

Я ЗНАЛ ТЕБЯ ДЕВЧУШКОЙ СМУГЛОЛИЦЕЙ...

Я знал тебя девчушкой смуглолицей...
Не говорили, что прекрасна ты.
Глазам не верю... Как не подивиться!
Где прятала ты столько красоты?

Я слышал – ты хозяйка-мастерица,
Детишки и нарядны, и сыты...
Тебе пришлось годами с горем биться,
Чтоб явью стали все твои мечты.

И вслед гляжу я, полон мыслей вешних...
Под ветром гнется молодой орешник,
Но крепко сердце в глубине ствола.
Тебя валила горькая усталость,

Ты гнулась под бедой, но не ломалась:
Знать, сердцевина прочна была.

1956

КАПЛЯ

Дождь то пуще, то тише;
Вот уж сутки почти
Капли падают с крыши:
«Кули-чили», «Кули-чили».

Солнца вешнего сабли
Туч распорют гряду,
Чтобы вспыхнули капли
За окошком в саду.

Чтоб туман поседелый
Ветру на спину лег,
Словно газовый белый
Невесомый платок.

Стебли с ветками зябли,
Это, видно, учли
Напевавшие капли:
«Кули-чили», «Кули-чили».

Знаю: рано иль поздно,
Зазвенев на ветру,
Капли в стужу замерзнут,
Испарятся в жару.

Не желал бы я песне
Этой участи, друг,
Не желал бы, но если
Станет каплею вдруг,

Упадет пусты на сердце
Человеку в пути
И поможет согреться,
И поможет дойти.

1957

* * *

Когда, друзья, вы в стужу замерзали,
Он буркой был надежно защищен.
Когда во льдах дорогу прорубали,
Протоптанный тропинки жаждал он.

Когда же вы ступили на высоты,
Советовал: – Туда дороги нет
– Откуда вы? – он спрашивал кого-то,
Когда вернулись вы домой чуть свет.

Когда вы на работу вышли дружно,
Ушел он из дома – он слыл больным.
Он не терзал себя. Ему так нужно,
Чтоб власти возраст не имел над ним.

О службе думал он такой: всевластно
По-дирижерски палочкой махать.
Начальником себя он видит ясно,
Иного он не хочет принимать.

Что приключилось? Грустными глазами
На мир поглядывает он, мастак,
Вчера ему на место указали:
Сиди вот здесь! Не так, брат, а вот так!

1958

ВЕТЕР МОЙ, ЛЕТИ!

О ветер, ты всегда, всегда в пути –
На родину попутно залети,
Помчись, мой ветер, по земле абхазской,
Скажи мой сестренке с тихой лаской:
«Слегка задет осколком старший брат,
Но он здоров, вернется он назад».

О ветер мой, побудь в родном краю,
Неси ты песнь последнюю мою.
Там, в доме, плачет мать моя седая,
Скажи ей слово, мягко утешая:
«Не плачь о нем, вернется мальчик твой,
Он невредим, вернется он домой».

О ветер мой, примчись ты поутру
расскажи отцу, что я умру, –
«На поле, где была горячей схватка,
Свою он отдал силу без остатка.
Увидев смерть, не отступил назад,
В бою не осрамил тебя солдат».

1954

* * *

В темное небо ночное взглядись,
Бархатом синим выстлана высь.

Звезды мигают в выси ночной,
Звезды смеются там надо мной.

Клялся ни слова тебе не сказать,
Вырвалось слово из сердца опять:

Нет, не смеялись бы звезды с небес,
Если б увидели глаз твоих блеск!

1959

ГОВОРИЛА СО МНОЮ КУМАРЧА¹

Словно стала моложе и ярче
Вся душа, озарившись во мне...
Говорила со мною Кумарча,
Моя белые камни на дне:

– Жернов мельничный двигать я в силе.
Помню, помню, смолола зерно,
Из муки тебе кашу сварили –
Это было давным-предавно.

Разбивавший колени и локти,
То купался ты подолгу, всласть,
То пытался, резвящийся ловчий,
Шапкой в быструю птицу попасть.

То босой, разбежавшись сначала,
Хоть и мал еще был чересчур,
Ты пытался во что бы ни стало
Перепрыгнуть меня, словно тур.

Мне твои вспоминаются игры.
Рос ты, маленький, день ото дня.
И себе показался Сасрыковой²,
Сев однажды верхом на коня.

Волны те, что тебя омывали,
В море бурную долю нашли.
Да и ты вспоминаешь едва ли
Обо мне, проживая вдали.

¹ Кумарча – речка в селении Члоу.

² Герой абхазского эпоса о Нартах.

Видел реки ты глубже и шире,
Что сгибают пространство в дугу,
Разве с ними, великими в мире,
Я – Кумарча – равняться могу?

Стало сердце стучать мое жарче.
И нагнулся к студеной волне:
– Слышишь, реченька-речка Кумарча,
Дорога ты по-прежнему мне.

Не забуду тебя я вовеки.
Если б, с гор начиная разбег,
Не сливались бы малые реки,
То великих бы не было рек.

Стал я сед, как волны твоей пена.
И, хоть часто разлука длинна,
Знай, что в сердце моем неизменно
Ты, как в зеркале, отражена.

1959

* * *

Члоу, Члоу, дней моих начало,
Юношеской песни колыбель.
Здесь впервые песня прозвучала,
И пошла она шагать отсель.

Ты лежишь передо мною, Члоу,
– Над тобой – спокойная луна.
Я пишу, иду от слова к слову
Около раскрытоого окна.

Во главе с Ерцаху наши горы
Подошли, приблизились к окну,
Строгие в меня вперили взоры,
Словно ждут, пока я отдохну.

Эти взоры душу будоражат.
Горы смотрят на меня в упор,
Верю я, они мне правду скажут,
И я слышу голос гордых гор:

– Так ли, как у нас в горах потоки,
Думы у поэта широки?
Так ли у тебя прозрачны строки,
Как у нас прозрачны родники?

Как Ерцаху снежная вершина,
Высока ли участь слов твоих?
С песней гор звенит ли воедино
В сердце у тебя созревший стих?

1959

СОЛДАТ И ЕГО СЫН

Он был на войне. На войне поседел.
Он с жизнью сто раз попрощался.
Он смерти в глазницы бесстрашно глядел
И к жизни опять возвращался.

Горячая пуля застряла в груди.
Очнувшись в стенах медсанбата,
Он слышал хирурга: «Солдат, потерпи...»
Не вырвался стон у солдата.

Он песню раненя пропел чуть дыша,
И боль постепенно утихла,
И радость о жизни на смену пришла
И к выздоровлению подвигла.

За дверью стояла поникшая мать,
А сын, прилагая старанья,
Себе приказал ни за что не стонать,
Чтоб ей не прибавить страданья.

Недавно его белобрысый малец
Споткнулся о камень и ногу
До крови разбил, и рванулся отец
К нему, не скрывая тревогу.

О нет! Ты спасаешь его не сейчас...
Еще не рожденного сына
Ты в майские дни сорок пятого спас,
Штурмую кварталы Берлина.

1959

ВОЛШЕБНЫЙ КАМУШЕК

Кайсыну Кулиеву

Он прост – тот камушек волшебный,
Мне возле дедовских могил
Один балкарец задушевный
Его на память подарил.

Преувеличивать не склонен.
Но предо мной Эльбрус опять
Предстанет, если на ладони
Я стану камушек держать.

И снег заблещет несказанно
Над синим зеркалом тепла,
И клекот дикого Баксана
Сольется с клекотом орла.

И я ушедшего от пули
Увижу тура на скале,
И дым над крышами в ауле,
И хлеб на струганом столе.

Увижу всадника лихого:
Он к скачке бешеной привык,
И за плечами ветром снова
Захлебывается башлык.

Увижу белый, как из кварца,
Камин с пожаром в глубине.
И задушевного балкарца,
Стихи читающего мне.

Разлукою не отдаленный,
Я старой дружбой дорожу.
И снова на руке дареный
Волшебный камушек держу.

1959

* * *

Когда даже лампа бессильна зажженная,
И в черную полночь ни зги не видать,
И черную пену река разъяренная
На черные скалы бросает опять,

Я в Члоу родном и с глазами закрытыми
Дорогу к любому порогу найду.
И, словно при солнышке, там за ракитами,
Вновь речку по жердочке я перейду.

Покрепче схвачусь я за тучи косматые
И с помощью их на Панавский хребет
Взлечу и увижу зеленоватые
Морские валы и багряный рассвет.

И полы черкески засуну я за пояс:
«Любезное Члоу, встречай земляка!»
И ветер на плечи мне сядет и, радуясь,
Играть будет кисточкою башлыка.

И ног моих не подведут сухожилия,
Хоть год буду целый бродить и бродить
По тропам и травам родной этой шири я,
Где голос у ласточки тонок, как нить.

Пусть Члоу мое – небольшое селение,
На карте не всякой есть имя его,
Но здесь я родился, и мне от рождения
Земля эта в жизни милее всего.

1959

* * *

Лаганиах – дорогое слово,
Детства уголок.
Здесь всей жизни прожитой основа,
Здесь судьбы исток.

Ты лежишь, деревня, под луною,
Вся озарена.
Я сижу объятый тишиною
Около окна.

Сгрудились полуночные горы,
Подошли к окну,
Устремили пристальные взоры
К сердцу моему.

Говорят: – Чисты твои реченья
Так ли, человек,
Как высокогорное теченье
Наших светлых рек?

А под стать ли человечьи речи
Нашей высоте?
А зозвучны ль песни человечьи
Нашей красоте?

1959

СЫНОВНИЙ ДОЛГ

С тобой говорить мы не будем о том,
Что дряхлую мать без присмотра оставил.
– Ей – старая пацха¹, тебе – новый дом,
И, мать не позвав, новоселье ты справил.

Не будем с тобой говорить и о том,
Что ты пожалел ей платочек из ситца,
Но добрые люди, с душою, с чутьем,
С ней стали и хлебом, и солью делиться.

Забудем и то, что по разу в году
Являлся ты к матери гостем почтенным,
Нарядный входил у людей на виду,
Но хоть бы в сарай ты сходил за поленом!

Нет, сына бранить и не думала мать,
Заботливой, любящей, доброй осталась:
«Хочу тебе счастья, сынок, пожелать
За то, что мою осчастливили ты старость!»

Но были одни лишь соседи при ней,
Когда умирала в великой печали.
Что скажешь? Молчи, это будет честней!
А слезы холодным глазам не пристали...

Ты чванился, гроб дорогой заказав,
И в день похорон ты расходы устроил,
И, траура ленту надев на рукав,
Ты с пышностью пир поминальный устроил.

¹Плетеный крестьянский дом.

Но если бы матери бедной помог
Деньгами, что выбросил ты по старинке,
Поныне жила бы она без тревог
И тратиться ты бы не стал на поминки.

«Хоть пышно, да горя не слышно в слезах», –
Соседи с таким разошлись разговором.
Упреки ты в их различил голосах?
Ты помнишь ли женщину с ласковым взором?

Но если еще не лишен ты стыда, –
На памятник деньги не тратя впустую,
Поставь у могилы ограду простую,
Чтоб сдуру не лазили свиньи туда.

1959

ПО ГОРАМ Я СКАКАЛ

По горам я скакал летом или весной,
И дорога лозою вилась подо мной.

Вдруг споткнулся мой конь и чуть-чуть не упал:
На дороге большой серый камень лежал.

Покатился он вниз, нас от бездны храня,
Ударяясь, как колокол древний, звеня.

Вдруг в заоблачье голос раздался дразня:
«Что же ты, верховой, не заметил меня?»

Что ж споткнулся в средине дороги твой конь?
Твой булавый товарищ? А если б огонь?

Если б враг там стоял? То, несясь на врага,
Он споткнулся б вот так? Жизнь всегда дорога.

И сорвался б ты в бездну, как будто шутя...,
Спотыкаться нельзя: ты, джигит, – не дитя.

Путь уводит вперед, путь ведет далеко,
И нельзя доставаться врагу так легко!

Враг есть враг, и опасность – на каждом шагу.
И сейчас предо мною ты, всадник, в долгу».

«Это так!» – говорит, возвышаясь, гора,
Белоснежной вершиной блистая с утра,

Чистотою своей, белизною своей...
И слова повторяют все горы за ней:

«Враг есть враг, и опасность – на каждом шагу.
Перед камнем ты, всадник, в великом долгу.

Путь твой мирен, но бдительным будь, наш джигит.
Пусть несется скакун твой – ему путь открыт».

1960

* * *

Когда я впервые открыл глаза –
Увидел горы в блеске полуденном.
Когда впервые я открыл глаза –
Увидел море в трепете зеленом.

Когда я в колыбели изнемог,
Меня омыла мать морской волною,
Я жажду утолил, испив глоток
Из родника, рожденного скалою.

Как песня колыбельная, меня
Баюкал шум ленивого прибоя,
А горы, сон младенческий храня,
В небесной мгле белели надо мною.

Питомец двух великих матерей –
Стихиям двум моя судьба подвластна
Горам и морю... И в душе моей
Они шумят отзывчиво и страстно.

1960

* * *

Я летел по горам, как гроза.
Извивался мой путь, как лоза.

Конь булавый, пылая, как пламень,
Вдруг споткнулся о камень. И камень

Полетел, поскакал среди скал,
Словно колокол, звонко возвзвал,

Беспокойный и сильноголосый, –
И ему откликались утесы:

– Гей ты, всадник! Твой конь – как огонь.
Почему же споткнулся твой конь?

Что же будет в лихую годину,
Если двинется враг на равнину?

Ты помчишься навстречу войне
На булавом горячем коне,

Чтоб захватчик живым не вернулся,
И споткнешься, как ныне споткнулся.

Ты низринешься вниз головой
Или станешь добычей живой!

Если недруг грозит нашей славе,
Ты, боец, спотыкаться не вправе!

– Это так! – подтвердила гора,
Та, чьи зубы белей серебра.

И со всех родников и ущелий
Воды, камни, стволы загремели:

– Злится враг, нам войною грозя,
Значит, нам спотыкаться нельзя!

1960

* * *

Хлынул дождь потоком,
Но из хмурых туч,
Будто ненароком,
Брызнул добрый луч.

Девушка промокла
Под дождем насквозь.
Бисерные стекла
Блещут в черни кос...

А сама смеется
И дрожит сильней...
Солнышко, сдается,
Сжалилось над ней:

– Что, родная, зябко?
Полно, не дрожи!
Вот – лучей охапка!
Косы просуши!

1960

ГОРЫ ЛЕТОМ

Зной подошел к горам вплотную.
Согрелись летом старики
И в воду бросили морскую
Белеющие башлыки.

Они стоят, простоволосы,
Красуясь на родной земле.
Себя вершины и утесы
В зеркальном узнают стекле.

Но в том стекле – да что с ним стало! –
Не отразилась седина.
А горы смотрят: где же старость?
Им только молодость видна!

Не потому ли днем осенним
Шумят опавшую листвой
И провожают с уваженьем
И с обнаженной головой
Последний летний вечер свой?

1960

* * *

От лютого ветра, от стужи
Зимою деревья не раз
Кора укрывала не хуже,
Чем бурка любого из нас.

Когда, словно глупый рубака,
Вдруг зной разойдется с утра,
Как нас от ожогов – рубаха,
Деревья спасает – кора.

Всегда на испытанных самых,
Могучих деревьях она
В глубоких морщинах и шрамах,
Как крепости древней стена.

Одежду, что станет не впору,
Мы сменим – и это к добру.
Не так ли в весеннюю пору
Деревья меняют кору?

1960

* * *

Древнюю старушку опустили
Нынче в лоно матери-земли,
И стоит старик лицом к могиле,
Он стоит, хоть все давно ушли.

Все стоит, как будто он прикован
К ней, делившей с ним земной удел,
Будто самых важных, нужных слов он
Досказать подруге не успел...

Сколько вместе прожито на свете,
Сколько весен, радостей и бед
За невозвратимые, за эти
Дорогие восемьдесят лет!..

Шли вдвоем в согласии, не споря,
И любовь сумели уберечь...
Как поднять такую глыбу горя?!

Эта ноша – не для дряхлых плеч!..

И, пожалуй, не хватило бы силы
На такую кладь у старика,
Если бы ему не подсобила
Внука малолетнего рука.

1960

* * *

Он рано встал. На улице – темно.
Оделся. Ходит... Рано все равно!

«Как стрелка нынче медленно ползет!» –
Ручных часов он проверяет ход.

Но хоть на улице темным-темно,
Все в доме поднялись давным-давно.

На кухне мать хлопочет без конца.
Лицо торжественное у отца.

Братишки малые и те не спят:
«Неужто в путь-дорогу, старший брат?..»

...Вот наконец он вышел из ворот.
Он на работу в первый раз идет!...

Прощай, беспечность, школьная скамья!..
Любуется в окошко вся семья,

Как он шагает, плечи распрямив,
Смущенно-горд и празднично – счастлив.

И каждый встречный – верится ему –
Отлично понимает почему...

На труд идет он, как на торжество...
И правда, встречный, глядя на него,

Вдруг вспоминает молодость свою,
Как первый раз он зашагал в строю,

Как на работу вышел в первый раз,
И шепчет вслед: «Дружище, в добрый час!»

1960

* * *

Все ненасытней я становлюсь,
Мучаюсь молча – слов не хватает.
Белкой в орешнике слово мелькает,
Скрылось... и я ни с чем остаюсь.

С ночи сижу, тружусь неустанно,
Слажу строфу к наступлению дня.
Слово пернатое глазом фазана,
Словно из леса, глядит на меня.

Вот я тянусь за ним осторожно,
Но не поймал его, не суждено.
В дыме табачном, крикнув тревожно,
Вспыхнув жар-птицей, скрылось оно.

Новое вдруг выходит, как лебедь,
Длинную шею свивая кольцом,
Плавает в озере, кружится в небе,
Да не поладит никак со стихом.

Будто иду я с ношей медовой.
Новое слово догнало меня:
– Не узнаешь? Я искомое слово. –
Гонится следом, пчелою звения.

Но ведь на «дза» кончается слово.
Я же ищу, чтоб кончалось на «да».
Лезут ненужные снова и снова.
Гнать их – напрасная трата труда.

Людям давно оскому набили,
Стерлись, как старые жернова,
Скольким писакам они послужили,
Всем надоевшие эти слова!

Вдруг на пороге другое вступило
В резком дыхании вихревом,
Все перепутало, переместило,
Что собирая я и строил с трудом.

Стреки распались, слова разбежались.
Эти вприпляску пошли кувырком,
Те, словно фокусники, закачались
На этажерке и под потолком.

Войском идут на меня муравьиным,
В разные стороны тянут меня...
Стол оставляя полем пустынным,
Прочь убегают, друг друга тесня.

Вихрем летят в своевольных стихиях.
И от былого труда – ни следа...
Речь моя, песнь моя, ты примери их,
Соедини и сродни навсегда!

1960

БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, ГРОМ!

Только я задремал, облака набежали,
Затуманились факелы звезд в высоте,
Тучи тяжко надвинулись, загрохотали,
Стрелы молний блеснули в густой темноте.

Гром ударил над крышей, грознее обвала.
Я проснулся: о сон мой, ужель ты пропал?
Предо мной она в кофточке белой стояла,
Та, которую ждал я, и звал, и искал.

Как когда-то, была она в кофточке белой,
Как тогда, хороша, и юна, и светла.
На седины мои она молча глядела,
Что-то молвить хотела мне и не могла.

Гром ударил, виденье мое улетело.
Гром, спасибо, пусть образ исчез дорогой,
Но она сокрушенно сказать не успела:
«Бедный друг! Ты ли это? Какой ты седой!..»

1960

ТОСТ

Поднимаем мы тост для почина,
Звонко чокаясь тонким стеклом:
– За мужчин! Настоящий мужчина
Не теряет ума за столом.

Тот не должен к вину прикасаться,
Чья лукава душа и смурна,
И не к чести мужской заплетаться
Начинает язык от вина.

Только пьяница пить не умеет,
И не знает он толка в вине,
За столом от вина не умнеет
Тот, кто истину ищет на дне.

Уваженья крестьянин достоин:
Он созревшие грозди срезал,
Сок земли, что на солнце настоящий,
Добывая, вино создавал.

Сок вина потому и кристален,
Потому и огня в нем полно,
Что от чистого сердца крестьянин
Приготовил под осень вино.

В темном погребе в чистом кувшине
Он вино молодое держал.
И, как снег на кавказской вершине,
Чистым холодом погреб дышал.

Вновь увижу я гроздь винограда,
Если гляну стакану на дно,
И, любя, я хмелею от взгляда
Той, что мне наливаet вино.

1960

МЕЖДУ ДВУХ МОРЕЙ

Ты сердишься, Черное море,
И что-то таишь от меня,
Валы свои в яростном хоре
На пенную отмель гоня.

Ты в мирном затишие, бывало,
И в бурю под гром штормовой
Мне думы свои открывало,
Смятенье даря и покой.

Как дедушка с маленьkim внуком,
Усевшийся перед огнем,
Ты гнало усталость и скуку,
Рассказывая о былом.

Ты злишься, что названо Черным –
Другие, мол, есть имена.
В стремленье своем непокорном
Твоя голубеет волна.

Под солнцем полдневным, не зная
Ни власти мороза, ни льдов,
Ты вечно блестишь, не меняя
Прекрасных своих берегов.

Иль память томит неизменно
О черных давнишних делах,
Когда Диоскурии стены
В твоих утонули валах.

Нет, вижу – другое тревожит,
Другое волнует тебя.
Об этом шумишь ты, быть может.
Прибой свой о камни дробя.

Вздымаешь ты на просторе
Ряды белогривых голов
И видишь – зеленое море
Растет за грядою холмов.

Растет и холмы заливает
У берега твоего,
И рой твоих брызг долетает
Порою до моря того.

Пусть мгла небеса застилает,
Пусть солнце палит – все равно, –
То море свой цвет не меняет,
Всегда зеленеет оно.

Оно – не обычное море.
Как только сады отцветут,
На вольном холмистом просторе
Здесь женщины с песней идут.

И ширью морского раската
Шумит оно... Дело лишь в том,
Что море земное богато
Не водами – чайным листом.

Ты думаешь, Черное море:
«Я радуюсь добрым друзьям.
На отмелях пенных, на зное
Загар я им бронзовый дам.

Но если они отвратятся
От волн целебных моих
И морем зеленым прельстятся,
Я стану болотом без них».

Эй, море, шуми всей ширью!
Ведь слава не молкнет твоя:
Приедут к тебе из Сибири,
С Донца и с Урала друзья.

Здоровья они наберутся
У солнца и у волны
И к прежней работе вернутся,
Признательностью полны.

На стройках, у домен и в лаве
Их ждет титанический труд...
Мы сборщиц чая прославим
Что морем зеленым идут.

О том ли, сердясь, бушевало
Ты в черном ночном забыти?
Эх, море, когда бы ты знало –
Как славные гости твои

Вернутся с работы и жаркий
Отмоют усталость и пот, –
Абхазского чая заварка
Таким ароматом дохнет!

1960

* * *

Недуг овладел вдруг мною.
В дыхании лютой зимы
Почувствовал я пред собою
Преддверие вечной тьмы.

Любовь, моим жалобам внемля,
За плечи меня взяла,
Мой мир, мой лес, мою землю
В защиту мне привела.

И смерть, от меня оторвавши,
Изгнала, как облако мглы,
И жизнь показалась мне краше
Сквозь это ушко иглы.

От смерти, от ночи бездонной
Ушел я не сразу, не вдруг.
Но в горне любви закаленный,
Бессмертным становится дух.

1960

ПАЛЬЧИКИ

Пальцы есть – так тонки и стройны, –
Их бы пальчики звать скорей.
С виду слабы, нежны, спокойны,
Но порою судьбы сильней.

Чуть они аchanгурा коснутся,
Струн живых запоет перебор,
Мертвеца заставит проснуться,
Просветлит помрачневший взор.

Столько звуков, издавна милых,
Будит в сердце струн этих звон,
Что рукой шевельнуть я не в силах –
Погружен в чародейный сон.

Эти пальчики – с силой такою –
Самолет могли бы вести,
Что ж не могут они покоя
И моей душе принести?

Уважают меня, жалеют?
Объяснить себе не могу,
Иль седин моих тронуть не смеют –
Не обжечься бы, как в снегу?

1960

ГОРЫ ЛЕТОМ

О лето, так твои объятья жарки,
Так знойно обласкало ты вершины,
Что бросили они седые шапки
В потоки вод, текущие в долины!

И, стоя с обнаженными главами,
Вздымаясь над цветущими садами,
Глядятся, молодые, небу вторя,
В зеркально-голубое море,

Не потому ль покуда лист осенний
Не упадет от ледяного ветра,
Не надевают шапок, с уваженьем
И благодарностью с тобой прощаясь, лето!

1960

МОЯ РЕСПУБЛИКА

Ты прав, не велика моя Апсны, –
Так полоса узка береговая,
Что всю ее с нагорной вышины
Увидишь ты от края и до края.

Но жизнь ее в седые времена
Ушла сплетеньями корней глубоких.
Вставала грудью ты, моя страна,
Сражаясь против недругов жестоких.

Шли к рубежам Абхазии моей
Грабительские орды с гор и с моря
Пылали стены крепости Трахей,
И кровь лилась, и клокотало горе...

А сколько в рабство взято – в край чужой?!

А махаджиров горькое изгнанье?!

О кровной мести, о вражде слепой
Доныне тяжело воспоминанье.

А гнет имущих? Мог бы плыть корабль
По морю пота, что народом пролит.
Но жив народ – хозяин – а не раб!
Ничье ярмо его не обездолит!

И поднялась и расцвела страна
Под братской нерушимою защитой
Радущая, гостелюбия полна,
С улыбкой ясной и с душой открытой.

Смотри, как ярко даже в январе
Горит над нами солнце в синем небе,
Белеют горы в снежном серебре,
А ветер с моря мягок и целебен.

Как ароматно – крепок наш табак,
Как вкусен чай абхазский! А в Ткварчели,
Слежавшись черным золотом в веках,
Мерцает уголь в глубине ущелий.

Высок Ерцаху: у его пяты
Ключей холодных легион струится,
В садах под осень цитрусы желты,
Как зеркало, в горах сверкает Рица.

Не говори: Абхазии мала!
В содружестве республик наших славных
Мы – ветвь живая мощного ствола
Страны Советов, равные средь равных.

Название страны моей – Апсны;
Оно глубоко в сердце отдается,
В нем – ласка дружбы, блеск живой весны,
«Страной души» земля моя зовется.

Сорокалетие страны моей
Торжественно мы нынче отмечаем,
Пройдя высоких сорок ступеней,
Весну свободы новую встречаем.

1961

ГДЕ БЫ Я НИ БЫЛ...

Я в дороге, вперед, вперед...
Убегают пути далече.
Чу, в лесу кукушка поет,
И опять весна настает,
И леса шумят мне навстречу.

Путь скользит по обрывам скал,
По теснинам гор пролегает.
Под крылом – седой перевал...
И, гремя, океанский вал
За кормой высокой вскипает.

Пусть мой путь преграждает лес,
Или рек безумных пороги,
Иль обрывистых скал отвес –
По морям, в синеве небес
Я в дороге, всегда в дороге.

Но пройди хоть весь круг земной,
И в немыслимом отдаленье
Ты поймешь – нет дали такой,
Где б не видел ты пред собой
Отчий край, родное селенье.

1961

* * *

Я руки раскинул – трава и трава.
Пот с лица высыхает,
Взвивается птица.
Земля горяча и жива,
Как спина скакуна, золотится.

Взрыв громово бушует в ушах.
Это вода нарастает в турбинах.
Вот руду поднимают из шахт.
Сколько звуков глубинных!
Где-то яблони падают.

Где-то олень
На деревце напирает рогами.
Где-то ветер прошел по хлебам, словно тень.
Но слышу другое
Во всем этом гаме.

Другое, еле слышное, мне
Приходит сквозь все громыхание мира:
Ребенка дыхание в тишине,
Лепет его
Ничто не затмило.

Плеск ладоней и лепет его
Сильнее всего раздаются по свету,
Потому что богатство земли и ее торжество
Ждут его неустанно
В минуту вот эту.

1961

НА СКАЛЕ

В ту высь, где носятся орлы,
Сосна шагнула смело
И на груди крутой скалы
Спокойно зеленела.

Как было ей взойти дано
На этом камне твердом?
Иль уронил сюда зерно
Орел в полете гордом?

У деревца упрямый нрав:
Оно, борясь с ветрами
И на уступе твердо встав,
Впилось корнями в камень.

Когда туман в горах ползет
И дышит высь грозою,
Оно стоит, оно живет,
Всегда готово к бою.

А налетает ураган,
Дубы в щепу ломая,
Сосна, к скале прижав свой стан,
Стоит, не уступая.

От груза снега на ветвях
Дубы не раз ломало,
Оно ж стоит врагам на страх
Все так же, как стояло.

И как оно не сорвалось
От головокруженья?..
Оно из камня родилось,
Упорства и терпенья.

1961

* * *

Если правда слово породила
И от сердца жар оно берет,
Ты от сердца, если нужно; силой
Оторви его, пусти в полет.

Срок упустишь – слово остывает,
Не взлетает огненной стрелой...
А когда винтовка не стреляет,
Для чего носить ее с собой?

1961

ТЫ БЕЗМОЛВНА

Ты безмолвна... Твое безмолвье
Жгучий пламень зажгло во мне.
Море стихло, умолкли волны,
Солнце клонится в тишине.

До разлуки нашей – минута.
Вот закроются створы ворот...
Ждет тебя корабля каюта,
Самолет меня унесет.

Мы – лицом к лицу, еще рядом,
Но спустя всего полчаса
Между нами лягут преграды –
Горы, степи, моря, леса.

И когда мы встретимся снова?
Замерла мольба на губах.
Ты смеешься. Ни ласки, ни слова!
Ни слезы на твоих глазах?!

1961

* * *

Рассекая космоса бездну,
Человек стрелой воспарил.
В изумленье мир многозвездный
За полетом его следил.

Слава, слава, Юрий Гагарин!
Нам еще не хватает слов!
Подвиг твой – велик, лучезарен –
Засиял на века веков.

Мы еще не успели осмыслить,
Что тебе совершить довелось,
Ты вернулся из грозных высей
И звезду на землю принес.

Сын в Апсны в этот день родился,
Яркий праздник принес в семью,
Был тот сын – чтобы праздник светился, –
Назван Юрием в честь твою.

Я не знаю, какие планеты
Он со временем посетит,
Но сквозь млечные дали и лета
Отчий край, как источник света,
Еще ярче ему засияет!

1961

* * *

Как странно, нелепо и грустно,
Как случай бывает жесток:
Сухое и жесткое русло...
А был здесь когда-то поток.

Летел он и пел без печали
О том, что дорога долга.
Его еле-еле вмешали
Размашистые берега.

Как будто большая работа
Окончена навсегда,
На скалах искринками пота
Уже не сверкает вода.

Умолк ее ласковый лепет –
И скалам молчать суждено.
Обглоданной костью белеет
Недавнее влажное дно.

И трудно смотреть мне на это,
И не опускаю я глаз
И все вспоминаю поэта,
Которого нет среди нас.

Во цвете таланта скончался,
Оставив соцветия строк,
Ушел безвозвратно, умчался
Куда-то, как этот поток.

И все же сравненье неточно.
Трудов своих не завершив,
Он каждою малою точкой
И каждою буквою жив!

Земля, что поток породила,
От собственной власти пьяна,
Сама же его поглотила
Навеки, на все времена.

И вскоре о нем позабыли,
Узнав про бесславный конец,
А строки поэта, что были
Дарением душ и сердец,

Из книг, где все это воспето,
Вернулись в людские сердца,
И значит, у жизни поэта
И нет, и не будет конца!

1961

4 МАРТА¹

Что там за горы поднялись? Не те ли,
Что вижу каждый день перед собой?
Как приосанились, помолодели,
Красуются под утренней зарей!

Как будто новые черкески сшили,
В нарядных архалуках, башлыках,
И видно, впрямь на празднике решили
В Сухуми встретиться – у нас в гостях.

1961

¹ 4 марта 1921 г. в Абхазии была установлена Советская власть.

О СВЕТ ОЧЕЙ – АБХАЗИЯ

О свет очей – Абхазия, мой отчий край,
Чтобы воспеть красу твою, мне силы дай.
И если гость тебя, мой край, увидел раз,
Не устоит пред красотой твоей, Кавказ,
В тебе для жизни все, ее продленья –
Синь моря, горы и садов кипенье!

Вечнозеленый сад, ты – вдохновенье.
Частица Родины великой, песнопенья
Тебе дарю я, о источник света.
Я счастлив, что родился здесь – не где-то...
Здесь все для жизни, для ее продленья
Синь моря, горы и садов кипенье!

Ты к подвигам зовешь меня, к победам.
С тобою счастье в жизни я изведал.
В тебя и стар, и млад – все влюблены,
Тебя красивей не найти страны.
Здесь все для жизни, для ее продленья –
Синь моря, горы и садов кипенье!

1961

ЗОНТИК

Август. Море – жаркая синька.
От такой жары не остыть.
Солнца блик на цветную косынку
Опускается – погостить.

А в садах сухумских прохлада,
Тень листвы над тихой Баслой¹.
Зонтик здесь раскрывать не надо,
Стороной идя теневой.

И к причалам с утра направляясь
(Так юна она, так скромна),
Легким зонтиком закрываясь,
Девушка проходит одна.

Глаз опущенных не подымает,
Видно, жаль ей взгляда-стрелы.
Звук ее шагов замолкает
Над ленивой гладью Баслы.

Не от полдня .лучей горячих
Тонкий зонтик ее раскрыт:
Если лик она свой не спрячет,
Взглядом сердце мне опалит.

Как мне зонтик ее ненавистен!
Вот оно – желанье мое;
Вихрь, дохни, обрывая листья,
Вырви зонтик из рук ее!

¹ Басла – название реки.

Взглянет... Будто стальное жало
В сердце мне глубоко войдет,
Ясный взгляд, как булат кинжала,
Синим пламенем полыхнет.

1961

* * *

Пьют за долгую жизнь мою!
А я, словно не понимаю,
Со стаканом в руке стою
И – весенний лес вспоминаю:

Тянет к небу стволы весна,
Ствол мужает и раздается,
И кора для него – тесна,
И коре – опасть остается.

Если я вдруг стану корой,
Тесной для моего народа,
Пусть он сбросит меня долой
И растет, как велит природа.

Опаду у его корней,
Стану почвою, перегноем,
Помогу и смертью своей
Ему вырасти надо мною.

1964

* * *

По скале отвесной, белой
Путь пробили, изгибая.
На него сейчас взлетела –
Видишь? Видишь? – Легковая.

Точно ураган пронесся
Над отвесом горной кручей,
Зацепив о грудь утеса
Лоскуток блестящей тучи.

Посмотри – водитель вышел,
Шапку снят неторопливо,
Смотрит на дорогу выше,
Смотрит – ниже – в глубь обрыва.

Что в его туманном взгляде?
Что задумался он, стоя?..
Иль, на эту кручу глядя,
Вспомнил вдруг пережитое?

Может, въяль оно предстало?..
Здесь, где шею сломят черти,
Он – тогда юнец удалый –
Был на волосок от смерти.

Что ж явилось на подмогу,
Что спасло его в ту пору?..
Веря, что верна дорога,
Он пошел вперед и в гору!

1964

* * *

В дни, когда несчастен был твой друг, –
Ты одна была ему опорой.
Угрожали беды иль недуг, –
Ты одна спасала в эту пору.

Он об этом позабыл сполна
В ослеплении своем жестоком...
Лишь слетев с вершины ненароком,
Вспомнил вдруг, как ты ему нужна...
Но тебя докликаться не мог он.

1964

* * *

Горит очаг, и пламя вьется.
Подбросить дров – не проворонь!
Из рода в род передается
Неугасающий огонь.

Хочу, чтоб все беречь умели
Огонь, пришедший из веков,
Чей отсвет лег на колыбели
И на седины стариков.

1965

* * *

Дерево в цвету, как в белом дыму,
Дерево наряднее терема.
Бархатные пчелы летят к нему.
Лепестки роняют дерево.

Белые цветы застилают глаза
Пеленою свадебно-белой.
Дерево не зря обвивает лоза
Гибкою рукою смелой.

Счастлив тот, в ком кровь течет – молода,
Как роса молочная с веток.
Дважды счастлив тот, кто еще никогда
Весен не считал своих светлых!

1965

ОСЕНЬ

Кодор, как дьявол, стал седым,
Он зол и неучтив.
Стоят деревья перед ним,
Штанины засучив.
Сбивает ветер, как стрелок,
Ворону с высоты,
Она летит наискосок
В прибрежные кусты.
Охотник в зарослях полдня
Страдал, чтоб повезло.
И вальдшнепы с его ремня
Свисают тяжело.
Текут дождинки по щекам,
Уж близок отчий кров.
Телята лынут к парным бокам
Иzmокнувших коров,
Уж скоро двинутся снега,
Листвы засыпав медь.
Такой порой у очага
Сидеть бы да сидеть.
Потока рев меж черных глыб,
И ветра слышен свист,
Вот к моему плечу прилип
Багрово-темный лист.
Вздохнув, я трогаю плечо.
Шатер небесный мглист.
Сколь раз за жизнь мою еще
К плечу прижмется лист?

1965

МОЕ ДЕРЕВО

Годы детства почти позабыл, как на грех,
Я за годы забот и работ.
Но я помнил развесистый древний орех,
Что стоял возле наших ворот.

Сколько лет пролетело – и вновь старика
Вижу, в дом возвратившись родной.
И плодов уже нет, и щемяще легка
Ноша листьев его надо мной.

И хоть старость написана нам на роду,
Не могу примириться я с ней,
И вокруг дерева грустно и слепо бреду,
Спотыкаясь о плети корней.

И прошу я орех: «На меня ты взгляни!»
Голова моя тоже седа.
Пусть орешками детства минувшие дни
Хоть на миг возвратятся сюда!

Помнишь, в грубых руках ураган тебя сжал,
Было холодно, страшно, темно,
Я в постели, испуганный, жалкий, дрожал,
Но ты стукнул мне веткой в окно.

И мгновенно утих ветра яростный вой,
Потому что ты был как броня,
Мой отважный боец, верный мой часовой,
Охраняя мой дом и меня.

Наши игры припомни, назад обернись,
В мир, где ты и не лыс и не стар.
Вот я шапку швыряю – летит она вниз,
До вершины твоей не достав!

Вот смотрю я, как ветер подряд много дней
В поединке напрасном с тобой.
И мне кажется: ты – всех на свете сильней,
Ты не можешь не выиграть бой!

Вот корзину плетет дед мой, что-то шепча,
Под широкою короной твоей.
И тяжелый кувшин мать снимает с плеча
Тень прохладную даришь ты ей.

Если горе случалось, всей нашей родне
Твоя корона – как кровля была.
И совет собирался в твоей тишине,
И неспешно решались дела.

Ты не гнулся под снегом, не сох на жаре,
Величавый, спокойный, прямой,
Ты – свидетель всех свадеб на нашем дворе,
Похорон соучастник, немой.

Но ушли твои сверстники, те, с кем привык
Поднебесье плечом подпирать.
Оттого ли ты тяжко вздыхаешь, старик?
Одряхлел? И пора умирать?..

Гладкий ствол источила, изрезала чернь
Злых морщин, словно тайно тебя
Дни и ночи терзает безжалостный червь,
Плоть живую бездушно губя.

Мое дерево! Я не хочу, чтобы ты
Стало жалким калекой, больным.
Лучше рухни, сминая траву и цветы,
Ураганом повален шальным.

Шум паденья толпу в тот же миг соберет,
Пораженную горем одним.
«Гордо жил, гордо умер он», – скажет народ,
Стоя в скорби над прахом твоим.

Но печаль улетит и развеется в дым –
Это все же чужая беда...
Только в сердце моем молодым-молодым
Мое дерево будет всегда!

1965

* * *

Хоть сед жених, а стать как стать,
Он полон юношеской яви.
Легла ладонь на рукоять
Клинка в серебряной оправе.

Корит девчонку вся родня,
В словах отчаянье и холод:
– Он твоему отцу ровня
А ведь покойный был не молод!

Но сватов шлет жених опять,
Мол, я на ней жениться вправе.
Легла ладонь на рукоять
Клинка в серебряной оправе.

– Я словно вереск. Он цветет
Порой осенней, что не ново.
И пусть рассудит нас народ,
Когда невеста скажет слово.

И, отвергая власть родных,
Всем объявит невеста рада:
– Мне люб и мил седой жених,
И никаких других не надо.

И пьет народ за молодых,
Сошли с ума они едва ли.
Такие случаи до них
В подлунном царствии бывали.

1965

ТЕНЬ

Если путник замерзает,
Сладок пламень для него.
Если путник засыпает,
Сон прекрасен для него.

Если путник поскользнется,
Стань опорой для него.
Если мост под ним прогнется,
Ты предупреди его.

Если путник тень отбросит, –
Тень, кому она нужна!
Тень у путника не спросит,
Для чего нужна она.

Продолжая путь, прохожий,
Ты свети нам дотемна,
И на тень не будь похожим,
Что пуглива и бледна.

1965

НА ЕРЦАХУ ПОСМОТРЮ Я

В полночь я вскочил: недолог
Был мой сон... Стихал далекий
Шум... Луны дрожал осколок,
В дождевом плывя потоке.

Как в оркестре, в отдаленье
Где-то грохнул гром финала...
Тьма в какое-то мгновенье
В окнах таять начинала.

От какого же я вздора
Натерпелся ночью страху?
Сон мне снился: вижу горы –
Нет среди вершин – Ерцаху!

Что же делать, правый боже!
Как же так распались скалы?..
Я измучен, я встревожен,
Поскорей бы рассветало!..

Петухи, перекликаясь,
Что кричат там, в самом деле?
Как в золе, я в снах копаюсь,
Не могу я встать с постели.

Нетерпением горю я,
Жду зарю я – и поверьте –
На Ерцаху посмотрю я –
Избегу сто раз я смерти!

1965

* * *

...И вот моя душа, как говорится,
От плоти отлетит – и в тот же миг
Обид и бед земных ночная птица
Тень крыльев уберет со щек моих.

Но прежде, чем со мной случится это,
Ты, солнце, освети мое чело,
Чтоб все, что было, в переливах света
Перед глазами медленно прошло.

Чтоб высветили эти переливы
Все то, что жизнь сулила и дала:
Мои мечты, свершенья и порывы
И неосуществленные дела.

Дай уловить вершинный шум потока
Над пастбищем, в пастушеском краю,
И материнский голос, издалека
Поющий песню, баюшки-баю.

Продли блаженство. Угасать не надо –
Помедли светом в сумерках души
И свадебный припев «уари-дада»
Услышать на закате разреши.

Еще прошу, чтоб не была забыта
Тропа в горах, которая крутая,
И над конем абхазского джигита
Полет громоподобного кнута.

1965

* * *

Как только весть пришла, – я полетел.
Шел снег, и небо было так туманно!
Спросить у тучи даже я не смел:
«Успею ли?.. В живых ее застану?»

Вошел... Она металась, – горяча.
В измученном лице – ни капли крови.
И я, с волненьем слушая врача,
Стоял, как вкопанный, у изголовья.

Как эта шея сделалась тонка!
Темнели косы на подушке белой...
Надежда брезжила еще пока,
Хотя и пропадала то и дело.

А тень моя стояла на стене
И словно сторожила, наблюдая...
Тогда ее письмо вручили мне,
Сейчас – в который раз! – его читаю:

«Уйду с земли, и след мой пропадет.
Кого оставлю я на этом свете?
Ни для кого не страшен мой уход:
Ведь у меня не остаются дети!

Лишь ты... Хоть жизнь моя вдали текла,
Хоть не сливались наших судеб реки!..
Но если ты, как мощная скала,
Не заслонишь, – исчезну я навеки!

Пойми, что ради лишь себя одной,
Лишь для себя, – я смерть не переспорю!..
А ты, едва я кончу путь земной,
Познаешь одиночество и горе.

Мы рядом в жизненный ступили круг,
Нельзя бросать друг друга в круговорти...
И я горжусь, что у меня есть друг,
Способный отстоять меня от смерти!»

1967

СЛОВО

Там, за преодоленными горами,
Иные горы для преодоленья,
И слово мне дано для утешенья,
Для услажденья страждущей гортани.

Слова тщетны, как я гнушался вами,
По слову мое горло горевало,
Я знал неодолимость перевала
Меж совершенным словом и словами.

О слово, – влага, лакомая свежесть,
Ты – колокол, глаголящий в тумане,
Кратчайший путь между двумя умами
И вечная разлука всех невежеств.

Ты – лунный свет, вместившийся в окружность
Поющих губ, ты – синева, ты сущность,
Ты учишь силе и внушаешь ужас,
Оружье ты, но ты и безоружность.

Ты просишь соразмерности, ты – способ
Гармонии, но вовсе не бесплодность,
Ниспослан всем, но только мудрым познан
Твой прочный корень, воплощенный в посох.

В ничтожном шуме сутолоки бренной
Ты – ласточка привета из вселенной,
Чтоб разум принял поцелуй целебный,
Исторгнутый любовью речи древней.

Ты – крайностей родимое соседство,
Ты – исцелитель и спаситель сердца,
Но нет надежней и смертельней средства,
Чтоб кровь добыть с его живого среза.

Я сопрягаю горы и глаголы,
Я шел в горах, я там иду и ныне.
Преодоленье – суть судьбы и книги,
Я жив. Я преодолеваю горы.

1967

ОТ СУХУМА ДО ЧЛОУ

Шел я день от Сухума до Члоу,
Шел другой, и уже по-ночному
Потемнело небесное око.
А до Члоу все так же далеко.
Тут вы вправе воскликнуть: «Да что вы!
Час пути от Сухума до Члоу!»

У Синопа свернул я с дороги.
Поболтать о делаах, о здоровье
Собрались все друзья и родные,
Все зеваки и люди иные.
Затянулась до ночи беседа,
Да и ночь миновала бесследно.

Поутру же, за чистым Кодором,
Поравнялся я с другом, с которым
Я дружил, но не виделся долго.
Он сказал: «Неужели до дома
Не дойдешь ты со мною и в доме
Рог с вином не удержишь в ладони?»

О, уступчивый я, безотказный!
Угощался я разностью разной,
Так душа была этому рада,
Что запели мы «Райда, о райда!»
И хозяйка была так радушна,
Что продолжила: «Райда, райдгуша!»

В Тамыше повстречался мне старец.
Стодвухлетний и дерзкий красавец,

Он дразнил меня: «Видно, ты сделан
Из ольхи – ты мне кажешься дедом».
В небесах красовался Ерцаху,
И луна приступала к мерцанью.

Ветер детства на щеки мне дунул.
Шел я в Члоу, о Члоу я думал.
Моего промедленья провинность
Снова длилась, как дивная дивность,
И не знал я: когда же я двинусь?
Ах, когда же я все-таки двинусь?

1967

* * *

Для выгоды бренного тела –
О нет! Для бессмертного дела! –
Меж грудью твоей и спиною,
А все ж меж землей и луною! –
В тебе – но для пользы всесветной!
Таинственный пульс милосердный!
Пылает
И алчет даренья
Открытая рана горенья.

Сияй золотой добротою!
Не то тебе быть сиротою
В глухи немоты нелюдимой
На родине речи родимой,
Да будут слова твои правы!
Беспечный! Для власти и славы
Зачем ты лукавством мараешь
Уста? Ты уже умираешь.

И те, что твердили: «Достоин
Почета, кто дом свой достроил»,
Не крикнут: «Он умер, о боже!»,
А скажут: «Он умер, ну что же».
Так дерево не даровало
Плодов и теперь деревянно,
Так высох скупой или нищий
Родник, никого не вспоивший.

В себе и во мгле мирозданья,
Спасая очаг состраданья,

Живи! – для кого-то другого,
Чужого, родного, живого,
А после предайся бессмертью,
Чтоб путник затеял беседу
С тобою – под кроткой и милой
Листвой над твоюю могилой.

1967

* * *

Этот месяц зовется июлем –
И неистово мы караулим
Мимолетного облака тень.
В солнцепеке великом и лютом
Только море прощает и любит
Толчею наших страждущих тел.

Этот месяц зовется июлем –
И, гудящая приторным ульем,
В пекле улиц теснится жара.
Неужели, хранимая лугом,
Где-то полнится холодом лунным
Та река, что и ныне жива?

Этот месяц зовется июлем –
Рисовальщик, малюющий углем,
Он чернит наши спины и лбы.
Мы устали, мы загнаны в угол,
И над югом, объятый недугом,
Скорбно высятся горные льды.

Этот месяц зовется июлем –
Он дерзил нашим скромницам юным
И на нет их наряды сводил;
Сам Ерцаху сегодня безумен –
Сыл бессмертным и все-таки умер
Снег его поднебесных седин.

Этот месяц зовется июлем –
Мы сгораем, но все ж не горюем,
Воедино нас жажда свела.
Ах, июлем наш пир именуем –
С тобою – под кроткой и милой
Мамалыга и чаша вина!

1967

РЕКИ

Оглохли, обезумели вы, реки!
И реки ли – та грубая вода,
Которая наносит в диком беге
Немало для Абхазии вреда?

Вы источили грудь ее живую,
Что вас вспоила сладостью своей,
Уж кость видна! Я плачу и целую
Нагие раны страждущих камней.

– О, горе нам! Где мудрые растенья?
Убита их целебная листва.
И песней смерти станет песнь раненья,
Коль добрый разум не спасет леса.

1967

* * *

Слышу голос невнятный и странный...
На исходе тишайшего дня
Безутешность души безымянной
Окликает и мучит меня.

Чу! Опять этой музыки лишней
Сышен звук. Но дорога пуста.
Где же плакальщик, слезы проливший?
Где певец, отворивший уста?

Слышу голос... Но что же он значит?
Вознесясь над моей тишиной,
Не моя ль эта молодость плачет
Надо мной, над моей сединой?

Или все, что должно быть воспето,
Что воспеть я хотел и не мог,
Моего не дождавшись привета,
Шлет мне кроткий упрек и намек?

Слышу голос... Добрейший, умнейший,
Друг мой верный, ты – там, на войне,
О, умевший любить и умерший,
Как же ты не забыл обо мне?

Осень, вечер, в невнятице серой
Реют лики, крыла, имена.
Тишина – это вздох милосердный
Чьей-то муки, простившей меня.
Слышу голос...

– Безумный, безумный! –
Говорят домочадцы мои.
Это действует вечный и шумный.
Непреложный порядок земли.

Переклик голосов бесконечен.
Не печалься на этом пиру!
Это добрый лепечет кузнецик.
Это ставня скрипит на ветру.

Умоляют:
– Не слушай, не слушай! –
Слышу голос... И все не пойму:
В чем значение тайны насущной,
Причиняющей муку уму?

1967

* * *

Не старая, но странная она,
Как странен всякий, кто вкусила страданий
Неслыханных. Но как онастройна
Под бременем печали стародавней.

В ней умер свет и все черным-черно:
Душа и зренье, косы и одежда –
И детское лицо обречено
К всезнанию и смотрит безнадежно.

Вы скажете: «Но, если молода,
Зачем осталась чьей-то темной тенью
И все молчит? Неужто никогда
Уста ее не послужили пенью?».

О, послужили! Но тогда беды
Она не знала. Море волновалось,
Роса цветов в ладони выливалась,
До полночи недолго оставалось,
Он попросил – она повиновалась,
Помедлила и подала воды.

Владели сны усталыми людьми...
А он все пил. Уже луна над чашей
Возвысилась – он все еще над чашей
Лицо склонял. Кричал петух, начавший
Труды свои, но жаждою сладчайшей
Томился всадник. Длилась ночь любви.

Один лишь раз совпали их уста.
Но где жених? Одеждой дорогою
Зачем не блещет? Для чего рукою
Руки не тронет? О, судьбой другою
Он занят ныне. Он играл с рекою

И умерщвлен рекой. Река пуста.
Все – пустота, пустыня, пустошь. Пусть
Пустое минет. Станет тихо, сухо.
А здесь – река, присвоившая пульс
Чужого сердца, будит рану слуха.

Прекрасная, печальная, вели –
Я буду пить, губить и мучить воду.
Пока из заточения воды
Душа твоя не выйдет на свободу.

То молоко, что птица для птенца
В себе таит, я выпрошу у птицы,
Чтобы во мраке твоего лица
Свет удивленья приоткрыл ресницы.

Я душу изведу на снегопад,
Чтобы твоя одежда побелела.
Вся белая, ты ступишь в белый сад –
Словно дитя, свежо и неумело.

И спросишь ты:
– Но как в снега полей
Вы столько земляники заманили? –
Я объясню:
– Снега души моей
Избытком земляники знамениты.

Воскреснув от беспамятства и мук,
Возникнет смех твой – тоненький, огромный,
И вспомню я: такой же чистый звук
Я слышал лишь от куропатки горной.

1967

* * *

Ах, как бы я хотел,
Чтоб шалость колдовства
Была еще жива
И ведома кому-то.
Колдунья, кто-нибудь!
Чтоб разомкнуть уста
И детство мне вернуть,
Тебе нужна минута.

Пошли меня туда,
Где, в дудочку дудя,
Жила душа дождя
И пацха дымом пахла.
Я меж людей – никто.
Но я уже дитя,
Животного живей
Моя гнедая палка.

Ах, как бы я хотел,
Чтоб все, чем я владел,
Покинуло меня
И стало чуждой мглою,
Но чтобы длился день,
В котором я летел –
Как всадник и как тень –
По плоскогорьям Члоу.

Беда невелика, что имя седока
Безвестно. О, пока
Не до того, он – мальчик.
Не знает мир века,
А все же есть река,

Прекрасная река,
Ее зовут Кумарчей.

Ах, как бы я хотел
От всех былых затей
Отречься и забыть
Жестоких игр науку.
Все правила детей
Я соблюдал затем,
Чтоб матери моей
Дарить печаль и муку.

О, если бы я мог –
Утратой всей судьбы –
Добыть ее лицо,
Отобранное тьмою.
Но высоко летят
И там седым-седы
Крыла души ее,
Парящей надо мною.

Ах, как бы я хотел
По кругу бытия
Вернуться в те края,
Где все – добро и польза.
Но не ребенок я,
А лишь ребячлив я.
Ах, как бы я хотел...
Да, видно, поздно... поздно...

1967

ЖАЖДА

Вот девушка в окно на сад глядит,
И сад в окно на девушку глядит,
И мчится всадник, и земля летит
Из-под копыт его коня.

– Тит! Тит! –

Так девушка собаку понукает,
Всеобщему веселью помогает
Петух, вознесший на плетень крыла.
И радость девушки, как роза, расцвела.

Измучен жаждой всадник молодой,
И гневается конь его гнедой,
Траву сминая и звеня уздой.
Кувшин наполнив сладкою водой,
Холодною водою ключевою,
Красавица поникла головою:
– Ах, мама, мама, я боюсь беды!
Воды просил он – и не пьет воды.

– Когда томится всадник у ворот,
И жаждет, и кувшина не берет,
Не надобно стоять разинув рот,
А надобно вином наполнить рог, –
Так мать ее корит и поучает,
И девушка в смущенье отвечает:
– Не первый день у нашего крыльца
Томится всадник. Я страшусь отца!

– Отец твой постарел и поседел,
Но все же не настолько поглупел,

Чтоб не сумел припомнить он теперь,
Как сам он жажду тяжкую терпел.
Давным-давно у моего крылечка
Ах, как он жаждал, жаждал бесконечно,
И эта жажда весела была,
И роза радости в моем саду цвела!

1967

* * *

Как я желал осилить перевал!
Как, перевал моей беды желал!
Я бедствовал. Но, словно весть любви,
Следы мои на нежный снег легли.
Я шел сквозь ветер, как сквозь толщь стены,
Но были горячи мои ступни,
И таял под моей ногою снег.
Так я служил рожденью горных рек.

1967

ЗАВЕЩАНИЕ

В одном из абхазских селений
Пригожий, поджарый, столетний

Жил некогда старец на свете.
И вот что он думал о смерти:

– Кончина – еще не причина
Забыть про родимого сына.

И вот что сказал он:
– О мальчик!
Запомни: велик, но обманчив

Избыток воды поднебесной,
Небесной, соленой и пресной.

Как много пролил ее каждый!
Но каждый терзается жаждой;

Коль путнику лакома влага,
Тебе это прибыль и благо.

Поэтому, сын мой, сыночек,
Заботливо пестуй источник.

Струю утруждай жерновами,
А пламя побалуй дровами,

Чтоб весть о рождении хлеба
Простерлась от пацхи до неба.

Но, правя огнем и водою,
Не спорь с их старинной враждою.

1967

АКВРАХИМДЗА

*Посвящается музыковеду
Инне Хашба*

Угасшая до срока, акврахимдза,
Тобою жизнь могла бы так гордиться!
Но нет тебя. Лишь в книге твоей живо
Все то, во что ты жизнь свою вложила.

Она как подорожник – как апхярца¹ –
Врачует сердце каждого абхазца,
Зачем же ты, едва успев родиться,
Ушла от нас навеки, акврахимдза?

1968

¹ Апхярца – смычковый музыкальный инструмент.

* * *

...Остановились мы где-то в окрестностях Рима:
Корчится колкий кустарник под необозримой
Ширью... и солнце свои озирает угодья....
Вечного города грохот, как гром половодья,
Слышится... Птицы летают в окрестностях Рима...
Местные, нас не заметив, торопятся мимо.

Морем колышутся травы зеленой равнины,
Камни виднеются – крепости древней руины.
Сгрудились овцы – едва ли ни рядом со мною,
С хворостом, вижу, проходит старик стороною,
Мальчик увлекся игрой и забыл про отару...
Слов не жалеет наш гид, хоть не тратит их даром:

«Время тяжелое было в истории Рима:
Город здесь цвел... Но однажды средь гари и дыма
Хлынуло войско, что вел полководец жестокий,
Крепость сровняли с землей грозовые потоки.
Все утонуло в крови, сдавшись силе и злобе,
Рим сотрясался блестящий, дрожал, как в ознобе...».

Гид наш рисует ушедших столетий картины,
Молча внимаем ему средь зеленой равнины.
С хворостом скрылся старик, и отара пасется,
Следом за дедом мальчонка вприпрыжку несется.
Верно, огонь в очаге разожжется под вечер.
Слышу, звенит колокольчик на шее овечьей.

Поле, равнина зеленая, дедушка, внучек,
Мать, и очажное пенье, и святость созвучий –

Песнь колыбельная... Вот она, сила, на свете,
Тянет истории цепь и всю тяжесть столетий.
И преходящ полководец. И необорима
Жизнь!.. Я об этом подумал в окрестностях Рима.

1969

ВЕНЕЦИЯ

Я дремал, и море вечное –
Головою к голове,
Нас баюкала Венеция
Синевою к синеве.

И когда, уснув под лодками,
Вдруг лишилось море слов,
Словно почки, звезды лопнули,
Слыша стон колоколов.

Проплывала плавно гандола,
И звучало без конца
Эхо мраморного голоса
Овдовевшего дворца:

«Слишком поздно мир спохватится.
Все дворцы ждет смертный час.
Солнце вечности закатится,
И поглотит море нас!»

Стой, Венеция, не сетуя!
Свет искусства – вечный свет.
Чтобы утопить бессмертное,
В целом мире моря нет!

1969

АБХАЗКА В БЕЛОЙ БЛУЗКЕ

Кого я встретил этим летом
Под флорентийским дивным светом?

Кто с этой девушкой знаком?
Кто мне ее покажет дом?

К кому спешит, а кто навстречу
Спешит к ней, – разве я отвечу?

Никто не скажет. Только раз
В меня метнула пламень глаз.

Под этим небом на просторе
Он полоснул меня, как море.

В тиши и посредине дня
Он молнией обжег меня.

Испепеленный, оглушенный,
Стоял я, чудно обновленный,

Как освежительной грозой,
Ее невиданной красотой.

Вообразить такое надо!
Сошла с полотен Леонардо?

Какая из его мадонн?
Где выискал такую он?

– Будь счастлива! – сказал и замер,
Мадонну проводив глазами.

Ты, незнакомка, чудо ты
И красоты, и чистоты.

Ты мне напомнила другую,
Невыразимо дорогую,

Что всюду и всегда со мной.
О, песнь любви моей земной!

Порывиста и многокрыла,
Она мне юность озарила.

Сегодня, на излете лет,
Ей равной не было и нет,

Ей дни малы, просторы узки,
Моя абхазка в белой блузке.

Флоренция, 1969

* * *

От жажды замирает дух.
Плетется путник по пустыне,
Песок вокруг – горяч и сух.
Глаза слепит от жгучей сини.

Песок стирает все следы...
И человек бормочет слабо:
– Воды! Воды! Глоток воды!
Водицы капельку хотя бы!

Но нет ни капли, ни глотка...
И вдруг судьба явила милость:
Он слышит лепет родника,
И сердце разом обновилось,

Приободрясь, он одолел
То, что ему в пути осталось...
...Для завершенья трудных дел
Порой нужна всего лишь малость!

1969

МОРЕ

Ну и ночка выдалась:
Спасаясь от ветров,
Море с ревом вырвалось
Из берегов.

Тень моя колеблется,
Рвется на куски.
На небе ни месяца,
Ни звезды, ни зги...

На рассвете бледные
Светят небеса.
Волны ослабевшие
Сорвали голоса.

Чайки в белых панцирях
Пляшут над водой,
Кружатся, кидаются
В воду головой.

Море ярость вылило,
Пеной изошло.
Море обессилело,
В берега вошло.

Наревелось досыта,
Превратилось в гладь,
И теперь без просыпа
Спать ему да спать.

1969

МОИМ УМЕРШИМ ДРУЗЬЯМ

Слышишь песню? Она издалека слышна,
С давних пор, с детских лет мне знакома она.
Помню дни – начиная любимый мотив,
Я глаза закрывал, все на свете забыв.

Уносила меня эта песнь в небеса,
Приближалась ко мне с этой песней весна.
Было время: когда я ее запевал
Горе вдребезги, словно стекло, разбивал.

Задушевный напев и родные слова
Прибавляли мне силы, отваги, добра.
А теперь что стряслось? – песня вроде бы та,
Но хотел я запеть – не открылись уста.

Или слух ослабел, иль ослепли глаза?
Что туманится в них – неужели слеза?
А быть может, всему, что случилось, виной
То, что сверстников юности нету со мной?

Тех, с которыми шел, тех, с которыми пел,
С кем простился навеки и с кем – не успел.
И теперь нас, печальных, встречает заря:
Мы как двое сирот – эта песня и я!

1969

* * *

Куда бы ни шел я – везде надо мной
Горячее солнце неспешно вставало.
Родная земля материнской рукой
Кудаче и к счастью меня направляла.

Рожденные в горных снегах родники
Спасали меня от палящего зноя.
Мой конь не сдавался теченью реки
И весело спорил с холодной волною.

Я падал в траву, землянику сбирал,
Я мял с наслажденьем зеленые травы.
Мне этот сверкающий мир поверял
То птичье слова, то звериные нравы.

Седые вершины склонялись ко мне,
О чем-то со мной говорили в тумане,
И, сердце свое доверяя волне,
Я знал, что и море меня не обманет.

Сто радостей мне подарила земля,
А сердце стучит и стучит беспокойно
О том, чтобы тихая песня моя
Была бы хоть малого счастья достойна.

1969

* * *

Годами я, куда бы ты ни шла,
Шел следом, и надежда сердце жгла.

Я звал тебя с распахнутой душой,
Но ты осталась для нее чужой.

О, твой холодный безразличный смех!
Моя весна – и твой слепящий снег.

Все, что я столько лет в себе носил,
Беречь, в больной душе нет больше сил.

Бумага равнодушна и бела –
Хочу, чтоб все она себе взяла.

Нет выхода иного: чувства лгут.
И слезы вкуса крови щеки жгут.

Чернилами стекает кровь с пера.
И с сердцем так же обойтись пора!

Дроблю его на буквы – на куски
Моей любви, печали и тоски.

И вот письмо завершено почти.
Поставлю точку вздохом и – прочти!

Блаженный миг! Мой мир, как детство, чист.
...Но вместо вздоха вырвался на лист,

Неумолимой силою влеком,
Огонь шершавым красным языком.

Сгорело в нем письмо мое дотла.
Молчу над черным пеплом у стола,

Как дерево цветущее одно,
Что изнутри грозою сожжено.

1969

* * *

Если солнце для меня и вправду солнце,
Если каждая минута мне легка,
Значит, скоро, очень скоро донесется
Звонкий голос твой издалека...

Если море не мертвое при мертвый зыби,
Просто замерло, загадкой бездн слепя,
Значит, скоро колокольчики рассыплет
Смех твой, чтобы в нем услышал я себя.

И шепчу я: «Пусть тебя минует горе!
Будь любима солнцем, небом и водой.
Пусть седеют каждый год зимою горы,
Чтобы ты была весенней, молодой!

Будь луною, будь моей звездой ночною,
Приходи и ускользай с рассветом вновь!
О, потерянная, найденная мною
В той погоне вечной, что и есть любовь».

1969

РАЙДА-ГУША¹

Не видать нигде тебя,
Не слыхать нигде.
Капли раннего дождя
Тают на стекле.

Родничок, калитка, двор...
Все на прежний лад.
Опираясь на забор,
Зреет виноград.

За забором лает пес –
Зол на седока.
Ранний вестник, что принес
Мне издалека?

Не видать тебя нигде –
На сердце печаль.
Где искать тебя в беде?
Мчать в какую даль?

Как же быть? Но в тишине
Озорной петух
«Ку-ку-ка-реку! – ко мне
Обратился вдруг. –

Выходи за тот хребет
В дальние края –
Там гуляет столько лет
Молодость твоя!»

¹ Райды-гуша – песнь облегчения.

За совет благодарю,
А идти боюсь.
Райда-гуша я пою,
Развевая грусть.

1969

* * *

Я, из дому выйдя, поежился зябко,
А солнце выглядывало из-за гор,
Как будто бы всадника рыжая шапка,
Привычно скакавшего в синий простор.

Теплей становилось. Свернул я с дороги,
И тысячи радуг омыли мне ноги.

В ущелье спустившись с зеленого склона,
Штаны закатав и разув башмаки,
Чуть охнув, вошел я в студеное лоно
Зарей полыхающей горной реки.

Я понял, что камни простые не попусту,
Как яхонты, жарко сверкают на дне.
И стал я богаче, шагая не по мосту,
Хоть мост деревянный висел в стороне.

1969

ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ Д. ГУЛИА

Легко разрушив скалы монолит,
Сиянем теплого утра облит,
К нам Дмитрий явился внезапно,
Как будто Сасрыква сошел с коня,
Могучую голову преклоня
Перед прекрасным завтра.
Пришел, конечно, он неспроста.
Не древняя ль каменная плита,
Заговорив по-абхазски,
Привела его к нам сюда?
А может, пылающая звезда
Им сбита, как в нартской сказке?¹
– Нет, – ответил седой поэт, –
Захотелось увидеть свет
Ради высшего чуда на свете.
Тише! Слышите, невдалеке
На родном своем языке
Книгу читают дети!..

1969

¹По Нартским сказаниям, Сасрыква сбивает стрелой пылающую звезду.

СЛАВНЫЙ КЯГВА

Баллада

На врагов он, подобно грозе, налетел,

Сокрушил убегающих прочь...

Из народной песни

– Слушай, последыш разбойничьей стаи!

Знаешь, кто ваших прикончил, стреляя?

– Знаю. Как только раздался меж нас
Твой леденящий пронзительный глас,
«Кягва!» – вскричал я... Кто мне не поверил,
Меткостью пуль твоих слово проверил.
Цель в меня, Кягва!.. Я к смерти готов.

– Враг, неразумных не слышал я слов.
Если мы здесь повстречались с тобою, –
Первая пуля, мой враг, за тобою!
Много их – вижу! – в кремневке твоей.
Бей в меня, слышишь?.. Без промаха бей!
Кягву убьешь, – будет чем похвалиться!..

– Нет, моя пуля тебе не годится.
Кягве кремневка моя не страшна.
В дальних горах его слава слышна.
Песня о мужестве вечная – Кягва!
В храбрости, дружестве, верности – клятва!

Кягва кричит:

– Цель в меня, говорю! –
Кутаясь в черную бурку свою,
Враг неподвижен, стрелять он не хочет...

Кягва! Зачем он о пуле хлопочет,
Если победа осталась за ним,
Если вернул он свободу своим?

Нет, сознает он – герой, афырхаца, –
Путь завершен, вверх ему не взобраться.
Славные подвиги все – позади.
Смертная рана у Кягвы в груди.
В этом решимости страшной причина.
Если падет он сейчас, как мужчина, –
Смерть его храбрых взовьет на крылах,
Трусов повергнет в смятенье и страх!
Так неужель доживать?.. Неужели
Кягве, как всем, умирать на постели?!

– Враг мой, стреляй!.. Без прикрытия стою!
Кутаясь в черную бурку свою,
Не помышляет разбойник о мести.

– Ну, коли так, – будешь ты – горевестник!
В путь отправляйся, в свой отческий край
И по пути о беде возвещай!
Всем объяви, когда вступишь в селенье:
Надо убитых предать погребенью,
Хоть и разбойники – люди они!

К дому ступай, но сперва заверни –
Слышишь? – в усадьбу Мазлоу-лиходея –
Зверя того, кто о шкуре радея,
Вверг весь народ в неизбывное зло!..

Только войдешь ты в усадьбу Мазлоу,
В дом, где не будет он больше отныне,

– Много ли их? – тебя спросит княгиня. –
Много ли пленниц мой муж приведет?
Девки нужны мне для черных работ!

Сроду метлы не державшей в руке
Ты расскажи, что на Бзыби-реке
Мертвый супруг ее ждет-поджидает,
Волк потроха из него выдирает.

Дальше ступай и от двери до двери
Всем сообщай об ужасной потере,
Всем говори, что Мазлоу-живоглот
В горе поверг неповинный народ.
Малых детей осудил на сиротство,
Ибо отец никогда не вернется,
Радости больше жене не видать,
Косы растреплет с проклятьями мать...

Стань между ними, убитыми горем.
Слово твое да гремит по нагорьям:
«Будь все иначе!
Не надо плача!
Ни слез, ни братаний,
Ни трапез, ни браней!
Вместо всего – пусть злодея Мазлоу
Так проклинают, чтоб мир затрясло!»

В путь горевестник пустился проворно.
Кягва бесстрашный дорогою горной
Дальше шагает, идет прямиком.
Рану скрывает он под башлыком.
Знает он: только три дня ему срока.
Пуля Мазлоу его мучит жестоко.

Все же по виду он цел-невредим...
Шапки снимают вершины пред ним.
Бзыбь побежала за ним в нетерпенье,
Да поотстала: запуталась в пене...
О, афырхаца, велик твой удел!

Раненный насмерть, ты все ж не запел
Песню печальную – «Песню раненья»,
Мужества песня – могучее пенье –
Трудный, последний ускорило путь...

Глубже стремясь алабашу¹ воткнуть,
Кягва взошел на Мзахру, он в ауле...
В очи ему огонечки блеснули,
Сладко пахнуло теплом очага...
Тихо в ауле. Изгнал он врага.

Кягва!.. Три дня проживет он на свете.
Разве не стоят они трех столетий?
Да и столетья не смогут стереть
Память о нем, ниспровергнувшем смерть!
...Помнить тебя обещаем, о Кягва!
Песни тебе посвящаем, о Кягва!

1970

¹Албаша – посох с железным наконечником.

ОДИН ИЗ НАС...

Надену траур – ахнут все вокруг:
– Кто это умер? Родич или друг?

Я не отвечу... Как им объяснить,
Что тот, кто умер, продолжает жить.

Живой отец – для сына своего.
Сын будет клясться именем его.

Жена его считает, что вокруг
Нет никого честнее, чем супруг.

Мать... Слава богу, выпала ей честь
Скончаться в срок, не зная, кто он есть.

Давным-давно пропал его отец.
Под Ржевом в поле он нашел конец.

Не одинок, не брошен, не забыт,
С друзьями он в могиле братской спит.

Он не бежал в испуге из огня,
Он бился за него и за меня.

Он отдал душу родине своей,
Погиб за мир, за счастье всех людей.

В живых остался у него один,
Его надежда и наследник – сын.

Когда б отец видал его сейчас,
Он от стыда не смог поднять бы глаз.

Покуда жив ты, воздухом дыши,
А ну откликнись, мертвая душа!

Не уходи от нашего суда!
Поторопись и подойди сюда!

Чужую шкуру сбрось скорее с плеч,
Чтоб о тебе могли вести мы речь,

О том, кем был ты много лет назад,
Когда ты был мне лучший друг и брат

И мы кусок делили пополам.
Да что напоминать, ты помнишь сам!

Беспомощен, бездомен, одинок,
Ты в молодости тяжко занемог,

И все, что заработал в том году,
Я тратил на лекарства, на еду,

И каждый грош – мы не считали их –
По-братски мы делили на двоих.

Ты поправлялся, набирался сил,
И поднялся, и встал, и отплатил.

И если есть хоть капелька стыда
И совести в тебе, поди сюда!

Ты видишь, я созвал сюда друзей.
Они собрались. Приходи скорей!

Хорошим людям, землякам, друзьям,
В чем виноват скажи, покайся сам,

И если не умрешь ты от стыда,
Ты оживешь. Скорей иди сюда!

Он встал, потупясь, прислоняясь к стене.
Заговорил, оборотясь ко мне:

– Когда с улыбкой на тебя гляжу,
От зависти тоскою исхожу.

Когда ты правды в разговоре ждешь,
Мои слова – одна сплошная ложь.

Приветствую тебя я с добрым днем,
А сам хочу, чтоб ты горел огнем.

Когда я призываю всех к труду,
Я всем желаю лютую беду.

Бывает, люди среди бела дня
Посмотрят с уваженьем на меня,

Мол, он ведет нас, мы за ним идем...
А я тревожусь только о своем.

Я изрекаю: «Родина... Народ...»
А про себя считаю свой доход,

Свою одежду и свою еду,
Свою надежду и свою беду.

Свое здоровье, имя, славу, власть...
Другие люди – хоть бы им пропасть!

Нет никого па свете у меня...
Родня? Пожалуй... Есть еще родня.

Но для себя – забочусь я о них,
И для себя лишь – о друзьях своих,

Лукавей и коварней становясь,
Плету своих хитросплетений вязь.

Нет, вам меня вовеки не понять.
Я выше вас! Я должен выше стать!

Где тот предел? В чем счастье? В чем успех?
Быть божеством для всех. Быть выше всех.

Быть добрым не хочу и не могу!
Всю жизнь я занят только тем, что лгу.

В душе моей всегда клубится тьма.
Мне кажется, что я схожу с ума.

Судьба родных, товарищей беда
Мне душу не тревожит никогда.

Я! Только я! Я – ангел! Я – герой!
О, как бывает страшно мне порой!

О, как порой терзаюсь я в ночи! –
Остановись! Довольно! Замолчи!

Друзья, решайте! Время! Пробил час!
Вершите суд! Вот он – один из нас.

1970

* * *

– Чего ты хочешь, день и ночь тоскуя?
– Знать правду, только правду знать хочу я!
– О чем душа твоя так горько тужит?
– Что люди кривде, а не правде служат.
– Что разрушает у тебя здоровье?
– Глупцов напыщенное многословье.
«Незаменимыми» считать их ложно.
Пустое место заменить – несложно.

1971

СЕРДЦЕ

Верное сердце мне было дано,
Какое таится могущество в нем!
Наверно, я сердце загнал бы давно,
Если бы было оно конем.

Краток мотора бесчувственный век,
И люди жалеют железный мотор.
А кто я для сердца – жесткий абрек,
Что не щадил его до сих пор.

Женщинам в рабство не раз отдавал,
Спешил целиком переплавить в напев.
И вновь превращал в безотказный запал,
Если меня охватывал гнев.

Опережать мой рассудок порой
Ему доводилось в бунтарском огне.
Горе нагрянуло, пир ли горой,
Где мое сердце? Не в стороне.

Кровью ему истекать суждено,
Стуча беспрестанно и ночью, и днем.
Наверно, я сердце загнал бы давно,
Если бы было оно конем.

1971

ГОРЕВЕСТНИК

Баллада

Тот, кто в мирное время врагам угрожал,
В дни войны не достанет из ножен кинжал...

Народная песня

– Аскерам вослед мы пустились в дорогу.
Не счастье бы нам бед, задержись мы немного.

Они погрузились бы на корабли
И пленных в Стамбул на базар увезли.

Чтоб их продавать, точно скот подъяремный,
Чтоб девам увять там в печали гаремной.

Но, нет! Не пришлось им, аскерам, уйти!
Мы их, ненавистных, настигли в пути.

За все расплатились принесшие горе:
Мы их зарубили и бросили в море.

Герои – Базала, Еснат, Хазарат –
Погибли в сраженье, в могилах лежат.

– Скажи нам: а был Куджмахан в этой сече?
– Нет, конь его вынес от битвы далече.

– А Мац?.. Где был Мац в час народной беды?
– Его не могли оторвать от еды!

– А где был Озбек с его саблей стальною?..
– Сидел он в тени, укрываясь от зноя.

- А Дата – хвастун?.. Не встречал его ты?..
- Схватило живот: побежал он в кусты!

- А где был Муса – наш известный задира?..
- Он здравицу пил, не покинул он пира.

- Будь Кан бы на месте – он вас бы дognал!
- Что – Кан?! На насесте цыплят он считал!

Хоть дышат они, но мертвы они, верьте!
Скачу извещать о постыдной их смерти!

Так гибнут все те, кто им нравом под стать,
Побрезгуют люди земле их предать!

1971

* * *

С днем рожденья, отчизна моя!
С днем рожденья... Пусть вешние травы
Вновь взойдут и украсят поля,
Скроют все твои древние шрамы.

Я – свидетель деяний твоих,
Твоего торжества и расцвета,
Так прими, не отвергни мой стих,
Ибо стих – это дело поэта.

Вижу – горы взнеслись, к небесам
И как будто бы тост произносят,
Словно горцы, и к белым усам
В честь твою рог заздравный подносят.

Вижу – море ласкает, любя,
Побережье далекого детства.
Солнце смотрит всю жизнь на тебя
И не может никак наглядеться.

Шли столетья. Шумели дожди,
И легенды, как звезды, всходили...
Нет, недаром «Страною души»
Наши предки тебя окрестили!

На своем многотрудном пути
Ты зневала тяжелые годы...
Но сейчас у тебя впереди
Столько воздуха, света, свободы!

Стали явью извечные сны,
И в грядущее верной стезею
Ты идешь...
Где б я ни был, Апсны,
Я всегда неразлучен с тобою!

1971

КАК ЭТО БЫЛО!

Как это было?... Первая разлука...
Мне было столько, сколько нынче внуку.

Могу ли, как трухлявое бревно,
То оттолкнуть, что минуло давно?

Воспоминанье детства в тишине
Однажды ночью вдруг явилось мне.

Рассвет... Отец выводит скот пасться.
Мать – вся в слезах: легко сказать – простись!

В мой чемоданчик с петухом на крышке
Укладывает брюки да бельишко.

И рядышком – аджику да чеснок:
«От всех болезней – не забудь, сынок...»

Слезу смахнула. Сытно накормила.
Мне шапку подала. Благословила.

Напутствуя с тревогой и заботой,
Отец со мною вышел за ворота.

А солнце из рассветного тумана
Уж поднялось на высоту платана,

И, белоствольный, листьями звеня,
Без добрых слов не отпустил меня:

«Решил идти – иди! Но возвратись!
И я рванусь за это время ввысь

И буду ждать – вот входишь ты во двор...»
И тут река вступила в разговор:

«Ты думаешь, что нет реки крупней,
Чем я, летящая среди камней?»

И нет добрей?.. Что ж, я и впрямь не зла,
Но помни, уходящий из села,

Есть реки – кораблям широкий путь:
При встрече с ними осторожен будь...»

Вот красный холм над чащею лесною,
Лежал он, как муртак¹, предо мною.

Холм, колыбель моя, Лаганиаху,
Где первые шаги, не зная страха,

С отвагой детства сделал, слаб и мал,
Холм, что меня под тучи подымал.

Ольха одна стояла у опушки,
И камешки пестрели, как веснушки...

И ветер, вдруг с той стороны подувший,
Встревожил слух мой, взбудоражил душу.

«Расчищенную цалды острием
Своих отцов ты землю оставляешь,

Что ты задумал этим светлым днем?
Куда сейчас ты путь свой направляешь?

Кто завтра станет погонять волов,
Кто за сошник возьмется возле дома?

Кто уладит нас песнею без слов?
Кто закрепит ярмо на Буске с Ломой?

¹Муртак – диванная подушка в виде валика.

Кто с дерева – эй, уходящий сын! –
Корзину спустит для тяжелых грозьев,

Кто в землю врытый осенью кувшин
Откроет для нечаянного гостя?..

Неужто впрямь уйдешь из этих мест,
Где вырос?» – вопрошало все окрест.

Сквозь чащу ветер мне принес вопрос
Холма, где я родился, где я рос,

Где шел впервые по земле своей...
...А я все шел. И сбоку тек ручей.

«Вернись!» – он вторил ветру и холму...
Как поступить? Никак я не пойму!

И вот сажусь, сомненьем обуян,
На маленький свой, легкий чемодан.

Коснулся взглядом школы деревянной –
Ко мне рванулся сразу шум желанный.

Друзей своих увидел на мгновенье,
Но было это все обманом зренья...

Друзья мои уж к пристани пристали,
Они свои мне адреса прислали...

Один я оставался не у дел...
Как дрозд, на чемодане я сидел,

Стирал слезу, туманившую взгляд,
И чей-то голос звал меня назад.

Нет, нет! Вперед!.. О, новь тех давних лет
Мечты, дерзанья и ученья свет!

...Я двинулся. Путь, становился круче.
Мне спутником кустарник стал колючий.

Дорога сзади делалась все уже,
Я пояс свой затягивал все туже.

Осенний день посеребрил хребет...
Иду пешком. Машин попутных нет.

Куда? В Сухум! А зачем? Учиться!..
Где, на кого и что со мной случится,

Еще и знать не знаю. В общем – в путь
Я двинулся: пока что в этом суть.

С собой я сказки нес. Их было много –
Мне будто их село дало в дорогу...

Ах, сказки, что я делать стану с вами?
Перескажу ль своими вас словами?

В тетрадке тонкой – сказок содержанье
В стихах. Переложенье? Подражанье?

В тетрадке той красив пока лишь почерк!..
Среди вещей она лежала прочих, –

Обдуманно ль?.. Какое там – случайно:
Плод не вкушен и не раскрыта тайна...

Не думал я, что детские писания
Всю жизнь перевернут до основания...

...А вот и тарахтящий грузовик –
И за борт я перевалился вмиг.

Подбрасывало в кузове, тряслось,
Меня как будто паводком несло.

Подскакивал – как на коне верхом –
Мой чемоданчик с красным петухом...

Неслись деревья, поднимались горы,
Кипели воды темного Кодора.

И вдруг нежданно синий и зеленый
Сухум всплыл, закатом озаренный...

Гром разрастался, тишину сжимая,
Во мне надежда вдруг зажглась живая!..

...Вот так пустился я однажды в путь
И трудностям в лицо посмел взглянуть.

Как поднимался, как спускался я,
К чему пришел – история своя...

И как потом уже не возвратился
Я в те места, где вырос, где родился

И сколько довелось всего изведать,
Быть может, позже я смогу поведать

1973

ОСТАЛИСЬ НАШИ СТРОКИ МОЛОДЫМИ

Ревазу Маргiani

Мтацминда помнит, как с тобою мы
На ней стояли в мареве заката.
Ах, как мы были молоды когда-то,
Сердца лихие, вольные умы.

Подвластные стремительности лет,
Земной мечтой касаясь звездной выси,
Не раз вверяли тайны мы Тбилиси,
И наше слово излучало свет.

Не прятались мы в тень,
и, как мечи
О боевые горские кольчуги,
О нас под небом вздыбленной округи
Ломались благосклонные лучи.

И по душе нам песен стройный лад,
Что, как ущелье, полон звуков зычных.
Чеканщики мы строк своеобычных
Там, где венчает стены виноград.

Давай годам вести не будем счет,
Пусть, как вершины, стали мы седыми,
Остались наши строки молодыми,
Коль звонок их, как соколов, полет.

Плынет над нами лунный полукруг.
Достойна память благодарной дани.
«Мчит, унося...»
Прочти мне вновь «Мерани»¹,
Затем себя почти вниманьем, друг!

1973

¹ «Мерани» – знаменитое стихотворение Н. Бараташвили.

ЛУЧШАЯ ПЕСНЯ

Я лучшую песню из сложенных мной
Еще не нашел на дороге земной.

Где звук ее первый, свершенье мое?
Быть может, мне внутика подарит ее?

А может быть, сад, золотой изнутри,
Ее мне протянет, как каплю зари?

За нею готов я, забыв про года,
Шагать и шагать неизвестно куда.

И если я ветер дороги вдохну,
Назад не вернусь и пути не сверну.

Пройду над ущельем, над бездной воды,
По краю обрыва, по кромке беды.

Напьюсь из потока полдневной порой,
Рожденного солнцем и снежной горой.

В долину спущусь, где, как наша судьба,
Раскинулись морем большие хлеба.

Увижу рожденье металла в печи,
Услышу гудки пароходов в ночи.

Замечу, как в бывшей пустыне огни
Привычно сияют, куда ни взгляни.

Всю землю, лежащую пестрым ковром,
Пройду я, людским одаряю добром.

Любой меня встретит, как брат и отец.
Услышу: «Счастливой дороги, певец!»

Вот дети запели... И думаю я:
Не в детской ли песенке – песня моя?

Вот грома раскаты послышались в ней
Грядущих, идущих стремительно дней.

Я – с ними, покоя не знающий врач,
Что лечит для счастья, надежд и удач.

Сквозь сердце живое проходит мой путь,
Сквозь этот огонь, согревающий грудь.

Там все, чем силен и богат человек,
Становится твердью и честью навек.

Конечно, бывают такие сердца,
Которые – как человек без лица.

Безжалостны. Завистью злобной полны.
Ко всем равнодушны, в себя влюблены.

Бывают сердца, что слабы и нежны...
Слова моей песни не спетой нужны,

Чтоб вытравить ядом злой силы напасть
И чтоб подорожником к ранам припасть!

О, сердце! Стучит неустанно оно.
Ему по-весеннему жить суждено.

А весны нуждаются в песнях всегда!
Иду я за песней, забыв про года.

И самую лучшую песню свою
Еще я спою вам. Еще я спою!

1973

ПЕСНЯ СТАРОЙ ДОРОГИ

Проезжей дороги нет лучше удела,
Гонец меня славил и витязь.
Звучало веками:
«Поехали, Чела,
Крутитесь, колеса, крутитесь».

Теперь в рукотворной морской глубине я
Лежу среди мглы и лазури.
И вижу аробщиков, словно во сне я,
И витязя в тигровой шкуре.

И в лодке, как по небу, вы надо мною
Плывете, над прошлым возвысясь.
И слышу ваш голос над юной волною:
«Крутитесь, колеса, крутитесь!»

Затянете новую песню умело,
И новый придет летописец,
Но кто-нибудь вспомнит:
«Поехали, Чела,
Крутитесь, колеса, крутитесь!»

1972

РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ

– Ты что остановился у ворот?
Будь гостем – мы встречаем доброй вестью:
Невестка наша наш продлила род,
Дав сына нам! – Порадуемся вместе!..

С цветущей веткой яблони спешу
К младенцу, не скрывая нетерпенья.
Но нужен ли подарок малышу?
Ведь для него весь мир сейчас – в цветенье!

Младенцу песню в дар несу с собой:
От радости пою я неподдельной.
Но для него сейчас напев любой
Звучит одной лишь песней колыбельной.

Не отвергаю дедовский закон:
Мужчина родился – готов к пальбе я!
Но я не потревожу детский сон,
Стрелять в покой и синь я не посмею.

Дитя, дарю тебе я солнца свет,
Земной простор и небосвод открытый,
Солдатом стал и, чтоб не знал ты бед,
Чтоб не видал земли, снарядом взрытой.

1973

* * *

К молодому ореху с двуострым ножом
Подошел и вонзил острие.
Режет, режет ножом на коре, на живом,
За фамилией – имя свое.

Разве важно ему то, что капает сок,
То, что дерево плачет, скорбя?!

Тут же дату он выскошил наискосок;
Обессмертить желает себя.

Поглощенный собой, жаждой славы томим,
Красоты он не видит в глаза...
Ни цветка не полил, не взглянул, что за ним
В сад блудливо пробралась коза...

Хочет имя свое закрепить на земле,
Ни о чем не заботясь другом,
И не может понять, что оно на стволе
Зазияло позорным клеймом!

...Я подумал о многих, влюбленных в успех,
Что за славой дешевой спешат...
Надпись скоро сойдет: обновится орех,
Настоящая слава пребудет у тех,
Кто лелеет заботливо сад.

1973

ПОЭТА ПЕСНЬ НЕ РАССТРЕЛЯТЬ

Неруды нет. Как мне поверить в это?
Как можно мне поверить в смерть поэта?
Стоишь перед глазами невредим,
Стоишь под небом нашим голубым.
Как мало слов друг другу мы сказали.
В Абхазии гостили ты не вчера ли!
Эшерский кряж, пунцовый куст граната,
Дрозда однообразная рулада,
Привычный снег на гребнях наших гор, –
И твой восторг, и твой искристый взор.
Тем временем, быть может, видел ты
Чилийских гор любимые черты.
Улыбки наши отражала Рица,
Озерной гладью плыли наши лица.
Отбросив мысль, как тягостный недуг,
Ты, улыбаясь, говорил мне «друг».
Мы расставались, помню, по весне –
Ты обещал, что вновь придешь ко мне...
Окутал траур родину Неруды,
Сгустился мрак над родиной Неруды:
Людские трупы, половодье крови
И трупы, трупы – виселицам вровень.
Как мне поверить лживому известью,
Что расстрелял палач Неруды песню!
Поэта песнь не расстрелять, не сжечь,
Как истине вовек костьми не лечь.
Бессильны даже ружья перед ним –
Неруда в памяти людской неистребим!

1974

* * *

– Какой из дней отметить лучшей меткой?
Я к старости пришел с нелепым страхом...
Сухая ветвь, с сырой столкнувшись веткой,
Срываются и опадает прахом.

Лиши к старости нашел такой ответ я,
Сквозь жизнь дойдя до истины с трудом:
Одолевают ветку не соцветья –
Плоды, что перегнут ее потом.

1974

* * *

«Где снег, – там земляники нет...»
Скажи, а как же в этом сердце
И черствость – долгой жизни след,
И нежность юношеских лет
Живут себе в добрососедстве?!

1974

У СЛОВА ЕСТЬ ДУША

У слова есть душа, исполненная света,
Но это тайна тайн, что в глубине жива.
Поэт, который обнаружил это,
Сумел промолвить вещие слова.

1974

* * *

Поймет и слепой, что явилась весна,
По птичьему гаму и пенью.
Узнает глухой, хоть вокруг тишина,
Весну по траве и цветенью.

Но взглядом скользя, на цветы не смотри
И птиц мимоходом не слушай:
Весна – не весна,
Если холод внутри
И счастье не залило душу...

1974

* * *

Дающая всем радость и смятенье,
Гроздь, налитая солнечным огнем,
Любовь – дорог внезапное сплетенье,
Лучи, что мы от сердца к сердцу шлем.

Неужто мы любовь свою остудим,
Неужто гаснуть потихоньку ей?
Неужто без огня сидеть мы будем,
В золе копаясь в поисках углей?

Седые годы юных лет мудрее,
Но почему понять им не дано,
Что делается крепче и нежнее
Годами выдержанное вино!

1974

* * *

Твоя молодость, юный мой друг, окрыляет меня,
Все сильней озаряет и радует – день ото дня...

Только не торопись, не гони ты недели и дни,
На дороге моей сколько было их,
всяческих бедствий!..

Столько лет между нами – непреодолимы они,
Повторяю тебе – не спеши отдаляться от детства...

Время детства, что так безвозвратно
утрачено мной!

Ты под сенью зеленою его до сих пор обитаешь,
Далеко от тебя моя старость, предел мой земной,
Моя осень холодная... Ты как весна расцветаешь.

Пред закатом своим, когда ломким вдруг
станет мой луч,
Я хочу окропить твою юность зарей нежно-алой...
Чтоб она продолжалась, цвела, не боялась бы туч,
Чтоб предела она своего еще долго не знала.

1974

* * *

Немало радостей мои сопровождают дни,
И незаметно для меня проходят все они.

Но некий миг вдруг озарит, вдруг восхитит меня –
Как первоцвет, как дар весны, былое заслоня...

Пусть то не даст потом плодов, что первым расцвело,
За восхищение свое судьбу благодарю...

Пусть горем завтра станет то, что радость принесло,
Я за сегодня все равно «спасибо!» говорю.

1974

* * *

Сколько раз петухи при рождении дня
Разгоняли вдруг сон мой, крича в тишине.
И рассветные ветры касались меня,
Забывать заставляя, что было во сне.

И во двор меня выманив, звезды сто раз
И светили и грели, свой свет мне даря.
От забот оторвавшись на миг или час...
С нетерпением я ждал, когда встанет заря.

О как долго не видел я девичьих глаз,
По которым так плакало сердце порой,
Что как два уголька, две звезды – столько раз
Мне светили во мгле, разлитой над горой.

Петухи вновь заладили в нашем селе:
Просыпайся, вставай же! – советуют мне...
И, зеленым лучом просигналив Земле,
Исчезает звезда в полумгле, в полусне.

Поднялся я сегодня до всех петухов,
Мне сейчас не до звезд, не до мглы, не до зорь...
Будят строчки еще не рожденных стихов:
Запиши, небреженьем себя не позорь...

Поспели, запиши... И бессонную ночь
Провожу, озаренъе боясь упустить...
И волнение сердца (кто может помочь?)
Из глубин я тяну слов неведомых нить...

Может, я их свяжу и сложу наконец,
Те стихи, что мне все не давались никак?!

Может, вспыхнут они, как рассветный венец,
Сноп горячих лучей, разгоняющий мрак?..

1974

* * *

Я ждал, что волны закипят, бурля,
Но море – воплощение покоя...
И ждал я, что сойдешь ты с корабля,
Но нет тебя. И я объят тоскою.

А может, в небе ты? Я ввысь глядел,
Где синева безбрежно расстилалась.
Ждал самолетов... О, как я хотел,
Чтобы в толпе по трапу ты спускалась.

Я спрашивал прибывших о тебе,
Я их молил: поведайте, утешьте!
В груди кипели, трепеща, в мольбе
И таяли, и таяли надежды...

Когда б я знал: другой, подобно мне,
Ждет и томится, затаив тревогу,
Отнес бы сердце, что горит в огне,
Чуть остудив, – надежде на подмогу...

1974

* * *

Ливень льет ливня, как будто
В тверди сделал гром пролом.
И земля под черной буркой
Чуть жива лежит пластом.

Только всадник, бороздящий
Темень, не сошел с тропы.
Непогодь во след: «Пропащий,
Сметены твои мосты!»

Через пропасти и бездны,
Где и вспять не повернуть,
Скачет всадник, скачет звездный.
Не сбьется: знает путь!

Он не видит и не слышит,
Не боится ничего.
Взгляд виденьем ясным дышит:
В грусти милая его.

А одна слезинка горя
Для джигита, может быть:
Вот уж море, так уж море –
Плыть ему – не переплыть.

1975

ПОЗОВЕТ МЕНЯ ЧЛОУ

Позовет меня Члоу и снова
Покорюсь заклинанию зова.

В этом древнем, как таинство, зове
Голос неба мне слышится внове.

Еду в Члоу, родимое Члоу,
Льну губами к потоку речному.

В нем багрится заря пред очами,
Словно красный башлык за плечами.

И ложится мне на сердце снова
Нерасхожее отчее слово.

Как ложился спасительно ране
Подорожник обыденный к ране.

1975

* * *

Не мешкая и не спеша
Я поднимался понемногу...
И светом полнится душа,
Мне озаряющим дорогу.

Тот свет сияет в вышине,
Как дар, как радость, как награда.
О, как он помогает мне
Одолевать в пути преграды!..

Иду – и времени в пути
Не трачу попусту нимало.
И вновь – подъем. И вновь – идти
Без отдыха и без привала...

Свершить – чего я до сих пор
Не совершил... Туда добраться,
Где не был... Гром и ветер гор,
Я прославляю наше братство!..

Я шел, я падал, и вставал,
И находил, и сомневался,
Карабкался по спинам скал
И на подъемах задыхался...

А свет манил, а свет не гас
Во мгле и в пелене тумана...
Преодоленье... Десять раз
Я повторять о нем не стану.

А счастье – в том,
А счастье – в том,
Чтоб стало легче хоть немногого
Берущим вслед за мной подъем,
За мной пустившимся в дорогу.

1975

У ПАМЯТНИКА НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

Кто ты – боец на пьедестале?
Куда ты устремляешь взгляд?
Быть может, мне предназначали
Прервавший жизнь твою снаряд?..

Все то, что на пути недолгом
Ты не успел, не смог свершить,
Моим отныне стало долгом,
И мне трудней и легче жить!

Я позабыл свои недуги,
Как только этот долг возник,
И в память о тебе, о друге
Сад насадил, открыл родник.

Ты видишь: он теперь в расцвете –
Твой край, что ты от рабства спас.
Твои подвиг вспоминают дети,
И это значит: ты меж нас.

И, если петь дано мне право,
Ты это право отстоял.
И, если я добился славы,
То эта слава – и твоя!

Ты – помошь мне в любой задаче,
В моей борьбе, в моей судьбе...
И, если дух мой стал богаче,
То лишь благодаря тебе!

1975

ЧЛОУ

Коль капля росы твоей вдруг на ладони
Окажется – в страхе дрожать над ней буду:
Вдруг ветер смахнет – я за ней хоть в погоню!
Подобно слезе это малое чудо.

Мой Члоу, опять на Панав восхожу я,
Вновь, мир озирая, от счастья немею...
При спуске минувшие дни разгляжу я
И детством своим обогреться сумею.

Меня заставлял ты дерзать и решаться
И к спускам меня приучал и подъемам.
Ах, так и не смог я тобой надышаться,
С отцовским давно распротившийся домом...

Снег рано растаял. Не канул ли в бездну?
А может, он был только памятью детства?
Но если я тоже однажды исчезну,
Не спросишь ли, Члоу, куда, мол, он делся?

Я новой травой твоей встану до срока,
Я в каждой былинке и в дереве каждом,
Я в девичьей песне, в кипенье потока,
В зерне твоем, в рыхлую землю упавшем...

В вечерних дымках твоих – легких, домашних.
Поднявшихся над очагами своими,
И в утренней дымке над дышащей пашней
Живу, хоть ты, может, забыл мое имя...

Я в гибких побегах и в почках, готовых
Раскрыться, – ведь есть же на это причины!..
Я в алых рассветах, в закатах лиловых,
Ты видишь и вправду, что нет мне кончины.

И если пред солнцем твоим оробею –
Пусть лунным зажгусь над тобою я светом,
Мой Члоу! Вовеки пребуду в тебе я, –
Клянусь тебе в этом!
Клянусь тебе в этом!

1975

ОДНАЖДЫ УТРОМ

Заря переливалась поутру,
Родник сверкал – подобно серебру.
– А девушка?
– Как в зеркало, в него
Смотрелась долго... Только и всего.

Пар подымался, чтоб росою лечь,
Косынкой плыл он, соскользнувшей с плеч.
– Что, хороша?
– Ах, чудо из чудес!
Родник промолвил, пробуждая лес.

Переливалась поутру заря,
Невиданными красками горя.
А девушка плела свою косу.
Был пуст кувшин. Рождался день в лесу.

Наверно, счастья жаждала она,
Как ждут его в любые времена.
Дождется ль, нет? Туманятся глаза...
И не роса блестит – ее слеза...

Подумал я: задача тут проста!
И молодость при ней, и красота,
И счастье здесь, сегодня – вот оно!
...Но этого понять ей не дано.

1975

НЕ УХОДИ

Не уходи никуда
Без меня!
В зимнюю стужу
Согрей без огня!

Не уходи же!
Ведь если уйдешь,
Я пропаду,
Да и ты пропадешь.

Не уходи,
Погоди, не спеши,
Взглядом сними
Эту тяжесть с души.

Не уходи
От меня ты тайком,
Толку не будет
В уходе таком...

Если уйдешь,
Не во сне – наяву
Я за тобой
Полечу, поплыву.

Тропку,
Тебя уводившую прочь,
Звезды покажут мне
В ясную ночь!

Птицы возносятся
В небо, звеня...
Ты не сумеешь взлететь
Без меня...

1975

* * *

Что луна в густых ветвях застряла –
Мы и не заметили того...
Оказалось – нам и ночи мало:
Что сказали? Ровно ничего.

Позже мы словам давали волю,
Времени хватало нам вполне.
Только то, что было нашей болью,
Так и оставалось в стороне.

Ах, кто знает, что бы с нами стало,
Если б сердцу не скрывать тоски!..
Сколько зерен на землю упало,
Но пробились не из всех ростки.

1975

ШЕСТЬДЕСЯТ

Много вписано в жизнь мою дат,
Жизни мог бы сказать: благодарствуй!
Перейдя через холм, шестьдесят
Подошло ко мне, молвило: «Здравствуй!»

Когда был вдалеке от него,
Мне казалось: поступит гуманно,
Не приблизит мой срок огневой,
И я древом под снегом не стану.

Как бы ни было мне тяжело,
Встречу, шляпу сниму и привечу.
Шестьдесят – всем приметам на зло –
Проскачу и его не замечу.

Встал Ерцаху, укрыт синевой,
Гордо, бодро, черты его строги.
Делать нечего – возраст я свой
Вскину на плечи и – по дороге.

О, проклятье мое, – шестьдесят,
Пусть немногого и все же – немало.
Буду слово беречь, как солдат,
Как бы жизнь меня ни сокрушила.

1975

ПОВРЕМЕНИ

В большом ли, в малом ли – во всем,
Что начал – ты спешишь, горишь...
И не поверившим в тебя
– Повремените! – говоришь.

В страстях, в неистовстве, взахлеб
Живешь все ночи и все дни.
И разум сердцу говорит:
– Не торопись, повремени...

Стоит дуплистый старый дуб,
В мороз и в дождь едва живой.
– Дай время, – ветру говорит,
Пройди без спеха стороной...

Жестокий холод оттеснив,
Язык огня взметнулся ввысь.
И сел спешивший у огня:
– Повремени, не торопись...

Младенец – света первый луч
И первый плач – призыв души
Твердит начавшейся судьбе:
– О, дай мне время, не спеши...

И пусть злодей в недобрый час,
Крадясь в полночной тишине,
Сквозь зубы цедит: – Погоди,
За все, за все заплатишь мне...

И тот, кому уж вышел срок,
С надеждой просит: – Погоди!
– Повремени! – твердит другой,
Тот, чьи надежды впереди...

1976

РЕКИ

Несутся реки в дальний путь,
Дробя в волне утесов лица,
Чтоб где-нибудь когда-нибудь
С огромными морями слиться.

Плынут, ревут, как зверь лесной,
Округу сонную тревожа,
И рвутся сильною волной
О кромку каменного ложа,

– Куда, к погибели спеша,
Течете, устали не зная?
У вас безгрешная душа,
Доверчивая и смешная...

– Мы, реки, не погибнем, нет
Пока крылом нам дождик машет,
Пока небесный синий свет
От синевы зависит нашей.

Пока, жадна и молода,
Земля томится жаждой жгучей,
Пока еще нужна вода
Всей жизни – нежной и могучей.

Все напоим мы вдосталь, вслать,
Собой пожертвуем мы сами,
Лишь никогда б не пролилась
В нас кровь, смешавшись со слезами!..

1976

ПАМЯТЬ

Шел я садом. Тени стыли кротко.
И сквозь ветер вдруг я услыхал
Легкий звук шагов. Ее походка!
Обернулся – шаг ее пропал.

Лист упал, тихонько он тревожит
Озера немое забытье.
Глядя на круги, решил я: может,
Здесь пропали и шаги ее?

Вспомнил я, и сердце жаром пышет,
Не могу поделать ничего.
...А вода небесный серп колышет,
Чтоб немного остудить его.

1976

СОН

Во сне я крикнул: «Чоу!» Конь белый подо мной,
Как сказочный Араш, летит через хребты.
Пьет радуга взахлеб, согнувшись над волной.
Летит орел, обдав нас ветром высоты.

Что за блаженный день! Как синева легка!
И непогода вдруг в морскую глубь ушла.
Надежда так, близка, дорога – далека!..
...Проклятье!.. Вот беда: я выбит из седла!..

Уносит вихрь меня, как сорванный листок,
Еще не понял я, что разобьюсь вот-вот,
Что роковой – вот-вот – уже подходит срок...
Такая красота – что смерть на ум нейдет!

И ахает толпа: – Так рисковать к чему?..
– Недолго гарцевал – себя он погубил!..
И нужно ж крикнуть «чоу!» на склоне лет ему...
Не выдержал бедняк, не рассчитал он сил!..

И тут проснулся я... Жалеющим меня
Я только лишь сейчас смог вымолвить в ответ:
– Вовеки не поймет тот, что сошел с коня,
Не крикнув »чоу!« – какой полет, какой в нем свет!

1976

* * *

Мы в трудный путь пустились молодыми,
Пришли сюда с седою головой...
Покуда шли мы тропами крутыми,
Не раз земля меняла облик свой.

Кто недоверчив был – увидел ныне
Впервые проторенные пути,
От жажды изнемогшие пустыни,
Что ожили и начали цвести...

Когда гремело сто громов над нами,
Казалось, что надеждам всем – конец,
Вела нас песня мужества – как знамя,
Звучала бессонно в глубине сердец.

Дорога сквозь чащобу прорыталась,
В снегах терялась, мчалась во всю прыть..
Друг друга мы держались, и усталость
Нас вместе так и не смогла сломить.

А если кто замешкался случайно,
Сказать не мог: плохи мои дела!..
И совесть была силой нашей тайной,
И честь сильнее слабости была.

Мы уходили, с близкими прощались,
«До встречи!.. – говорили. – Я вернусь...»
Узнали мы, ликуя и печалясь,
Победы радость, цвет ее и вкус...

Трубили трубы, барабаны били,
Победа – солнцем на небе зажглась.
На части мы ее не разделили –
Она осталась общею для нас!

1976

* * *

Как волосы рассыпались! На ложе
Покоится она – вся на свету.
Чтоб чуждый взгляд ее не потревожил,
Ее оберегали наготу.

Лицо от радости блаженно-свято,
Хоть брови сдвинуты ее чуть-чуть.
Откинутое одеяло смято,
И белая спокойно дышит грудь.

Как сладкий сон ее пленил, овеял,
Не хочет отпустить – околдовал.
А солнце с неба гладит эту шею
И ласковый лица ее овал.

Щенок, замри, не заскули случайно,
Ты, ветер, ставней стукнуть не посмей.
Петух, не голоси, – пусть розой чайной
Она поспит – так подобает ей.

Во двор влетел наездник – загремели
Копыта, и услышан скрип седла,
И вскинулась, и вскрикнула в постели:
– Приехал, – я судьбу свою ждала...

1976

* * *

Пока откладывал и мешкал я – могила
На поле появилась... Право, что за сила
Меня согнула! Скорбь. Стою я под дождем,
И горем сокрушен, и обожжен стыдом.
А мог ведь я прийти, пока была живая
И добрая, она, дорогу озаряя,
Певала песни мне и сказывала сказки
И не жалела мне ни времени, ни ласки...
О, шерстяная шаль, струящийся подол!
Она ждала меня, но я к ней не пришел.
Быть может, потерял ее расположенье?
Или из памяти исчез я как виденье,
И времени река мой образ унесла,
И детских лет моих картины смыла мгла.
Мой взгляд был для нее лекарством, – знал я это
И не пришел к ней в миг прощанья за приветом,
И не узнаю я, с чем отошла она,
Оставив горе мне, и пусть молва вольна
Меня причислить впрок к когорте бессердечных, –
Моя любовь, пока живу, со мною вечно.

1976

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Светлой памяти К. М. Симонова

Я дверь толкнул и на пороге замер.
Он ясно глянул добрыми глазами
И молодо, легко вскочил с постели,
И радостью глаза его блестели.

– Ну, как ты? Лучше? –
Но взамен ответа
Сказал он, улыбнувшись:
– Скоро лето.
Еще одна зима куда-то пробежала.
В Абхазии уже весна, пожалуй.
Как друг Темур? Ужель еще танцует?
Ему уж за сто лет, а он и в ус не дует!

– На днях я встретил старого танцора,
Верхом на свадьбу торопился в горы.
Мне кажется, он снова стал моложе,
И все клянется: сколько б лет ни прожил,
Не вскроет без тебя вина, что запечатал
С тобою вместе в честь твою когда-то.
Ты помнишь, как мы славно с ним сидели...

А на столе, стоящем у постели,
Лежали три исписанных страницы.
Наверно, пишет он, когда не спится.
Наверно, сильно кашляет ночами.
Узнать бы все. Поговорить с врачами.

А он спокоен, держится как будто,
Но драгоценна каждая минута,

И на меня, гонца весны абхазской,
Глядит, как прежде, с неизбытной лаской.

– Я помню, в Члоу раннею весною
Две яблони цвели над крутизною.
Что с ними стало?

– Ничего дурного.
Они живут и плодоносят снова.

– Я вспоминаю их.
Какое чудо!
Вот я поправлюсь, выберусь отсюда,
Уеду в Крым, передохну немножко,
А уж оттуда – прямо к вам дорога.
Осяду, накупаюсь в теплых водах,
И на прогулку – самый лучший отдых.
В крестьянской бы апацхе побывать бы,
Среда друзей, в веселом шуме свадьбы,
Средь свежих брызг, увлекшись разговором,
Пройтись бы над играющим Кодором.
Свернуть, пожалуй, по течению Чхалты.
Вот там расскажешь, что там написал ты.

Умолк, но вновь преодолел усталость:
– Ты пишешь повесть? Много ли осталось?
Я с нетерпеньем жду.
– И я стараюсь.
Конца не видно. Глубже удаляюсь.

– Видать, не дерево, всю чащу рубишь разом,
Что ж, каждый трудится не по чужим указам.
И каждый вдаль своей походкою шагает...

Вдруг о статье какой-то вспоминает.
И о друзьях писать уже подходят сроки.
А летом предстоит пуститься в путь далекий...
Жизнь в нем кипит, крылами бьет, как птица...
Сто вечеров еще пусть этот вечер длится!

Но он уже устал.
Я утомил больного.
Врач заглянул, ушел и появился снова.
Пора уже идти, сказать по чести.
И мы до лестницы доходим вместе.
Лифт приходил и уходил куда-то.
Никак расстаться не могли два брата,
Как будто бы зажатые в теснине.

О время, как тебя благодарить мне ныне!
Какие донесли тебе пророки,
Что близок час, что истекают сроки.
Ты, верно, ведал, о, в тот долгий вечер,
Что больше на земле у нас не будет встречи.

1980

* * *

Светлой памяти К. М. Симонова

Как жил ты на семи ветрах,
Так и остался жить без срока.
И ветру отдали твой прах,
И он понес его далеко.

В огне войны, в густом дыму,
Твой путь вперед был прям и светел,
Так пусть по следу твоему
Всегда несется этот ветер.

Пускай летит он на крылах
Твоей солдатской честной славы,
И пусть он понесет твой прах
На все границы и заставы.

Пусть он ложится, словно пыль,
На обелиски, камни, плиты
Героев – воинов.
Не ты ль
Слагал о них за былью быль,
Чтоб не были вовек забыты.

Ты наше море видел в снах,
Тебя, как сына, горы ждали.
Пускай же долетит твой прах
И к нам в Апсны из дальней дали.

На пике остром и крутом,
Куда лишь ветер долетает,

Стань вечным снегом, вечным льдом,
Который никогда не тает.

Будь выше облаков и туч,
Но пусть однажды, в час рассвета,
К тебе дойдет, как теплый луч,
Любовь абхазского поэта.

1980

ЛЕСНАЯ БАЛЛАДА

Я в лес вошел однажды на рассвете.
В лесу метались беспокойно звери.
И к старшим в страхе прижимались дети.
Я в лес вошел однажды на рассвете,
и он за мной свои захлопнул двери.

Нет, я не думал убивать и рушить.
Зачем природу приводить в смятенье?
К лесному шуму привыкали уши,
и к полумраку привыкало зренье.

– Ты, может, видел дочь царя лесного
и разгадал ее большую тайну?

– Нет, я не встретил ничего такого,
мне оленята встретились случайно.
А рядом с ними, около потока,
убитая лежала олениха.
Над нею птицы пролетали тихо,
и дерево задумалось глубоко.

– Ты в лес вошел, и что же ты увидел
такого, что не хочешь, да запомнишь?

– Я никого, признаться, не обидел,
но чей-то голос звал меня на помощь.
Мне, думаю, запомнится навеки
над кроной дуба чистое сиянье.
А дуб втроем рубили дровосеки,
но он на них не обращал вниманья.
Казалось, ветви радовались этим
напрасным звукам и возне презренной.

Не умирать, но петь хотелось, петь им
и растворяться в вечности мгновений.

– Поведай леса муки и печали,
как засыпал и с чем он просыпался?
Как головами дерева качали
и медленно кустарник осыпался...

– Лес был исполнен страха и тревоги.
Он был как путник, вышедший из дома,
которого застигли на дороге
порывы ливня и удары грома.
Он весь стонал, как будто в бурю – снасти.
И мне вслед косился суеверно:

«Похоже, это ты навлек ненастье» –
в чем доля истины была, наверно.

– Лес так сказал, а что же ты ответил
и чем утешил в безутешном горе?

– Я отвечал: «Когда бы был я ветер,
то я бы растворился в птичьем хоре».
Я отвечал: «Когда бы я был светило,
то грел и грел бы до изнеможенья.
А если бы силы у меня хватило,
то я бы превратился в птичье пенье.
Я только быть хотел твоей опорой,
твое доверье было бы как милость...»
...Мне отвечали сверху птичий хоры,
и тихо в небе облако светилось.

1981

* * *

Гора седая – скоро ли проснется?
Кто знает, что она перенесла!
Порой случайный луч ее коснется –
А так в ней холод царствует и мгла.

Безгласная, стоишь ты молчаливо,
Кто знает, радуясь или скорбя.
Наверно, в сердце умерли порывы –
И это-то состарило тебя...

И слышу глас: печален тех удел,
Кто не сумел ни в шепоте, ни в крике
То выразить, чего всегда хотел:
Он многое нас несчастней – безъязыких...

1982

* * *

Пришла весна-отрада,
Всех солнцем заливает,
И новые наряды
Деревья надевают.

И снег, как сахар, тает,
Прохожих поражая,
Вновь ласточки летают,
Суля нам урожай.

И человек с мольбою
Весны извечно просит...
Она ж лучи с собою
И радость всем приносит.

И в жилах колобродит,
И щедрости не прячет.
...Когда ж она уходит –
По ней он горько плачет.

1982

* * *

Меня кормила сладкими плодами
Та яблоня и весело, и бодро.
Но и она состарилась с годами,
Лишь ствол остался – жалок и ободран.

«Что есть – то есть, мы плакаться не будем
Пусть я жалка. Но говорю заранее:
За все добро, что сделала я людям, –
Не похвалы прошу я, не признанья!

Единственным охвачена я страхом:
Ужель исчезну без следа, как тень, я?
О только б корень получил продленье –
Немедля, в ту же ночь рассыплюсь прахом!»

1982

* * *

Верхом на палочке скачу,
Коня я погоняю,
Все мне по силам, по плечу,
Не соскочу с коня я!

И в путь пустился я! Сперва –
Весна, восторг ребячий!..
Потом – подъем. Сошла трава.
И стало все иначе.

Все в гору... Меж камней и льдов
Все круче, все труднее.
Там не было ничьих следов,
Но даль была виднее.

Не по дороге я скакал,
По ровной и просторной,
А между пропастей и скал,
Тропу торя упорно,

Меня не выюга ль сединой
Одолела вековечной?
Что нажил?.. Все мое – со мной:
И боль, и жар сердечный.

Меня по свету конь носил,
Меня дороги звали...
Но сколько я потратил сил –
Измерю я едва ли!

Но сколько лет, часов, минут
Потратил – неизвестно,
На тяжкий непрерывный труд,
Быть может, бесполезный...

1982

МОЕМУ МАЛЕНЬКОМУ ВНУКУ БАГРАТУ

Мой милый внучек, маленький Баграт!
Всегда ты моему приходу рад!
Ты только позови меня: «Даду!» –
И я к тебе немедленно приду.

В Москве рожденный, поскаки верхом
В Абхазию ты на коне лихом!
Решайся. «Чоу!» – пришпорь коня – и в путь
Путь – пред тобой... И ты кем хочешь будь.

Будь воином, строителем, певцом,
Кем бы ни стал ты, будь всегда творцом!
Взмой в небеса ты птицею стальной
Иль поклонись земле своей родной...

Трудись, борись... А коль больших побед
Добьешься – удивительного нет.
Что нажили отцы – не урони,
И честь и совесть сызмальства храни.

Дед радуетсянуку своему...
Но все-таки как быть тут – не пойму:
Живет тревога в нем, как ветра свист,
Что сушит сердце, как осенний лист.

В Члоу прискаки, в заветные места:
Взгляни – апацха старая пуста,
Грустит о чем-то иль кого-то ждет...
Святыней наш ее считает род.

В Лаганиах явись ты на заре
И громко щелкни плетью во дворе,

Чтоб слышно было пращурам в земле...
Хлеб-соль чтоб появилась на столе,

Чтоб снова песня крылья обрела
И, как бывало, в небе поплыла...
Чтоб вспомнил ты круговорот времен.
Хоть ты и не в апацхе был рожден:

Твой долг – чтоб в доме прадедов твоих
Очаг бы не затух и не затих.
Хочу, чтобы ты стал детьми богат,
Пусть двор заполнят и в саду галдят.

И двор услышит шаг хозяйствий твой –
Двор прадедов, кусок земли святой.
Деревья вздрогнут, кронами тряхнут:
«Хозяин новый поселился тут!»

Ты вырастешь, Баграт, пройдут года,
Земли опорой будешь ты всегда...
В трудах и испытаньях бытия
Себя не пожалеешь, верю я.

И было б славно, если б хоть во сне
Ты, мой Баграт, вдруг вспомнил обо мне
Когда-нибудь, когда придет пора:
Мой дед любил стихи, желал добра...

А я?.. Хотел бы я весенним днем
Проснуться вдруг и убедиться в том,
Что и чиста, и безмятежна высь,
Что все мои желания сбылись.

1982

ДОБРОТА ЗЕМЛИ

Не клял вовек ни в бедах, ни в тревоге
Я землю: можно ль клясть родную мать?
Могу ли я, споткнувшись на дороге,
Вдруг палку в гневе на нее поднять?

Твой сын и властелин одновременно –
Пью из ключа, что слаще молока...
Земля моя, о будь благословенна,
Богаче становись на все века!

Земля, тебе забот немало с нами...
В селе ты прячешь пращуров моих.
Где дым их вился?.. И зажжется ль пламя
Там, где зажглось когда-то, в некий миг?

...Друг, не смотри с обидой ли, с испугом,
Она – твоя защита и жилье.
Но станет камнем для тебя – не пухом,
Коль не оценишь доброты ее.

1982

* * *

Пред тем как смертная подступит немота,
Напутствия его родные ловят свято...
Родной язык навек замкнет его уста,
Родной язык, чей звук их отворил когда-то.

Уходит человек... И, устремив свой взор
На сына, говорит ему сквозь боль и муку:
Чтоб миновал тебя мной познанный позор,
Дай пращуров язык в дар моему тынуку...

Одно меня страшит, тревожусь об одном...
Не выскажусь – в гробу не отыщу покоя... –
...Но пониманья нет меж сыном и отцом,
К напутствию отца сын глух... Объят тоскою...

Врасплох застигнут – сын не замечает слез,
Бегущих по щекам... Он звукам не внимает:
То, чем пренебрегал, не принимал всерьез,
Разверзлось бездной: он отца не понимает!

В тревоге страшной тот в прощальный скорбный миг,
Чуть слышные слова смертельно сына ранят:
– Пусть те сгорят в огне, кто отнял мой язык,
И пусть твой сын тебя вовеки клясть не станет...

Не оставляй меня в преддверии конца!..
Ты на коленях, сын, зачем передо мной?.. –
...К соседу сын бежит (о, кто ж тому виною?),
Чтоб тот переводил ему слова отца.

Но пробил час... Слова застыли на устах...
И замер звук... И свет в главах померкнул отчих...
Как вышло, отчего могло случиться так
Что нужен меж отцом и сыном – переводчик!

1982

* * *

Стихами заняты... А чем – еще? Но вот доколе?!

Поэты, видно, так должны шагать по доброй воле
До смерти!.. А не лучше ль нам все оборвать до срока?
Быть может, то, над чем дрожим, – неярко, неглубоко,
На что мы жизнь сейчас кладем, окажется вдруг хуже
Того, что было и прошло, и нас охватит стужа.
И тот, кто радовался нам, смеяться будет вправе,
И станем впрямь смешными мы –

окаменевши в славе.

В нас юная кипела кровь, как горные потоки,
И половодье наших чувств все превышало сроки,
Но если кто-то вовремя сумел остановиться,
Тот, может быть, найдет покой и радости крупицу...
Не можешь не писать? Пиши! И будет все в порядке:
Все золото добытых слов ты трать – и без оглядки.
Но помни: есть закон – и с ним не вздумай

в спор пуститься, –

Что в юности прощалось нам – сегодня не простится!

1982

* * *

Чтоб душа не боялась обид,
Чтоб опасность меня миновала,
Здесь отцовская пацха стоит,
Не упала еще, не упала.

Сизый дым нависает над ней и дрожит,
Словно пламя лучины.
Я вхожу,
Выхожу из дверей этой пацхи...
...и так – до кончины.

1982

* * *

О война, ты – ад, что мы познали сами!
Ты всю землю переполнила слезами.

Матерей в глубокий траур ты одела,
И навеки от них радость отлетела.

Мы тебя, в кулак собравши пальцы, судим.
Ты страшней любой чумы и мора людям.

Словно море, гнев народа грозно плещет –
Пусть же он погасит пламень твой зловещий!

Когда спросят о тебе в грядущем дети,
Пусть пожмет плечами мать – и не ответит.

1983

* * *

Зачем, декабрь, подув холодным ветром,
Уносишь день мой, озаренный светом?

Все лето был я радостен и весел...
А ты дожди уныния развесил!

Хмур небосвод, дождями иссеченный.
Горюет вечер в мокрой бурке черной.

Как тихо стало! И, с дождем не споря,
Согнулись все деревья, как от горя.

На ветке лист играл с лучом горячим...
Сорвался – и слетел куда-то с плачем.

Быть может, под моей ногой он хрустнул?
Глядит предгорье сумрачно и грустно.

Умолкли птахи. Больше в поднебесье
Не слышно их задорных, бодрых песен.

Печальны дни, однообразно схожи.
И у меня в душе печально тоже.

Но хоть декабрь измучил всю округу,
Лес ждет весны, и снится лето лугу.

Надежда силы у природы множит...
А сердце даже мига ждать не может!

1983

* * *

Приснилось мне, что слышу голос мамы,
А было это в пору листопада.
На месте восхитительного сада
Последний лист подрагивал упрямо.

Но вскоре и сама она явилась.
Приблизилась и стала к изголовью:
«Душа моя, ты окружен любовью,
И над тобой простерлась неба милость.

С тех самых пор, как стала я землею
И ты шагами меришь эту землю,
Твоим шагам я неустанно внемлю
И следую повсюду за тобою.

Земля сырая мне казалась пухом,
Когда тебя ждала я с нетерпением.
Ты проходил – я становилась слухом.
Ты проходил – я становилась зрењем.

Ах, мой сыночек, мне не дотянуться,
А то б твои погладила седины...»
Мой возглас вынудил меня проснуться.
Я видел – ночь дошла до середины.

И я вскочил. Я думал, что отвечу
На этот голос – голосом ли, криком...
Но у крыльца в безмолвии великом
Мне облетевший сад шагнул навстречу.

1984

* * *

Молодую луну, что плыла по небесным волнам,
Кто кинжалом булатным своим расколол пополам?
Эту полночь кто-высветил? Мне неизвестно о том.
Только ветер в окошко стучится и просится в дом.

Только ветер летает и трогает ветви дерев.
Я сижу у окошка, ладонями лоб подперев,
Я уже ощущаю, в ладони лицо опустив,
Не внезапные слезы, но радости жгучий прилив.

В эту ясную полночь должно народиться дитя.
Может, в эту минуту, а может, минуту спустя,
Встрепенется и явится в мир удивительный наш.
У его колыбели я встану, как бдительный страж.

Для него я мосты переброшу над бурной рекой.
Постараюсь, чтоб сердцу планеты вернулся покой.
Буду песни слагать, проходя мимо ваших дверей,
Чтобы жестокосердные стали немного добрей.

Молодую луну, что плыла по небесным волнам,
Кто кинжалом булатным своим расколол пополам?
Эту полночь кто высветил? Мне неизвестно о том;
Только ветер в окошко стучится и просится в дом.

1984

* * *

Срезал пастух остролистый тростник,
сделал свирель и застыл над потоком.
К этой свирели губами приник.
День поводил ослепительным оком.

То замирала, то пела свирель,
звуки ее доносились повсюду.
Прелести не сознавала своей.
Просто была – утешенье и чудо.

Стадо у речки тихонько паслось.
Мальчик под звуки свирели кружился.
Музыкой день пропитался насквозь.
Музыки отсвет на горы ложился.

Там, где тянулся тростник, – пустота.
Долгий закат догорает устало.
И осторожно целует уста то,
то, что погибло, но музыкой стало.

1984

* * *

Вот так бывает – чувств порыв
Качает почву под ногами.
Зияет пред тобой обрыв
И тьма расходится кругами.

Иному чувству – бог с тобой! –
Не вздумай преграждать дорогу.
То, что намечено судьбой,
Оно осветит понемногу.

А может, нагоняя страх,
И, даже вопреки желанью
Отдаст тебя воспоминанью
И ты очнешься весь в слезах.

От чувств не отрекайся ты.
Не замыкай поспешно сердце.
И чистый образ страстотерпца
Появится из темноты.

1984

* * *

Кое у кого к строке строка
Лепится – как мелется мука,
Внешне – как из золота отлиты,
Изнутри – пустой трухой набиты.
Трескотня,
Болтовня,
Кваканье,
Бряканье,
Краснобайство,
Разгильдяйство,
Тарабарщина,
Барабанщина...
Здесь всего полно! Сварганил автор
Кашу из эпитетов, метафор.
И кричит стих изо всех печенок –
Гулко, как гремит пустой бочонок!
Но она, Поэзия, ни разу
Не была здесь – ни в единой фразе!

1984

* * *

Этот ветер на что-то обижен:
Долу клонит деревьев тела,
Только времени бег неподвижен,
Напряженный, как будто стрела.

Только ветер – в метаниях лживых,
Только ветер да листья одни.
И за то, что он жизни лишил их,
С ним танцуют безумно они.

1984

ВСАДНИК

Я позабыл свои следы в пустыне,
Где расплывались очертанья зноя,
Я отстранил сомнения пустые,
И утро просияло надо мною.

И я ступил на берег вожделенный,
А ветром развороченное судно,
Простертое на отмели смиренной,
Еще о море бредило подспудно.

Но всадник приближается по склону.
И гневное лицо его – открыто.
Его коня я узнаю по звону
Мне прямо в сердце бьющего копыта.

«Ты позабыл, что твой родитель – горы,
Что лучше их не сыщешь ты на свете...»
Но я не заслужил его укоры.
Мои страданья знает только ветер.

Я столько пережил в пучине моря
Я столько бездн увидел,
Обмирая, что светом осиянное предгорье
Мне отворилось, как преддверье рая.

Так я стоял на берегу, не споря,
К горам высоким обращенный взглядом.
А за моей спиной дышало море.
И две стихии уживались рядом.

1984

МАЛЕНЬКАЯ БАБУШКА

Я качал колыбель одной девочки крошечной.
Рыжей, ласковой, с нежной лукавою рожицей...
Я во двор выводил ее – жили мы рядом.
Любопытным следила за птичками взглядом...

Но война началась, гибель, горе-разлучница.
И забыл я о ней – до счастливого случая,
Когда встретил вдруг ту, что качал в колыбели,
В окружении внуков!.. О, все мы успели!

Горе нас сединой наградило серебряной,
Но и радости тоже немало нам вверено.
В этой маленькой бабушке с внуками рядом, –
Может, лучшее, что не чета всем наградам!

1985

НАДЕЖДА

Полузасохшая яблоня вдруг расцвела.
Пчелы кружат над цветами с довольным гудением.
И появилась старушка – такие дела! –
Шла, опираясь на посох, присела под деревом.

Сын у нее был единственный – сгинул...
Война! Жизнь ее слезы омыли, беда ее черная.
Так и бредет день за днем, спотыкаясь, она,
В трауре черном, его чернотой поглощенная.

Только надежды последнее тлеет тепло:
Вдруг он вернется, и горе пройдет неутешное!
Так вот и дерево старое вдруг расцвело –
В редких цветках, что пылают последней надеждою!

1985

* * *

Точильный камень жизнь твоя, поэт,
Она твою обтачивает душу.
И песня вырываетяется наружу,
Как ласточка, увидевшая свет.

И все происходящее – вовек
Твоя судьба, твой крест,
Твой путь единственный...
И так же, как из семени – побег,
Твои стихи рождаются из истины.

И у костра большого – каждый день
Проворно собирай слова-уголья.
Плети бессмертной истины плетень,
Стихи вбивая, как стальные колья.

1985

* * *

Темнеет. Расправляет чресла
Жарой измятая округа.
Природа к вечеру воскресла,
И мы взираем друг на друга.

Так, под руками тишины,
И мы в себя приходим снова.
Нам тишиною внушены
Проникновение и слово.

Так безмятежны небеса.
Дитя так безмятежно дремлет...
Вражды и злобы голоса
Такая полночь не приемлет.

Но прозрачен ночной покой
Отравленный враждой и злобой.
И мир, отравленный тоской
В ночи таится, смотрит в оба.

Но я гармонии хочу
И счастья в этом мире горьком...
Как эта полночь, я молчу
О скольком, господи, о скольком?!

1985

ЛЕБЕДЬ – ЦАРИЦА ВОД

Я лебедя увидел на море,
Была она белым-бела.
И, с пеной белизною споря,
Мерцали острые крыла.

А лебедь с волнами играла.
Качалась тихо на волнах.
И словно бы не замечала
Таившийся в пучине страх.

Она, казалось бы, тонула.
И вдруг всплывала в стороне,
Морским переполняясь гулом,
Сама подобная волне.

Она могла – назло стихии –
Не предугадывать исход,
Как это сделали б другие,
А просто плыть в пучине вод.

Все громче непогоды пенье.
До гибели рукой подать.
Но ветер ей – отдохновенье.
Волненье моря – благодать.

Плынет, как будто без усилия.
И не могу я разглядеть:
То ль ветер ей ломает крылья,
То ль просто пробует взлететь.

Я нынче думаю об этом:
Кем в нашем мире нужно быть,
Чтоб в темноте оставаться светом
И, словно без усилия, плыть?..

И море, присмирев, плескалось,
Как будто брат ее меньшой.
...Она плыла и оставалась
Царицей, лебедью, душой.

1985

СНОВА – БЕЛАЯ КОФТОЧКА...¹

Белая кофточка – снова она...
Та, что лишала покоя и сна

Робкого юношу годы назад,
Та, что душевный вносила разлад,

Чувства мои испытавшая рано.
Всюду искал я ее неустанно.

Но оказалось – она лишь виденье.
Чем заслужил я мое невезенье?!

Сердце рванулось за нею вовсю.
В поисках я исходил белый свет.

Сколько искал я в долинах, в горах,
Полный надежды на первых порах.

В поисках я забредал далеко:
Так расставаться с мечтой нелегко.

Сколько я разных людей повидал,
Сколько смеялся и сколько страдал.

Утро погасло, и день пролетел –
И не заметил я, как поседел.

Знаю, в минуту кончины моей –
Белая – встанет она у дверей,

¹ «Белая кофточка» – одно из ранних лирических стихотворений автора, к женскому образу которого поэт неоднократно возвращался в последующем.

Взгляд молодой на меня устремит.
...Старое сердце мое защемит.

Может быть, шла ты ко мне сквозь года,
Чтобы остаться со мной навсегда?..

Но не хочу уносить я в могилу
Образ восторженный, радостный, милый.

Что же так поздно ко мне ты вернулась,
Что же ты в жизни со мной разминулась?

Кофточка белая пусть остается там,
Где веселая бабочка вьется,

Там, где душа моя будет скитаться,
Где самому не дано мне остаться...

Здесь, на земле, ты пребудешь вовеки
Так лее, как горы, долины и реки...

Я выпускаю руки твои:
Радость моя, оставайся – живи...

1985

* * *

Знакомы мне и радость, и беда.
И смеху цену я познал, и плачу.
И в утешенье мне дана звезда.
А это что-нибудь да значит!

О, я б ее осмелился просить,
Чтоб песни детства мне вернула снова.
Чтоб с миром детства не прервалась нить,
Поскольку в нем судьбы первооснова.

Родное небо впитывает нас –
Наш стон и смех, рыдание и шепот...
Глядит звезда не отрывая глаз
И человеческий вбирает опыт.

Кому ж еще и ведать, как не ей,
Что сердцем я по-прежнему наивен.
Звезда моя, звезда судьбы моей,
Идет за мной дорогами моими.

Когда я умирал от старых ран,
Она одна пришла ко мне на помощь,
Ведя меня сквозь забытья туман
И светом ясным озаряя полночь.

Смелее в сердце проникай мое,
Заветные выпытывая звуки!
Чем большие оно познало муки,
Тем выше и отраднее поет.

1985

* * *

Нагрянул ветерок – и был таков.
А может быть, мне это все приснилось...
Воспоминанье надо мной склонилось,
Как будто ветка, полная плодов.

И обувь та, что в детстве износил,
Мои обула старческие ноги.
И вновь родник со мной заговорил.
И мать, как в детстве, встала на пороге.

Так, мысленно, я оказался там,
Где первое сложил стихотворенье.
Я шел один по собственным следам,
И снова в детство обращалось зренье.

Но, собственно, что думал я найти?
То, что ищу, вовеки не вернется.
Здесь даже птицам больше не поется.
А может, я их растерял в пути?

И все же голос был мне дан судьбой
И вера в то, что я услышан буду,
За то, что был всегда самим собой,
Самим собою был всегда и всюду.

1985

* * *

Горюет он о том, что не успел,
Не думая о том, чего не смог...
О, сколько б ты ни переделал дел –
Всегда неутешителен итог.

Намеренья благие – только сон.
Судьбу не наверстаешь никогда.
...Пересекает птица небосклон,
Не оставляя за собой следа...

1985

ВСЕМ РАДОСТЬ НУЖНА

И вот появилась в предгорье весна...
Приветливо мне улыбнулась она.

Протянута с добрым приветом рука.
— Я снова вернулась к вам издалека!

Залогом того, что и вправду я здесь,
Что льдам и метелям не скрыть эту весть,

Что дни будут звонче, светлей, горячей,
Прими в дар букет из весенних лучей!..

Искрился букет, источал аромат,
Как бурной весною разбуженный сад.

Я принял букет, излучавший огонь,
И с возгласом «Чоу!» помчался мой конь.

Глядите, следите за бегом коня!
Лучится потоками свет от меня.

И тают стремительно всюду снега,
Зеленый ковер одевают луга,

Смешав все цвета, расцветают цветы,
Беспечно наивны, бессмертно чисты.

И с яблонь, нежны, белоснежны, легки,
К изножью падают лепестки.

Навстречу лучам, что послала весна,
Веселые всходы дают семена.

А небо себя над землей вознесло,
Как отполированное стекло!

Мой конь, ты не знаешь, куда я спешу?
У этой калитки помедли, прошу!

Здесь, в этом дворе, без особых затей
Одннадцать мать воспитала детей.

Росли и обычными были детьми,
Но все настоящими стали людьми.

Я матери дивный букет протяну –
В сиянье лучей поселю здесь весну.

И снова – в дорогу! Всем радость нужна.
Эй, люди! Весна наступила, весна!

В дороге залог себе мысленный дам,
Что век буду славить весну здесь и там,

И, может, на долю и выпадет мне,
Как эти лучи, возвещать о весне,

Прекрасною вестью сердца веселить
И счастье весны в каждом доме селить!

1985

САСРЫКВА И ЕГО ТЕНЬ

(по мотивам Нартского эпоса)

Из романа «Рассеченный камень»

О Сасрыква, Сасрыква, изведавший
гибельный ужас!

Были кудри твои весенней травы шелковистей,
Был ты юным и юным остался навеки,
Как иной до седин – не дожил ты до лет молодых...

Вот однажды пошел прогуляться Сасрыква, –
Следом тень, как собака, за ним побежала.
Он идет по дороге, шагает по голой равнине,
Где ни деревца нет и ни кустика даже –
Только солнце на землю взирает с высокого неба.

Вдруг внезапная молния солнечный полдень затмила,
Грянул гром, да такой, что земля содрогнулась!
Замер нарт, огляделся – как прежде,
безоблачно небо,
Ярко солнце сияет... «Видать, примерещилось все
мне», –
Порешил он и тронулся было в дорогу,
Но послышался голос – неведомо чей и откуда:

– Не дивись, о юнейший из нартов, знаменью –
Не случайно оно. Приготовься и слушай, что будет:
Ныне слово судьбы для тебя прозвучит. Приготовься...
Удивился Сасрыква и грозными глянул очами:

– Кто тут шутки шутить надо мною надумал?! –
Присмотрелся и видит – о дивное диво! –
Это тень его, тень, разговор с ним ведет как живая.

– Знай, Сасрыкva, – так тень ему грозно вещает, –
Нет ни друга, ни брата тебе в этом мире,
Даже конь твой и тот твоих братьев вернее...

– Будь неладна! – прервал ее гневно Сасрыкva. –
Пусть уста твои кровью навек запекутся!
Ты ведь всюду со мной, так неужто еще не узнала:
Нас сто братьев, и все друг за друга погибнуть готовы!
– Да, я знаю, вас сто, – тень ответила тихо Сасрыкве, –
Только нет среди них у тебя настоящего друга.
Срок наступит – и станут твоими врагами
Те, кого ты за братьев пока почитаешь.
Ибо знай, что повсюду, как тень, неотвязно
Вслед за нартами вечно проклятье ступает, –
Наберись, если суть его хочешь узнать ты,
И терпенья, и мужества... Вот оно, слушай:

«...Чтобы с теми, кто зло им приносит, роднились,
Чтоб творящих добро принимали за недругов злых,
Чтоб на свет вместе с ними рождались раздоры и зависть,
Чтоб всю жизнь, потешая врагов, меж собою
бы грызлись,
Чтоб над лучшим из нартов другие бы нарты глумились,
Чтоб подлейший из них одерживал верх
над честнейшим,
Чтобы род их пресекся, а те, кто успел народиться,
Истребили бы сами друг друга в кровавой борьбе...»

– Замолчи, моя тень! Ты меж братьями злобу
Захотела посеять?! Так на, получай же! –
Гневно крикнул Сасрыкva и, меч обнажив свой,
Замахнулся на тень... В это время
Вновь внезапная молния солнечный полдень затмила,
Снова гром загремел и земля зашаталась,

Небо ясное черные тучи закрыли,
И во тьме наступившей растаяла вещая тень...

Шел Сасрыкva, домой возвращаясь,
Шел Сасрыкva, тревог и смятения полный,
Шел Сасрыкva по голой, печальной равнине.
Никому не расскажешь о том, что сегодня увидел, ...
Кто поверит тому, что сегодня услышал?

«Богатырь, испугавшийся собственной тени!» –
Скажут братья и станут смеяться над братом;
Мать его пожалеет, а после добавит с улыбкой:
«Ах, сынок, напекло тебе голову, видно.
Разве тень разговаривать может? Опомнись!»

И шагает Сасрыкva, тревог и смятения полный,
И шагает Сасрыкva по голой, печальной равнине...

1978–1981

ПЕСНЯ ЧИЧИНА

Из романа «Рассеченный камень»

Плачьте, струны, горько плачьте, струны,
Я в проклятый день на свет родился.
Утром я из дому вышел юный,
Вечером седой я возвратился.

Ни любви, ни счастья не дождался
И пустился в путь по белу свету.
Перед тем как сесть в седло, поклялся:
Радость будет там, куда приеду...

Чины сын Чичин, еще немного –
И как тень под солнцем он растает.
– В никуда ведет моя дорога,
И конец в могиле исчезает.

Сколько лет ему, какие годы
Голову покрыли сединою? –
Час мой близок, просто я невзгоды
Прочь гоню и песней, и игрою.

Плачьте, струны, плачьте, мои струны,
Я в проклятый день на свет родился.
Утром я из дома вышел юным,
Вечером седой я возвратился.

1978–1981

ДОМОЙ

Поэма

1

Измученный дальней дорогой,
Чуть свет я покинул вагон...
Редеет туман понемногу,
Но край еще в сон погружен.

Петух петуха окликает.
Да слышится лай вдалеке...
А ветер нагорный ласкает
И гладит меня по щеке.

От милого горного края
Три года провел я вдали.
Три года провел я, скучая
По звездам родимой земли.

Но тот, кто по отчему дому
Тоской не томился вовек,
Кому эта боль незнакома, –
Несчастнейший тот человек...

Привет вам, великие горы!
Уйдя в небеса головой,
Хранит ваш покой в эту пору
Ерцаху – седой часовой.

Панавский хребет в отдаленье.
И там, где вершины чело,
Я вижу родное селенье –
Далекое, милое Члоу.

Там, в зыбком рассветном тумане,
Мерцая, дрожит огонек...
Да кто ж его в этакой рани
С любовным терпеньем разжег?

Кто хочет осеннею ночью
Ускорить прибытие дня?...
Не дом ли там светится отчий?
Не мой ли отец у огня?..

В черкеске заплатанной, старой,
С привычной заботой в очах
Нет-нет да подбавит он жару –
Поленья подбросит в очаг...

Усядется, кашлянет глухо
И трубку раскурит свою,
И громко окликнет: «Старуха!
Вставай-ка. Светает». – «Встаю».

И мать одевается... Вижу –
Тяжелый венец седины
Над пламенем клонится ниже...
Горящие угли красны...

Дымятся поленья пахуче...
Дым стелется над очагом.
Потом собирается тучей,
Клубящейся над потолком.

Сидят они, смотрят на пламя,
Отец престарелый и мать.
Так ждут они сына часами,
И горько и тяжко им ждать.

Не это ли счастье для сына –
Родителей видеть в живых?!

Лишь тот настоящий мужчина,
Кто старцев утешит своих.

2

Раскурена трубка. При этом
Заводит отец разговор:
– Писал, что приеду, мол, летом,
А все его нет до сих пор...

Ведь нынче, в письме говорилось,
Ученье приходит к концу.
Так где ж он – скажите на милость?..
Как долго томиться отцу?

В ученье – ни много ни мало
Он целых пятнадцать годков!
Иному и года хватало,
А счастлив он, сыт и здоров.

Все те, с кем учился он в школе,
Повыбились в люди давно.
Возьми зоотехника, что ли,
С ним давеча пил я вино...

Кто скажет дурное про Чагу?..
Неделю учился едва, –
Напишет любую бумагу –
Не зря сельсовета глава!

У этого, смотришь, машина,
Катит из района в район...

Такого бы нам с тобой сына,
И старость лелеял бы он!

А наш... Если явится даже,
Какой нам окажет почет?..
Все занят... И ночью – на страже:
На звезды глядит, звездочет!..

Иль нету занятья полезней,
Чем книжки читать без конца?!

Все – сказки да старые песни,
Да разве еще апхярца!..

«Чему он учился все время?» –
Недавно пристал наш сосед.
И стыдно мне стало пред всеми...
«Писательству», – буркнул в ответ.

Наука – порой мне сдается –
Пошла ему вовсе не впрок...
А спросишь его, улыбнется:
«Отец, погоди!.. Дай мне срок!..»

Жди, жди... Ну, а толку не видно.
Не молод я, мне тяжело...
Наследник один, и обидно.
Хозяйство в упадок пришло!

– Не нравятся мне эти речи!..
А вдруг да недобroе с ним?! –

У матери дрогнули плечи
Под старым платком шерстяным...

Простуду иль хворость какую
Схватил, может статься, наш сын...
Сижу я с тобой да толкую,
А он без присмотра, один...

Мне снилась река, непогода...
Три раза петух прокричал,
И вспенились мутные воды...
Недобroe сон предвещал...

Мечтала – приедет... «Покушай,
Скажу, из родительских рук...»
Для мальчика яблоки, груши
Я спрятала в старый сундук.

Но фрукты – и все это к худу! –
С чего-то пошли подгнивать...
Но я раздавать их не буду,
Для сына сбирала их мать!..

3

Лишь в полдень по склону крутому
Я стал подниматься... И вот –
Стою у родимого дома,
Знакомых коснулся ворот...

Отец обомлел: «Это кто там?
Не сон ли средь белого дня?!»
А мать побежала к воротам
И плачет, целуя меня.

Теленок глядит годовалый
На гостя, пришедшего в дом...

Собака, визжа, подбежала...
Да я ж ее помню щенком!

Здесь камушек всякий щербатый,
И тот меня знает в лицо.
Ольха мне кивает; когда-то
Я здесь посадил деревцо...

И где бы я ни жил, повсюду
Я помню родной уголок...
Не знал бы, что снова здесь буду, –
В могилу бы лучше я лег...

Нет края богаче и краше!..
А воздух?! Свежей не найти!
Привет тебе, хижинка наша!
Твой свет я увидел в пути!..

1941–1944

ДИТЯ

Баллада

Ехал всадник темной чащей
На коне горячем.
Месяц беркутом парящим
Сквозь листву маячил.

Ехал пировать куда-то
Всадник статный, бравый
За спиной – башлык богатый,
Меч с резной оправой.

Золотым горит отливом
Дорогая сбруя,
Выступает горделиво
Конь, под ним гарцуя.

А чутье у вороного,
Словно у легавой.
Среди леса он густого
Вдруг отпрянул вправо.

Не найдет себе покоя,
Ржет, уздечку гложет...
Странно! Что б это такое?
Что его тревожит?

Чу! Дитя пищит, похоже,
Тут, не в отдаленье!
Всадник вынул меч из ножен,
Спешился в мгновенье.

Видит: под луной белесой,
Голенький, дрожащий,

Мальчик золотоволосый
Горько плачет в чаще.

Простирает он ручонки.
Тянется к джигиту.
Взял тот на руки ребенка,
Молвил деловито:

«Ты моя находка, малый,
Я – твоя удача!
Встреть другого ты, пожалуй,
Было б все иначе!

Заберу тебя с собою
На пути обратном,
Станешь верным мне слугою
В доме, в деле ратном!

Подожди лишь ночь до срока,
Наберись терпенья!
Все мы, брат, во власти рока
И его решенья!»

Уложив в дупло малютку,
Прочь уехал всадник.
Вот одни, другие сутки
Длится шумный праздник.

Пьет джигит, поет, хохочет...
Еле жив с похмелья,
Лишь на третью сутки, к ночи,
Кинул он веселье

И коня лихого к дому
Не спеша направил.

Вот он въехал в лес знакомый,
Где дитя оставил.

Под дуплистым старым вязом,
Что-то вспомня вроде,
Придержал коня он, разом
Натянув поводья.

Щуря глаз с ухмылкой пьяной
(«Что моя находка?»),
Осветил дупло и глянул
В самую середку...

Стыд и боль пронзили душу:
Там, в норе змеиной,
Недвижим лежит, удушен,
Мальчуган невинный.

В пустоту глаза гладятся,
Рот кривится в муке,
В золотых кудрях клубятся
Черные гадюки...

И сказал джигит с тоскою,
Потрясен, растерян:
«Нет, не богом, не судьбою
Век наш предызмерен!

Сам я в себя любье сытом
И жестокосердье
Бросил цвет, едва раскрытый,
Прямо в петлю смерти».

1940

СВИРЕЛЬ

Баллада

Жил-был пастух. Ему, пожалуй,
Хвалу не воздадим,
Но был он добрый, честный малый,
Соседями любим.

Он жил с женой в родном селенье,
Больших не знал он бед,
Но сына ждал он в нетерпенье,
И ждал тринадцать лет!

Считал он, что живет впустую,
Годами убелен.
Потупив голову седую,
О сыне думал он:

«Обманчив мир непостоянный,
Враг радостей живых.
Он для одних – приют желанный,
Пустыня – для других.

Где смех детей в моем жилище?
В нем грусть и тишина.
Как мельница на пепелище,
Молчит моя жена.

Нет сына у меня и брата,
Кто мой оплачет прах?
Уйти придется без возврата,
На чьих умру руках?

Кто защитит мои отары,
Кто сядет на коня,

Чтобы овец мой недруг старый
Не отнял у меня?»

*

Так плакал он в бессильном гневе,
Не ведал он, грустя,
Что у его супруги в чреве
Уже растет дитя.

Он долго сына ждал в печали,
И за тринадцать лет
Глаза впервые засияли:
Родился сын на свет!

«Очаг мой не погаснет ныне!» –
Он гордо произнес.
Кто упрекнет его в гордыне?
А мальчик рос и рос.

*

Пастух на пастбище собрался
Погнать козлят, овец,
А мальчуган к нему прижался,
Упрашивал: – Отец!

Наверх возьми меня с собою,
Где травы шелестят.
Я горной побегу тропою,
Чтоб охранять козлят.

Играть я буду на свирели,
Чтоб им паслось легко.
Проснусь (птенцы уже запели),
Заквашу молоко.

Придешь с охота, долгожданный,
Устав бродить в лесу, –

Тебе я в кружке деревянной
Мацони¹ поднесу.

О нартских битвах, о возмездье
Ты мне расскажешь сказ,
Родного неба семизвездье
Засветится для нас.

Луна сиянием узорным
Заблещет по горам,
Мы будем куропаткам горным
Внимать по вечерам.

Их шум, как звуки ачамгура²,
Нам принесет покой...
Отец, меня не слушай хмуро,
Возьми меня с собой!

Собрав, отмерив порох, пули,
Пастух внимал ему.
Глаза улыбкою блеснули:
– Возьму тебя, возьму!

Вот поутру с сынком-подмогой
Пастух пошел в поход,
Гоня проселочной дорогой
Перед собою скот.

Стремились к пастбищам богатым,
К лугам Куабчары.
Взбираясь по отвесным скатам,
Достигли той горы.

¹ Мацони – род простокваш.

² Ачамгур – струнный музыкальный инструмент.

Там вступишь ты в поток студеный –
И превратишься в лед,
А в небе, в синеве бездонной,
Отара туч плывет.

Тяжел подъем, но там – отрада,
Так хорошо в горах!
Пасет румяный мальчик стадо,
Зверям внушая страх.

Однажды, под вечер, с охоты
Пришел его отец,
Присел, исполненный заботы,
Среди козлят, овец.

Куда же горный тур девался?
Днем, в заросли густой,
Он в тура выстрелил, – сорвался
Тур со скалы крутой.

За ним, упрямый и умелый,
Сбежал охотник вниз,
Там – ранен в грудь – с отметкой белой
Над бездной тур повис.

Убит? Скорее снять бы шкуру!
Но зверь взметнулся вдруг,
И снова жизнь вернулась к туру,
Исчез – и тишина вокруг.

«Еще не весь мой вышел порох,
Добычу я возьму!» –
Решил пастух, но в стаде шорох
Послышался ему.

Стал шорох гулом водопада:
То к хижине спешит,

А то лавиной мчится стадо
Вниз, где поток бежит!

Залаял пес, завыло где-то,
Незримое зверье...
Вскочил пастух, невзведев света,
И вскинул он ружье.

Что в тростнике зашевелилось?
Напряг он зренье, слух:
«Медведь! Медведь, скажи на милость!» –
И выстрелил пастух.

Но кто упал, травой сокрытый?
То мальчик дорогой,
То сын единственный, убитый
Отцовскою рукой!

Сработать мальчику хотелось
Свирель из тростника.
Козлятам сквозь кусты виднелась
С ножом его рука.

Вдруг тростники заколебались
И начали шуметь.
Животные перепугались,
Почудилось: медведь...

Гласит: «Нельзя рыдать мужчине», –
Суровых гор закон.
Но как пастух поступит ныне?
Уйдет из жизни он!

На бурку положил ребенка
Убитого старик,
Он взял свирель – и грустно, звонко
Стал причитать тростник:

«Рыдайте всеми голосами,
Земля и небеса!
Себе своими же руками
Я выколол глаза!

Мой сын, мой родничок, недавно
Пробился из земли,
И вдруг затих мой мальчик славный,
А мать одна вдали.

Тебя, мой мальчуган, с обновой
Ждет не дождется мать:
Она тебя с черкесской новой
Готовится встречать.

Тоскует: скоро ль с пастбищ горных
Вернется сын родной?
Тебя же на носилках черных
К ней понесут домой!»

*

Так пел старик. И песнь свирели
Была слышна в горах.
Ягнята на него смотрели
С сочувствием в глазах.

И скалы, и трава нагорий
Рыдали с тростником.
И горю отвечало горе,
Стонавшее кругом.

Навек замолк старик несчастный,
Навек замолк тростник.
К ребенку мертвому безгласный
Седой отец приник.

1947

РИЦА

Баллада

Стадо овчье ранней весною
Апицба Нигу на пастбище гнал.
В полдень пылающий к водопою
Скот его вниз по ущелью сбегал.

С Низом оставшись – маленьkim братом,
Жил этот Нигу крестьянским трудом.
Был, говорят, у Нигу когда-то
Бедный в долине отеческий дом.

В горькой нужде он, в лишеньях томился
И в пастухи к богатею пошел.
Долго служил и удачи добился,
Стадо свое небольшое завел.

Бодро, с надеждою взялся за дело, –
А трудолюбье к достатку ведет.
Знающий был овцеспас он, умелый.
Множились овцы его, что ни год.

Старый Ажвейпш¹ помогал ему, что ли,
Славно плодились пастушки стада.
Там на зеленых горах им приволье –
Сочные пастбища, тень и вода.

Стадо ведя пустынной тропою,
Утром до солнца Нигу вставал.
Чутко он спал, с ружьем за спиной,
Посохом скалы вершин попирал.

¹ Ажвейпш – мифический покровитель зверей.

В зеркале водном отражены,
Овцы по склонам шли узкой тропой.
С блеяньем громким они с крутизны
В полдень спускались на водопой.

С моря порой приносило грозу,
Тучи свивались клубком на горах,
Волны сердито шумели внизу,
Кроясь в бегущих, как дым, облаках.

Ветер в ущельях крутился, гудел.
Небо скрывала черная мгла,
Озера кубок шумел и кипел,
Пеною белой плеща в берега.

Молнии мрак раздирали порой.
Темное небо раскалывал гром,
Мгла подымалась сплошною стеной,
Все затопляя, скрывая кругом,

Но отгремит гроза, пролетит,
Вновь ветерок не шлохнет в ветвях.
Снова в зеленых своих берегах
Озера гладь, как прежде, блестит.

Ясно и мирно утренний луч
Золотом трогал поверхность воды,
Мчались клочки розовеющих туч,
Дымные оставляя следы.

Сладко звенели трели свирели
Утром на круче отвесной скалы.
Пенные воды с утеса летели,
Радугой рея в облаке мглы.

Пес его верный все время на страже,
С ним он встречает беду и грозу...
Синью густою полная чаша –
Озеро Рица лежало внизу.

Тихо шептался по берегам
Лес, в глубину синевы погружен.
И по разглаженным за ночь волнам
Реял опять очарованный сон.

*

Нигу все лето стадо овец
Пас на зеленых крутых берегах.
С сумкой походной своей на плечах
Брат поднялся к нему, смуглый юнец.

Нигу был гостю нежданному рад –
Режет ягненка, разводит костер.
На берегу два брата сидят,
Ужинают и ведут разговор.

*

Нигу, рассветом разбуженный, встал,
Низу он, младшему брату, сказал:
– Здесь – по ущельям, по склонам холмов
Долгие годы пасу я овец,
Сколько опасностей, сколько трудов
Вынес я! Знаешь ли ты, молодец?..

Цвет моей юности стал увядать,
Начал о доме я тосковать.
Здесь обиход мой пастуший суров,
Чуток мой сон в лесном шалаше,
А уж давно человеческих слов
Я не слыхал, отрадных душе.

Здесь на овечьих шкурах я сплю,
Холод, жару и ливень терплю.
И в домотканой черкеске одной
Годы хожу я в стужу и в зной.

В этом краю, что безлюден и дик,
Мне суждено было долго блуждать.
Разум зверей и природы язык
Я научился здесь понимать.

Ажвейпш является мне, не таясь.
Если я даже дремлю, утомясь,
Старый медведь, хозяин лесной,
Стадо мое обойдет стороной.

Ночи здесь холодны. Но для костра
Сучья сухие готовы с утра.
Да, я как дома в этих горах,
Ясны законы их темные мне.
Барсу и волку внушаю я страх.
Полный владыка я в горной стране.

Но, дорогой мой, я должен сказать,
Кажется мне, что я здесь одичал.
Стал о родном я селе тосковать,
Речи людской я давно не слыхал.
Если ты сможешь, брат дорогой,
Малость за стадом моим присмотреть,
Я бы спустился в долину, домой,
Снова на близких своих поглядеть.

Смех я услышу и песни людей
И утолю души моей грусть.
Всех навещу своих старых друзей,
Сердцем средь них обновлюсь и вернусь.

Старшему младший брат отвечал,
Что он, конечно, останется здесь.
К младшему старший подсел и сказал:
– Тайна тут, братец, великая есть!..

Знаю, ты можешь меня заменить.
Благодарю! Но скрыть не могу –
Диво увидишь ты, может быть,
Здесь, на озере крутом берегу.

В первую четверть луны сентября,
Только желтеть орешник начнет,
Как две луны молодые, горя,
Здесь два барана выходят из вод.

И до рассветных первых лучей
Ходят, гуляют с отарой моей.
Вот отчего у меня, что ни год,
Лучше порода, богаче приплод.

Блеянье, шум раздается вокруг...
Только наказ мой запомни, о друг:
Ты из укрытия не выходи
И на баранов тех не гляди.

В бурку закутайся ты с головой,
Не любопытствуй! И до утра
Спи беззаботно под кровом шатра.
Вот моя просьба, брат дорогой.

Если нарушишь запрет мой, тогда
Ждет нас с тобою большая беда!
Так свою тайну Нигу открыл.
Крепкую клятву с брата он взял,

Обнял его он, благословил
И по ущелью домой зашагал.

*

Только сентябрьская полночь настала
И под луной блеснули хребты,
Эхо в ущелье загрохотало
Громом обвала из темноты.

Низ не забыл повеления брата
И подождать решил до утра.
Буркой своей он укрылся мохнатой
И задремал под навесом шатра.

Высунул голову утром несмело,
Стадо с опаскою пересчитал,
Все поголовье, видит он, цело.
Сбил он отару и в горы погнал.

Ночь наступила – опять то же самое...
Выдержал он, хоть и стало невмочь.
Третья настала тревожная ночь,
Дрогнуло сердце пастушье упрямое.

Взял он ружье и прянул наружу:
«Дай-ка взгляну на отару мою!
Может, волков иль воров обнаружу,
От нападенья – овец отбью!»

Гладь: как листва под дыханьем бурана,
Кружатся овцы. За ними волны
Гонятся два бело рунных барана,
Как две луны, излучающих свет.

Низ красотою их был очарован.
Молвил он: «Верно, простит меня брат!
Вышли из озера вы голубого,
Но не пущу я вас больше назад!

Трудно мне, что ль, их поймать в самом деле?»
А у баранов шерсть как снега
Зимних нагорий. И ярко блестели .
Выгнутые золотые рога.

Но человека заметивши, живо
Прыгнули в волны бараны с обрыва.
И, как лавина, вслед с крутизны
Бросились овцы в темень, волны.

Озеро пенною пастью разъялось,
Стадо богатое сгинуло в нем.
Даже хромой овцы не осталось
На берегу со своим пастухом.

«Господи! – Низ несчастный взмолился. –
Что же мне делать? Что брату сказать?»
На берегу он сидел, сокрушался,
Словно детей потерявшая мать.

Воплям его неизбывной печали
Кручи окрестные хмуро внимали.

*

Нигу недолго пробыл в селенье,
Начал скучать он о стаде своем.
Нет его сердцу ни в чем утешенья.
Вновь он покинул старый свой дом.

Быстро он шел, так, что пот его пронял
Берег пустой увидал и все понял.

«Низ! Ты убил меня. Это – конец! –
В горе вскричал он младшему брату. –
Прочь уходи, хвастливый глупец!
Не возвращайся ко мне никогда ты!
Прочь уходи поскорее домой,
Жалкий глупец, обманщик бесчестный!»

Низ, опечалясь, поник головой.
Скрылся... Домой ли ушел? – Неизвестно
Нигу на камне над озером сел
И заиграл на свирели, запел.

«Где вы, овечки мои дорогие,
Здесь вас зеленое пастище ждет.
Я заклинаю: вернитесь живые,
Выдьте ко мне из неведомых вод!

Я охранял вас от барса и волка,
Пас, не щадя ни сил, ни труда.
Я отлучился от вас ненадолго
И неужель потерял навсегда?

Не обижайтесь на глупого брата!
Тайну не всякому ведать дано.
Мир этот светлый, привольный, богатый
Лучше, чем темное озера дно!»

Так до рассвета ходил, заклинал он.
Пел и на звонкой свирели играл он.
Плакала горная куропатка,
Серна в чащобе слезы лила,

Песня пастушья звучала так сладко,
Что до глубин озерных дошла.

Только лишь тень ночная умчалась
И заалел над горами рассвет,
Вдруг из воды овца показалась,
На берег вышло ей стадо вослед.

Нигу обрадовался несказанно,
Молча свирель он свою опустил.
Вдруг появился Низ и как пьяный –
«Счастье нам, братец!» – он завопил.
И заплясал, закружился, затопал,
В радости громко в ладони захлопал.

Стадо, заметив его, как лавина,
Ринулось в озеро. Вспенился вал.
Пена всплеснулась. На круче пустынной
Нигу, как камень, безмолвный стоял.
И, завернувшись буркою черной,
Прыгнул он с кручи вниз головой,
Брызги взлетели над гладью озерной,
Волны плеснули в берег крутой.

*

Слышал я песни древнего лада:
Будто пастух нашел свое стадо,
Будто волна выносит из Рицы
Белые клочья густого руна.
Будто свирель звенит до денницы,
Блеянье стада слышно со дна.

1948

МОИ ЗЕМЛЯКИ

Роман в стихах

(Отрывки)

* * *

Зима, нагрянув слишком рано,
На солнце совершив набег,
Дышала сыростью тумана
И землю облачила в снег.
Уйди скорей, шалунья злая,
Из южного родного края:
Уже февраль принес тепло
И солнце, ласково играя,
Над сединой хребта взошло.
Размякнув, с веток снег свалился,
Блестя и тая на лету.
Земли почуяв теплоту,
Цветок фиалки появился,
И алыча уже в цвету.
Но марта кто поймет природу?
Готовясь в прошлый раз к уходу,
Грозился он, войдя в азарт:
Не любит улыбаться март!
Остаться? Силы нету боле,
А не уйдет по доброй воле!
Измучив и людей, и скот,
Он пропадет на целый год,
Оставив снежный след на поле.
Друзья, мне по сердцу весна,
Когда вот так придет она,
Среди зимы повеет лаской,
Сияя над землей абхазской,
Когда я, бурку сбросив с плеч,
В день отдыха, в одном бешмете,
Брошу вдоль моря на рассвете
И слышу трепетную речь

Волны, бегущей на просторе,
Зовущей выкупаться в море.

Февраль проснулся на заре,
И люди принялись за дело.
– Начнем! – сказали в Амзаре.
Везде работа закипела,
Везде поля оживлены,
Пора настала посевная,
И трактор, землю разрезая,
Шумит – и это шум весны.
Вон там заборы ставят ровно,
Подпорки чинят у столбов.
Другие запрягли быков
И повезли большие бревна.

Опять вступает мой народ
В кипучий урожайный год,
Трудом и миром озаренный.
Вновь созиданья шум зеленый
Над родиной моей плывет...
Вам, совершившим подвиг бранный.
Вам, вставшим в строй плечом к плечу,
Чтоб заживить отчизны раны, –
Я здравицу сказать хочу.
Я вижу вас, семью родную,
Я жизни слышу новизну,
Я слышу мирных дней весну,
Что к нам приблизилась вплотную.
Я посылаю вам привет,
Амзарцы из колхоза «Свет»:
Сзывает вас его сверканье
На необычное собранье.

* * *

Астанда в комнату без стука
Вбежала. Отчего она
Так тяжко дышит, так бледна,
В глазах растерянность и мука?

Присев, откинулась на спинку
Простого стула. Мнет косынку
Молчит. Не говорит ни слова,
Вот-вот расплакаться готова.

Два друга к ней: – Скажи на милость,
Астанда, что с тобой случилось?
На лик твой пали тени туч,
Да отвечай скорей, не мучь!

Весь день сегодня вас искала,
Решаете свои дела,
И, кроме отчего села,
Вас прочее заботит мало.

О радужных забудьте красках,
И черные на свете есть.
Вот о закрытье школ абхазских
Лихая поступила весть.

– Астанда милая, как можно
Все сплетни принимать всерьез.
Поверь, известье это ложно,
А ты расстроилась до слез.

– Пить мед твоими бы устами,
Столько лет бы пили – не устали,

Но нет, Дамей, не сплетня это,
Не вымысел, как на беду.

Знай, не с базара я иду,
А прибежала с педсовета.
Собрали в школе педагогов,
Наслушалась я демагогов.

«Вот так и так. Начальство, мол,
В порядке действуя указном,
Закрытие абхазских школ
Считает целесообразным».

Астанда накрутила кончик
Косы на палец, а Дамей
Вскочил, как барс: – Какой пигмей
Решился наш язык прикончить?!

По воле чьей, по чьей указке
Указ был принят, знать хочу?
– Желание учителей абхазских,
Да, да, Дамей, я не шучу.

Вот, говорят, язык наш мал,
На нем за дальний перевал
Перевалить не сможет внук
В эпоху дерзостных наук.

Они чужою меркой мерят,
В душе словам своим не верят.
Есть среди них такой, как Раста,
Учитель мой, седой абхаз,

Который и мудрей гораздо
И образованнее нас.
Нет для родного языка
Авторитетней знатока.

Еще до нашего рожденья
Он письменности становленье
Лелеял, не жалея сил,
Вдруг что лелеял, то убил.

К нему я заходила часто,
Мне не забыть его бесед,
Ведь походил в беседах Раста
На целый университет.

Меня с утра позвал он ныне,
Больной и немощный старик,
Сказать, что выше нет святыни,
Чем дедов царственный язык.

«Не знаю, как уж получилось,
Но сдался, дочка, я беде».
И стариковская катилась
Слеза по белой бороде.

Дамей взволнованно и чадно
Курил, затягиваясь жадно.
Арсана головой тоник.
И тишины внезапный миг,
Сердца сжимая беспощадно,
Вдруг прозвучал, как будто крик.
– Клянусь я головой своей, –

Сказал запальчиво Дамей, –
Что местной инициативой
Является наверняка
Указ трусливый и ретивый
По упразднению языка.
Народа целого права
Иной в охальной обстановке
Готов топтать не без сноровки,
Но, слава богу, есть Москва,
Там не погладят по головке
Забывших Ленина слова.

Вблизи от пушечных лафетов
Я шел к победе напрямик,
Чтоб защитить Страну Советов
И вместе с ней родной язык.

Пошлем письмо в Москву об этом,
И я уверен, что ответом
Признанье будет, что велик
И малой нации язык...

* * *

– Наш разговор не для газет,
И первый мой тебе совет:
Ты открывать своей души
И перед другом не спеши!

И знай еще ты, что отныне,
По неизвестной мне причине,
На языке абхазском в школе
Преподавать не будут боле.

Вопрос серьезный и тяжелый,
И многих, что уж тут скрывать,
Ждет расставание со школой,
Легко ль профессию менять?

Известно, мир не без грехов,
Но уж поверь мне, это дело
Без указания верхов
На свет родиться б не посмело.

Нас много ль? На ладони нас
Уместит запросто Кавказ,
Немедля будет тот сметен,
Кто лезть решится на рожон.

Язык, что стоил бы он, если б
Его носители исчезли –
И дети, и мужи, и старцы, –
Иль ты не знаешь, где балкарцы?

А жили рядом за хребтом,
Не надо забывать о том.
Дамей с Арсаной что хотят
Пусть пишут или говорят,
А ты от них подальше будь,
У нас повиновенья путь.

Ладонь на сердце положив,
Добавил: – Плюнь на все наветы,
И знай одно – пока я жив,
Не будешь пребывать в нужде ты.

Дрожащим голосом в ответ
Ему сестра сказала: – Нет!

С тобой я в этом не согласна,
И сможешь убедиться ты,
Что, вся во власти правоты,
Я чувству страха не подвластна.

Прости, но кажется мне вздором,
Чтоб я внезапно – эка прыть –
Язык забыла, на котором
Привыкла с детства говорить.

Как обветшалую одежду,
Не выбросить родную речь.
Храню в душе, как ни перечь,
На справедливость я надежду.
И не могу любить иной
Язык сильнее, чем родной.

1947–1958

ПЕСНЯ О СКАЛЕ

Роман в стихах

(Отрывки)

ПЕСНЯ РОЖДАЕТ ПЕСНЮ

Будет буря крушить вековые дубы,
будут тучи – темнее, чем дым из трубы,
будет снежный буран, будет страшный обвал,
будут молнии с громом взрываться у скал, –
но скале, что до неба достала плечом,
и гроза нипочем, и обвал нипочем.

И кому та скала колыбелью была,
когда буря качала ее и трясла,
кто под гул водопадов ресницы смыкал
и в зарю на рассвете ладони макал, –
тот рожден на большие дела. Он – скала.
И за это скале материнской хвала.

Его ветры лихие не сдуют, как прах, –
врос в скалу он и вырос на этих ветрах.
Оттого все на свете ему по плечу...
Об одном из таких рассказать я хочу.
Родом Кяхба, а имя его – Хаджарат.
Полстолетья в народе о нем говорят.
Но, мой добрый читатель, прошу, не спеши.
Ведь годами я шел по тропинкам души

и годами искал ту скалу среди скал –
всей надеждой, всей жизнью своею искал.
Все бессонные ночи мои позади.
Ну а что получилось, читатель, – суди...
Может, сразу мне кто-то подбросит вопрос...

Я готов. Ведь рассказ мой и вправду не прост.
Кто-то скажет: «Не выдуман Кяхба. Он – жил...
Поглядим, как ты факты о нем изложил».
И другие заметят: «Преданий полно!
Здесь – всего лишь одно. Достоверно ль оно?

Вот в Эшере легендой герой награжден
горделивой, поскольку в Эшере рожден.
А в селенье Отхара, где Кяхба погиб,
вы иное о парне услышать могли б...»
И один, что сердито молчал до сих пор,
деловито и холодно спросит в упор:

«На каких документах основана быль?
Может, это всего лишь архивная пыль?...»
А другой раздраженно процедит свое:
«Нам нужна современность, а это – старье!»
И решит про себя не один человек:
«Да какой он герой, этот Кяхба? Абрек!»

Кто б он ни был, он тот, кого любит народ
и о ком свои песни доныне поет.
А легендой и песней не станет любой.
Заблуждений не знает такая любовь!
Помню, как-то в горах, где высокий покой,
в доме друга я встретился с песней такой...

Вечер был. На террасе сидели вдвоем.
Новый дом. Здесь о пацхе и вспомнишь с трудом.
Электричество брызжет потоком большим
с потолка и от фар проходящих машин...
И вздохнула апхярца в крестьянских руках,
в этих умных и добрых руках – как в веках...
И возникло, как в небе вечернем – звезда:

«Уа, райдари, уа, райда, гушадза... ¹
Уа, райдари, славный герой Хаджарат,
враг жестоких князей, бедных пахарей брат...»
Пел мой друг. И апхярца стонала вослед.
И, как мальчик, от слез я внезапно ослеп.

Подпевал я. Не голосом. Всею душой.
Стала песня началом для новой. Большой.
В этот вечер она поселилась во мне,
я ее повторял наяву и во сне.
Может, сам уже ноше нелегкой не рад,
все ходил и твердил: «Хаджарат, Хаджарат!»

И вела меня песня крутою тропой,
разжимая мне губы и требуя: «Пой!» –
как крестьянского сына когда-то вела
та надежда, что песню о нем родила.
Эту старую песню я пел и пою.
И с нее я теперь начинаю свою.

В МОРЕ

Пароходик, трубой, будто трубкой, дымя,
отправляется в Акву в преддверии дня.
Его борт освещают косые лучи,
что еще по-рассветному не горячи.
Но горит на борту все видней и грубей
из больших черных букв: «ЧАЧБА» и «НАХАРБЕЙ».

«Бей» – созвучно с богатством, – считает Нахар.
В этом маленьком слове – огромный накал!

¹Уа, райдари, уа, райда, гушадза – припев абхазских героических песен.

И на палубе гордо стоит Нахарбей,
сам сиятельный бей, не какой-то плебей!
Князь, хозяин, набитый деньгами сундук...
Стиснул тонкую талию черный сюртук.

Пассажиры толпой перед ним не шумят.
Рядом – только печально молчаний Шабат.
Раз хозяин на судне, – в который уж раз
пассажиров не взяли: таков был приказ.
Чтоб никто не подслушал беседу двоих,
вышли в море. Лишь море и слушает их.

Нахарбей: – Сколько Скорикову не отсыпь,
все равно этот волк и во сне видит Бзыбь!
Тroe суток вожусь с ним, но зря я вожусь!
На одном только месте кружусь и кружусь.
Я шуметь не хочу – этот шум ни к чему.
Но внушить ничего не могу я ему.

Однорукий вояка, к тому ж – отставной, –
сумасшедший, тягаться задумал со мной!
Я, сиятельный князь, чтобы я – отступил
и своею рукою все это скрепил?
Чтоб ему отошла, словно мы – не волны! –
вся земля моих предков у бзыбской волны?!

Он что, хочет построить на наших костях
свое счастье, – наш гость. Но – не мы ли в гостях?
Дай им волю таким, завтра нашим – шабаш!
Черт возьми, да чего же молчишь ты, Шабат?!

– Нахарбей раздражен. Как назойливый зуд,
его черные мысли грызут и грызут.

Он по палубе ходит вперед и назад.
Как у загнанной лошади, ноздри дрожат.

Худощавый, невзрачный, как колос пустой,
но как голос трубы его голос густой:

– Видно, надо судиться. Мне дело спасут
только деньги! А их-то найдется на суд...

Все, поверь, покупается, мой дорогой, –
и полковник, вояка с одною рукой!
Как двумя, ухватил бы он этой одной
все, что было ничтожному брошено мной...
Но иное решил я: судиться! И тут
ты бы очень помог мне, явившись па суд.

Будь свидетелем! Доброе имя твое –
как кремневое дедовское ружье,
что ты носишь, Шабат, и надежней всего
ты – в охоте на зверя – считаешь его...
Поклянись же в суде, что полковник – пахал,
что Аспой по наследству владеет Нахар!
Ну а я... На добро я отвечу добром.
Тем, что меряют золотом и серебром!
Ты ведь тоже – не бог. Как-то сложится жизнЬ...
И тебе я понадоблюсь... Не откажись!.. –
За бортом парохода, сшибаясь, шипят
с шумом волны... И словно очнулся Шабат.

– Не умею я врать – никогда я не врал.
Не умею я брать – я чужого не брал.
Я боюсь, что меня ты не сможешь понять,
но попробуй попять, чтоб потом не пенять...
Время стало угрозой тому, что старо,
но, выходит, старо в наши дни и добро!

Ты недобroe время к душе прикрутил.
Не по-доброму, друг, ты Аспу прихватил.

Келасур – вот земля родовая твоя,
но Аспа... Не солгу перед совестью я!
Разве мало тебе Келасура, скажи?
Неуемная жадность приводит ко лжи...

– Что ты, что ты!.. Ну прав ли ты, милый Шабат?
Слава богу, лишь волны вокруг нас шумят... –
Нахарбей испугался. Не тот разговор...
И глаза он отводит, как пойманный вор.
– Ты, должно быть, забыл, чем известен мой род?
В Чачба видел владык весь абхазский народ!

Где же древнее право на землю отцов?
Ведь Абхазия – наша, в конце-то концов!.. –
Четки крутит Шабат, разговору не рад.
Янтаринки в руках – как коричневый град...
– Где Абхазия чачбовцев? Нет, дорогой,
уж давно наша родина стала другой...
Сирота... Сколько славных ее сыновей
на туретчине маётся с долей своей...
Уходили искать лучшей жизни они.
Не нашли. Но попробуй назад их верни!
Нет, Апсны не назвать мне «Страною души»... –
Вы ж все рвете на части ее, – хороши!

Вся Апсны нынче – округ военный... Дела!..
А тебе – лишь Аспа бы твою была!
Лишь бы только достался кусок пожирней!
– Что ты мелешь, Шабат? Дело вовсе не в ней!
– Нет, постой. Пусть обижу и не узижу,
пусть я резко скажу, но я все же скажу.

Я о Бзыбском ущелье недавно как раз
прочитал на страницах газеты «Кавказ».

Будто очень богатая это земля,
ну а главное – много запасов угля.
То-то вспомнил ты предков своих, Нахарбей!
Да чего ты краснеешь? Ну, ну, не робей!

Всю Аспу ты обшарил и с ней заодно
всю округу... Везде твоих жалоб полно.
Мол, наследные земли... Где ж раньше ты был?
Может, меньше сиятельных предков любил?
Знаю, ладишь дорогу из Гагры в село,
строишь порт, роешь шахты... Не вспомню всего!

Бог с тобой, я нисколько тебя не сужу...
Но я правду скажу, пусть и резко скажу.
Так и вижу, как льются богатства Аспны
морем – в море твоей ненасытной казны.
И в России не тесно... Но – где там! Мечты!
За границу, конечно, потянемся ты...
Заграничные банки, большие дела...
А страна, где абхазка тебя родила?!

– Неужели, Шабат, я Аспны продаю
только тем, что богатство свое создаю?!

– Погоди: не спеши, все – одни лишь слова...
Ну-ка вспомним, мой князь, про другое сперва.

Небогат я. Ты знаешь об этом. И все ж
бедным тоже навряд ли меня назовешь.
Князем средней руки... Это будет верней.
Есть земля, ну а как же! Все главное – в ней.
Десятин так пятьсот... Тихо, скромно живу.
И, видать, дикарем не напрасно слыву.

Да, дикарь... Справедливо. Но – что же, когда
в этой скромной усадьбе проходят года?

Знал я лучшие дни. В Петербурге балы.
Ах, как плечи летели, блестели полы!
И влюбленные дамы... А после – Париж.
И Милан... Ну, а где это все, – говоришь?

Кончил пажеский я... Тут – дуэль... И конец
всей карьеры моей. Спас покойный отец.
И потом было много... Но вот и висят
за плечами устало мои шестьдесят.
Сколько видел я! Только, поверь, нет страны,
что сумела бы вытеснить в сердце Апсны.

Лучше наших обычаев я не встречал.
За столами чужими нередко скучал.
Ну а сколько торчал у закрытых дверей?
Мы, абхазцы, сердечней к другим и добрей.
Неоткрытой Америкой кажется мне
очень многое в нашей родимой стране...
С давних пор вся Абхазия обнесена
Крепостною стеной... Непростая она.
Крепостная стена нерушимая та –
хлебосольство абхазцев и их доброта.
И один только ключ к нашей крепости есть.
Только им отопрешь ее. Ключ этот – честь.

Так ведется издревле в домах наших сел:
князь с крестьянином рядом садится за стол.
Кормит князя крестьянки-кормилицы грудь,
и крестьянская мать провожает нас в путь.
Пот крестьянский отравой нам в ноздри не бьет.
Это пот наших братьев. Священен их пот.

Нас хоронят крестьяне, слезами омыв.
Носят траур годами... И это – не миф!

Пусть порой мы, как старшие, с ними грубы,
пусть богаче, по все же они – не рабы!
Назову не один в рабстве стонущий край...
В этом смысле Абхазия – истинный рай!

Разве царским чиновникам это постичь?
Под свою, брат, гребенку хотят нас постричь!
Что – обычаи наши и наша любовь
для чиновничьих душ, для чиновничьих лбов?
Бог их – служба, карьера – святая святых.
Все, что дорого нам, – не для них, не для них!

Ах, Нахар! Вот ты видишь красивые сны...
Почему я сказал, что продаешь ты Апсны?
Если выроешь шахты, ворвешься в леса,
где еще не звучали ничьи голоса,
если те берега, что тихи и дики,
огласят пароходов охрипших гудки,
век железный ворвется, бездушен, жесток, –
в его лапах завянет Апсны, как цветок!
Будет золотом полниться твой кошелек.
Будет слава твоя велика – мир широк!
Но накинутся, знай, плотоядно урча,
на страну твою нищие, как саранча!

Те, что корку сухую привычно жуют,
что без роду, без родины в мире живут.
Вся крамола – от них, весь разбой, все бунты!
Подстрекатели... Хочешь ли этого ты?
Князь, крестьянин ли, – а все едино, поверь! –
потеснее должны мы сплотиться теперь.

Лишь единство спасет нас, единство, пойми!
Надо сладить, Нахар, со своими людьми

и от страшной заразы крестьян уберечь...
А не то – не скатиться б головушкам с плеч!
Ведь по-глупому голову – слышал? – сломал
в стычке с Кяхбой сын Гыда, Дзяпши-ипа Омар...

Ищем Кяхбу, чтоб кровью своей оплатил
кровь Омара... Нас прямо азарт охватил!
А не лучше ли – мир, да и пир бы горой!
Да к тому ж Хаджарат – настоящий герой!
И осанкой хорош, и лицом он пригож.
Я клянусь, он на древнего нарта похож!

Если б все у нас были такими, как он!
О, тогда бы я знал, что парод мой спасен... –
Замолчал, длинной речью измаян, Шабат.
И по палубе он утомился шагать,
Нахарбей: – Рот твой высох... Стаканчик вина
хоть немного развеет тебя, старина.
Мой владыка, в словах твоих – мудрость и свет.
Обещаю тебе сохранить твой завет.
Знаю, болен ты... Боже, продли твои дни!
Ну а все же меня ты, Шабат, не вини... –
Пароходик плывет, задыхаясь, пыхтит.
За кормой белой лептою пена летит.

Стаи чаек над ним, словно пена, белы, –
как красавицы, что украшают балы.
Замолчавший Шабат тихо тянет вино,
а в глазах у Шабата тревожно, темно.
На согбенных плечах тяжела голова...
Торопливо Нахар мечет стрелы-слова:

– Мы – не остров, не озеро в камышах.
До Европы отсюда – один только шаг.

Тут – Стамбул, там – Париж. Рим и Лондон, взгляни!
Для того ли в соседи даны нам они,
чтобы век коротали мы как дикари,
одиноко бредя от зари до зари?

Если спрячем Абхазии пашей лицо,
как в сундук драгоценное прячут кольцо,
если будем дремать, видя древние сны, –
разве сможем спасти и возвысить Апсны?
Может быть, мы – калеки? Страна дураков?
Я хочу торговать! Вот он, Чачба, каков!

Вижу, время приходит таким временам:
горы золота к нам поплынут по волнам!
Ты ж на старой кремневке построить хотел
наше завтра. Да в ней ли, Шабат, наш удел?
Роешь землю... Допустим, ты что-то открыл.
Вот доспехами предков гордишься – отрыл!
И старинные блюда... И надписей вязь...
Это все – для музея! Где с нынешним связь?
Хаджарат... О, герой!.. Да как можно равнять
с голодранцем-крестьянином высшую знать?
Ты свихнулся совсем... То-то вижу, угрюм.
Нет, не прав ты, Шабат!.. Ба, да вот и Сухум!..

Словно к городу морем был властно ведом,
незаметно причалил плавучий их дом.
Двое тихо сошли на широкий бульвар.
Старика неуверенно просит Нахар:
– Я – на сбор именитых... И ты ж – не чужой.
Может, вместе отправимся? Примут с душой.

Правда, мы опоздали, да это ль беда?
Неудобно совсем не приехать туда...

– Ну уж нет, дорогой, ты меня извини.
Можно сдохнуть от вашей пустой болтовни!
Лучше где-нибудь кофе глотну... Кучер, эй!
Ну а ты не сердись и езжай, Нахарбей!..

РОГ

Раз один генерал загостился у нас...
Что понравилось раз, повторится не раз.
Стал в Абхазию к нам наезжать генерал.
Ел и пил и с абхазцами в кости играл.
И, признаться, его не любили за спесь,
но в глаза – только: «Ах!», «Господин!», «Ваша честь!»

Ибо личные качества тут ни при чем,
хоть и был генерал небывалым рвачом, –
должность, должность его высока до того,
что за должность-то и почитали его.
Но Шабат не ужился с ним. Тесно двоим,
о Апсны, здесь, у моря, под небом твоим!

Как-то раз вечеринка была у князей.
Князь Марытхва собрал своих близких друзей.
Рог вина осушив, рот наш гость вытирал.
И, увидев Шабата, сказал генерал:
– Ну-ка, выпей, Шабат, за доспехи семьи,
что вернут тебе недра абхазской земли!

Слышал я, что копаешь ты ночью и днем...
И сегодня, должно быть, когда мы заснем...
О доспехах, Шабат, накрутил ты хитро.
А ведь ищешь-то золото и серебро!.. –
Засмеялся Марытхва. Но встал Уазбак
и шепнул генералу: – Ну надо ли так?

Он обидчив, хоть с виду и ниже травы...
Вечер будет испорчен, посмотрите вы!.. –
Огорчились княгини, платочки – к глазам...
Но Шабат генералу спокойно сказал:
– Ты – наш гость, и, должно быть, ты лишку хватил.

Я бы просто внимания не обратил
на слова твои... Но – получи уж урок:
не могу, не приму я из рук твоих рог. –
Гость взбешен: – Пей! Пока еще в теле душа...
Но Шабат продолжает жевать, не спеша.
Тут вмешался Марытхва, почуяв беду:
– Слушай, выпей, а то я, ей-богу, уйду!..

Даатбей толкает Шабата: – Прошу,
выпей, дад! Ну а я – за тобой осушу... –
Уазбак умоляет: – Да что ты, Шабат,
разрази тебя гром, разучился хлебать?..
Гость острит: – Эта влага ему не мила.
Вспомнил деда... Ведь дедушка был-то – мулла!..

– Ваша милость, ошиблись вы, богу хвала!
Весь наш род – христианский, и дед – не мулла!
Когда род тот уже был – народ, в оборот
взял врага, твой – тащил еще ягоды в рот.
Это я говорю, справедливость любя,
а совсем не к тому, чтоб обидеть тебя!..

Генерал заорал: – Ах подлец, ах нахал!
На какой же войне твой отец воевал?
Как ни роюсь я в памяти, мне невдомек,
чи победы ты, плут, унаследовать мог?
Интересно узнать мне, какие бои
здесь вели легендарные предки твои?..

– Генерал, я тебе твою дикость прощу,
по, однако, сейчас я ее укрошу.
Возле самого моря, где был ты вчера,
вспомни, крепость старинная есть – Амбара.
Там семь братьев легли, основавших мой род.
Отразили они византийцев налет.

Стала крепость, что просто им домом была,
неприступной твердыней – крепка, как скала.
Десять дней и ночей там рубились они
и погибли... А крепость... Захочешь – взгляни!..
– Жаль мне предков твоих... Очень жаль их.
А все ж
еще больше мне жаль, что так нагло ты врешь!..

– Это слишком... Ты, гость, перегнул... Видит бог!..
– Выпей, выпей, Шабат! Вот, наполнил я рог!..
– Эй, молись, генерал, чтобы бог тебя спас!
– Не мешайте ему! Ну, ползи, козопас!.. –
Сабля – наголо. К схватке вояка готов.
А вокруг – три десятка разинутых ртов!

Шепчет толстый Салыбей: – Да он же шутя...
И когда поумнеет он? Глуп как дитя!..
– Пей, Шабат, не позорь нас! – велит Нахарбей.
И трусливый Дарыква старается: – Пей!.. –
Узбак: – Посмотри, как княгини бледны...
Мы – мужчины, и с ними считаться должны...

И сказал, заикаясь взбешенный старик,
от волненья и гнева срываюсь па крик:
– Ладно. Ради княгинь... Раз уж требует рок.
Только теплой водой сполосните мне рог!.. –
И ушел, быстро выпив из рога вино.
И лицо его было смертельно черно.

Опечален хозяин. Друзья принялись
ублажать генерала. И в дружбе клялись,
и ругали Шабата: мол, хоть и собрат,
но уж слишком несносен и дерзок Шабат!..
Дождь по крыше стучал: «Чем помочь? Чем помочь?..»
И гудки парохода тревожили ночь.

КОЛЬЧУГА

Говорил Хаджарат – не врагам, не князьям, –
говорил своим искренним, верным друзьям:
«Кто от женского взгляда растает, как снег, –
не мужчина. И вовсе пустой человек!»
Но одна... Ощущившая с болью такой
его теплую кровь под своею рукой!

Он глаза ее помнил. Подобно свечам,
они тихо горели над ним по ночам.
Они звездами плыли в ночной вышине,
когда горной тропой он скакал на коне,
были солнцем и строгостью белых вершин...
Мир огромный без них – словно тесный кувшин.

К той, чьи были прекрасные эти глаза,
к той, чье имя так просто звучит, – Квараса,
он не раз приближался, коня придержав,
его добрую морду ладонью зажав, –
и назад уносился, тоской опален...
Замолчал, заскучал, закручинился он.

А когда обо всем догадались друзья,
когда стали шутить, Хаджарата дразня,
так их выругал парень, не помня себя,
что решили друзья его: это – судьба.

Если сильный такой – как котенок слепой,
значит, это – она... Значит, это – любовь!

* * *

Дочь у вдового Джата одна – Квараса.
Ее праздник весенний едва начался.
Двадцать лет ей. Без матери в доме одна –
мать братишке она и хозяйка она.
С детства знала домашние эти дела:
вышивала и пряла, варила, ткала...

И на все ей хватало старанья и рук:
двор блестит, на отце хоть куда архалук!..
Много раз ее сватали. Только в ответ
раздавалось короткое, твердое: «Нет!»
А была она хрупкая, как стебелек.
Удивлялись, откуда и силы берет...

Как-то раз поутру, заскучав, загрустив
по мальчишке-братишке, что в Псырцхе гостили,
все по дому доделав, прибрав в полчаса,
собралась в путь-дорогу к нему Квараса.
И у горной реки –помнит каждый из вас –
Хаджарат Кварасу повстречал в первый раз.

Арестанта похитив, бежал Хаджарат.
Пели, сыпались пули, как сыплется град.
А она... Разорвав свой платок, как могла,
его рваную рану платком обвила.
А когда возвратилась домой, – боже мой! –
не душа, только тело вернулось домой.

* * *

Села прядь Квараса. Надо так удлинить
поперечную нить и продольную нить,
чтоб потом натянуть их на ткацкий станок,
чтоб, как в волны – членок, стал нырять в них ..
членок...

И забегал членок, как волна – по реке,
то он в левой руке, то он – в правой руке...

Незаметно промчалась бессонная ночь,
незаметно ушла чернота ее прочь,
наконец-то к рассвету готово оно –
домотканое грубое это сукно.
А теперь и осталось всего ничего:
повалять да на солнце повесить его...

Да погладить, да нитку приладить к игле,
да спокойно сукно разложить на столе,
да прикинуть, где резать, что делать сперва,
где тут – полы черкески, а где – рукава...
Только наша швея опечалилась вдруг
и задумалась, выронив нитки из рук.

Далеко Хаджарат. И не знает она,
как ей шить... Какова его плеч ширина?..
Без примерки, без мерки стараться смешно!
Может, просто отправить в подарок сукно?
Нет, сукно подарить – не дарить ничего.
Ведь до дыр износилась черкеска его!

«Все в походе... И ест он, и спит на коне...
Не сошью – что подумает он обо мне?
Помню, рядом стояли... А ну-ка, опять

я прикину... Да, он меня выше – на пядь!
А про талию Кяхбы везде говорят,
что она – будто девичья... Будет наряд!»

И смеются глаза Кварасы, не грустят.
И блестящие ножницы звонко хрустят,
и привычно иголка выводит стежок –
как привычно крестьянин сбивает стожок...
«Здесь – пошире дадим... Здесь вот –
полы загнем...
Вдруг войдет он? Ах, что я – о нем да о нем!

Ой, опять укололась!.. Но что за беда,
что за стыд, если он и заглянет сюда?..
Все как будто готово. Построже смотри!
Да, тут вправо и влево пойдут газыри...
А рукав попросторней пущу – потому,
что гулять на просторе в черкеске ему!»

* * *

Третий сутки наряд ждет того, для кого
на глазок Квараса мастерила его.
«Ах, сама бы подарок ему отдала,
если б птицей была, два имела крыла!»
Но на шатком крыльце раздаются шаги –
осторожные, будто бы рядом враги...

– Приходить в этот дом не решался... Но вот
я пришел. Не обидел тебя мой приход?
Я, как загнанный зверь, пробирался сюда.
Квараса, отовсюду грозит мне беда.
Я не должен, своею играя судьбой,
стать твою судьбой, звать тебя за собой.

Но у вашего дома хожу и хожу,
по ночам возле окон потухших сижу,
проводя закат и встречаю зарю...
И не в силах я больше! И я говорю:
я не вор! Друг от друга мы не убежим.
Так пускай же я стану тебе не чужим...

Прав – и правда стоит за мою спиной.
Эта правда нам будет надежной стеной.
Эта правда проста – ты узнаешь ее...
Это правда: ты – солнце, ты – счастье мое!
Кто-то скажет: преступник... Но это не так!
Разве Джату я враг? И тебе я не враг!

И не враг я крестьянам – таким же, как вы...
Отчего ты не хочешь поднять головы?
Сядь поближе ко мне. Не стесняйся. Не стой.
Ну какой же я гость? Понимаешь, я – свой!
Дни и ночи, тяжелые муки терпя,
как хотел я смотреть и смотреть на тебя!
А не будет тебя – сразу станет темно.
Не поможет и светлое паше вино...
Может быть, ты научишь, как жить мне во тьме?
Умер, пыткой замучен, отец мой в тюрьме.
Дом сожжен. Мать ушла с пепелища к родным.
До сих пор он все душит меня, этот дым.

Ты – одна у меня... Ну а может, другой,
не такой горемычный, давно – под рукой...
Ты молчишь... Как мальчишка, не знающий лжи,
я спешил и, должно быть, ошибся? Скажи!.. –
Не промолвив ни слова, стоит Квараса.
Щеки – пара гранатов. Пылают глаза.

Вместо слов, что так жадно он ждал от нее,
не спеша, принесла из каморки шитье,
то, в которое вложено столько труда,
то, которое самое лучшее «да»!
Он смущился. Он так на нее поглядел!
И не знал, что сказать. И черкеску надел.

«Почему тут шестнадцать всего газырей?
Было б сто! – Он глазами торопит: скорей! –
Поправляю... Спешу... Ах, как трудно спешить!
Хоть бы пуговку, что ли, забыла пришить!
Чтоб внезапно ослабшей, неверной рукой
хоть на миг растянуть этот миг дорогой...»

И под звездами глаз ее, чистых, больших,
бросил на плечи парень свой белый башлык.
– Мне надежно служил мой отважный кинжал,
и в руке револьвер никогда не дрожал...
Но отныне я буду сильнее втройне;
не черкеска – кольчуга подарена мне!

ГРУДЬ МАТЕРИ

Много нынче гостей во дворе у Мсырхан!
К ней повернуты ждущие лица крестьян.
Сбросив траур, идет по траве не спеша,
стебельками травинок чуть слышно шурша,
хороша, словно день тень морщин ее сдул...
И на бурку ступила, и села на стул.

Ее грудь материнская обнажена.
Лишь едва белым шелком прикрыта она.
И никто не качает в укор головой
в тишине наступившей, как гром, громовой.

Отчего же под взорами односельчан
беззастенчиво грудь обнажила Мсырхан?

Четверть века назад знали эти соски
губ ребенка родного грудного тиски.
С той поры никогда, выскользая из туч,
не касался их солнечный ласковый луч.
Но сегодня – таков уж обычай, гляди! –
новый сын прикоснется к иссохшей груди.

Не беззубый малыш, что не прожил и дня,
и не плод ее чрева, и ей не родня, –
Хаджарат – это сын ее новый, хотя
под ольхой зарыто родное дитя.
Но, едва к материнской груди припадет
новый сын, материнская боль пропадет!

Материнская грудь! Ты, святая, сильней
и иконы, и грозного бога на ней.
Все мы – дети твои, каждый каждому брат...
Ждет Мсырхан. Наконец-то пришел Хаджарат!
И за ними народ, замирая, следит.
И румяное солнце траву золотит.

Снял оружие парень, на стол положил.
Помолчал – словно важное что-то решил.
А потом на колени упал перед ней,
нарекаемой матерью новой своей,
и развеял бедой причиненную грусть,
троекратно целуя прикрытую грудь,

прошептав: – Ты отныне мне – мать навсегда!..
И сказала в ответ ему старая: – Да!
Дорогие соседи, нет радостней дня, –

нан¹ мой, Кан мой воскрес, что покинул меня!
Горе в дом наш ступить не посмеет ногой,
и в родном очаге не погаснет огонь!

Волк Шабат тут наврал, что мой Кан одинок...
Посмотри, что за брата обрел ты, сынок!
Я теперь на судьбу не в обиде ничуть:
есть кому схоронить, проводить меня в путь,
в тот, последний... И будет разлука легка.
И глаза мне закроет родная рука...

Смотрят люди, ликуя, на этих двоих,
улыбаясь улыбкам взволнованным их.
И Куаста сказал: – Ты припал, Хаджарат,
к материнской груди – как к земле нашей, дад!
Знай, не только Мсырхан, свою долю хваля, –
твоей матерью стала и эта земля!..

1954–1964

¹Нан – ласкательное обращение к ребенку.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя.....</i>	3
<i>В. Кожинов. О творчестве Баграта Шинкуба</i>	4
<i>Старинная колыбельная. Перевод Л. Мигдаловой.....</i>	17
<i>«Родимой земле благодарный...» Перевод Я. Козловского ..</i>	18
<i>«В горы провожу последний снег...» Перевод А. Межирова</i>	19
<i>Сон. Перевод Э. Балашова.....</i>	20
<i>Моя звезда. Перевод Э. Балашова</i>	21
<i>«Еще темно. Кричит петух...» Перевод Ю. Нейман.....</i>	22
<i>Осенний сад. Перевод Б. Брика</i>	23
<i>Песня. Перевод Я. Козловского.....</i>	25
<i>Гармонь на корабле. Перевод Л. Мигдаловой</i>	27
<i>Джигит. Перевод Я. Козловского.....</i>	28
<i>«Звезды есть с бездушным...» Перевод Э. Александровой ..</i>	29
<i>Не спрашивай. Перевод А. Межирова</i>	30
<i>«Тебе докучать не намерен...» Перевод А. Межирова.....</i>	31
<i>В белой кофточке. Перевод Ю. Нейман.....</i>	32
<i>«Сидела, ежась, как голубка...» Перевод Л. Озерова.....</i>	34
<i>Вечернее размышление. Перевод Ал. Кочетова.....</i>	35
<i>«Надоели думы, думы...» Перевод Л. Мигдаловой</i>	37
<i>«Скажи, мне, гость...» Перевод Ю. Нейман.....</i>	39
<i>«К синему небу припала луна...» Перевод Л. Мигдаловой ...</i>	40
<i>«О годы детства, вы ушли...» Перевод Л. Мигдаловой.....</i>	41
<i>«Ночной листвой венчая...» Перевод А. Межирова</i>	42
<i>«Так трудно душа...» Перевод А. Межирова</i>	43
<i>«За горой Мтацминда...» Перевод Р. Казаковой</i>	45
<i>«Выйду на берег...» Перевод В. Державина.....</i>	46
<i>Махаджирская колыбельная. Перевод Ю. Нейман</i>	47
<i>«Лунным светом озарена...» Перевод В. Державина</i>	49
<i>«Закатом высвеченный ало...» Перевод А. Межирова</i>	50
<i>Моя дорога. Перевод Л. Озерова.....</i>	51
<i>Цветы. Перевод Л. Мигдаловой.....</i>	52
<i>У меня нет двух сердец. Перевод Л. Мигдаловой.....</i>	53
<i>«Предзакатное солнце...» Перевод Л. Мигдаловой</i>	55
<i>Молодой сидел с любимой... Перевод Ю. Нейман</i>	56
<i>Озарялось до сих пор наше окно. Перевод Ю. Нейман....</i>	57

Шарда-аамта. <i>Перевод В. Державина</i>	58
Прекрасная Гунда. <i>Перевод Б. Серебрякова</i>	60
Моей маленькой дочери Биане. <i>Перевод Л. Озерова</i>	62
На рассвете. <i>Перевод Л. Озерова</i>	63
«Не поддайтесь, сыны мои...» <i>Перевод Л. Мигдаловой</i>	65
«Когда фашист...» <i>Перевод Л. Мигдаловой</i>	66
«Была зима, война, побед...» <i>Перевод Л. Мигдаловой</i>	67
Партизан. <i>Перевод Д. Чачхалиа</i>	68
День Победы. <i>Перевод Л. Длигач</i>	71
Мой город. <i>Перевод Л. Длигач</i>	72
Мы одни в опустевшем саду. <i>Перевод Л. Мигдаловой</i>	74
Москва. <i>Перевод Л. Мигдаловой</i>	76
Песня ранения. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	77
С новым счастьем! <i>Перевод А. Межирова</i>	78
В дороге. <i>Перевод В. Луговского</i>	80
Теленок. <i>Перевод В. Потаповой</i>	83
Дмитрию Гулиа. <i>Перевод Л. Озерова</i>	84
Пора тебе в дорогу. <i>Перевод С. Липкина</i>	85
Песня сборщиц чая. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	87
Я знал тебя девчушкой смуглолицей... <i>Перевод Д. Голубкова</i>	88
Капля. <i>Перевод Я. Козловского</i>	89
«Когда, друзья, вы в стужу...» <i>Перевод Л. Озерова</i>	91
Ветер мой, лети! <i>Перевод Л. Мигдаловой</i>	92
В темное небо ночное взглянись. <i>Перевод В. Державина</i> ..	93
Говоарила со мной Кумарча. <i>Перевод Я. Козловского</i>	94
«Члоу, Члоу, дней моих начало...» <i>Перевод С. Липкина</i> ...	96
Солдат и его сын. <i>Перевод С. Куняева</i>	97
Волшебный камушек. <i>Перевод Я. Козловского</i>	98
«Когда даже лампа...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	100
«Лаганиах – дорогое слово...» <i>Перевод С. Куняева</i>	101
Сыновний долг. <i>Перевод С. Липкина</i>	102
По горам я скакал. <i>Перевод Л. Мигдаловой</i>	104
«Когда я впервые открыл глаза...» <i>Перевод С. Куняева</i> ..	106
«Я летел по горам...» <i>Перевод С. Липкина</i>	107
«Хлынул дождь потоком...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	109
Горы летом. <i>Перевод С. Липкина</i>	110

«От лютого ветра, от стужи...» <i>Перевод Я. Козловского</i> ..	111
«Древнюю старушку опустили...» <i>Перевод Ю. Нейман</i> ..	112
«Он рано встал....» <i>Перевод В. Державина</i>	113
«Все ненасытней я становлюсь...» <i>Перевод В. Державина</i>	116
Благодарю тебя, гром! <i>Перевод В. Державина</i>	117
Тост. <i>Перевод Я. Козловского</i>	118
Между двух морей. <i>Перевод В. Державина</i>	120
«Недуг овладел вдруг мною...» <i>Перевод В. Державина</i> ..	123
Пальчики. <i>Перевод В. Державина</i>	124
Горы летом. <i>Перевод Л. Мигдаловой</i>	125
Моя республика. <i>Перевод В. Державина</i>	126
Где бы я ни был... <i>Перевод В. Державина</i>	128
«Я руки раскинул – трава...» <i>Перевод М. Луконина</i>	129
На скале. <i>Перевод В. Рождественского</i>	130
«Если правда слово породила...» <i>Перевод В. Державина</i> .	132
Ты безмолвна. <i>Перевод В. Державина</i>	133
«Рассекая космоса бездну...» <i>Перевод В. Державина</i>	134
«Как странно...» <i>Перевод Р. Казаковой</i>	135
4 марта. <i>Перевод В. Державина</i>	137
О свет очей – Абхазия. <i>Перевод Л. Мигдаловой</i>	138
Зонтик. <i>Перевод В. Державина</i>	139
«Пьют за долгую жизнь мою...» <i>Перевод К. Симонова</i>	141
«По скале отвесной...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	142
«В дни, когда несчастен был...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	143
«Горит очаг и пламя....» <i>Перевод Я. Козловского</i>	144
«Дерево в цвету...» <i>Перевод Р. Казаковой</i>	145
Осень. <i>Перевод Я. Козловского</i>	146
Мое дерево. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	147
«Хоть сед, жениха стать...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	150
Тень. <i>Перевод Л. Озерова</i>	151
На Ерцаху посмотрю я. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	152
«И вот моя душа...» <i>Перевод А. Межирова</i>	153
«Как только весть пришла...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	154
Слово. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	156
От Сухума до Члоу. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	158
«Для выгоды бренного тела...» <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i> .	160
«Этот месяц зовется июлем...» <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i> ..	162

Реки. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	163
«Слышиу голос невнятный...» <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i> ...	164
«Не старая, но странная...» <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	166
«Ах, как бы я хотел...» <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	168
Жажда. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	170
«Как я желал осилить...» <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	172
Завещание. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	173
Акврахимдза. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	174
«Остановились мы где-то...» <i>Перевод Е. Николаевской</i> ...	175
Венеция. <i>Перевод Евг. Евтушенко</i>	177
Абхазка в белой блузке. <i>Перевод Л. Озерова</i>	178
«От жажды замирает дух...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	180
Море. <i>Перевод С. Куняева</i>	181
Моим умершим друзьям. <i>Перевод С. Куняева</i>	182
«Куда бы ни шел...» <i>Перевод С. Куняева</i>	183
«Годами якуда бы ты ни шла...» <i>Перевод Р. Казаковой</i>	184
«Если солнце для меня...» <i>Перевод Р. Казаковой</i>	186
Райда-гуша. <i>Перевод С. Куняева</i>	187
«Я из дому выйдя...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	189
Перед памятником Д. Гулиа. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	190
Славный Кягва. Баллада. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	191
Один из нас... <i>Перевод М. Алигер</i>	195
«Чего ты хочешь, день и ночь...» <i>Перевод Ю. Нейман</i> ... 199	
Сердце. <i>Перевод Я. Козловского</i>	200
Горевестник. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	201
«С днем рождения, отчизна моя!» <i>Перевод С. Куняева</i> ...203	
Как это было! <i>Перевод Е. Николаевской</i>	205
Остались наши строки молодыми. <i>Перевод Я. Козлов- ского</i>	210
Лучшая песня. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	212
Песня старой дороги. <i>Перевод Я. Козловского</i>	213
Радостная весть. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	214
«К молодому ореху...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	215
Поэта песнь не расстрелять. <i>Перевод Д. Чачхалиа</i>	216
«Какой из дней...» <i>Перевод Д. Чачхалиа</i>	217
«Где снег там земляники нет...» <i>Перевод Ю. Нейман</i> 218	
У слова есть душа. <i>Перевод Л. Озерова</i>	219

«Поймет и слепой...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	220
«Дающая всем радость...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	221
«Твоя молодость...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	222
«Немало радостей...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	223
«Сколько раз петухи...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	224
«Я ждал, что волны...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	226
«Ливень льет ливмякак будто...» <i>Перевод Э. Балашова</i> ..	227
Позовет меня Члоу. <i>Перевод Я. Козловского</i>	228
«Не мешкая и не спеша...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	229
У памятника неизвестному солдату. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	231
Члоу. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	232
Однажды утром. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	234
Не уходи. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	235
«Что луна в густых ветвях...» <i>Перевод Е. Николаевской</i> ..	236
Шестьдесят. <i>Перевод Л. Озерова</i>	237
Повремени. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	238
Реки. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	240
Память. <i>Перевод В. Михановского</i>	241
Сон. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	242
«Мы в трудный путь...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	243
«Как волосы рассыпались...» <i>Перевод Л. Озерова</i>	245
«Пока откладывал и мешкал...» <i>Перевод Л. Озерова</i>	246
В последний раз. <i>Перевод М. Алигер</i>	247
«Как жил ты на семи ветрах...» <i>Перевод М. Алигер</i>	250
Лесная баллада. <i>Перевод Н. Соколовской</i>	252
«Гора седая – скоро...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	254
«Пришла весна-отрада...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	255
«Меня кормила сладкими...» <i>Перевод Е. Николаевской</i> ..	256
«Верхом на палочке скачу...» <i>Перевод Е. Николаевской</i> ..	257
Моему маленькому внуку Баграту. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	259
Доброта земли. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	261
«Пред тем, как смертная...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	262
«Стихами заняты...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	264
«Чтоб душа не боялась...» <i>Перевод Н. Соколовской</i>	265
«О, война, ты – ад...» <i>Перевод Р. Казаковой</i>	266

«Зачем декабрь...» <i>Перевод Р. Казаковой</i>	267
«Приснилось мне...» <i>Перевод Н. Соколовской</i>	268
«Молодую луну...» <i>Перевод Н. Соколовской</i>	269
«Срезал пастух...» <i>Перевод Н. Соколовской</i>	270
«Вот так бывает...» <i>Перевод Н. Соколовской</i>	271
«Кое у кого к строке...» <i>Перевод Р. Казаковой</i>	272
«Этот ветер...» <i>Перевод Н. Соколовской</i>	273
Всадник. <i>Перевод Н. Соколовской</i>	274
Маленькая бабушка. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	275
Надежда. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	276
«Точильный камень жизнь...» <i>Перевод Н. Соколовской</i>	277
«Темнеет. Расправляет...» <i>Перевод Н. Соколовской</i>	278
Лебедь – царица вод. <i>Перевод Н. Соколовской</i>	279
Снова – белая кофточка. <i>Перевод Н. Соколовской</i>	281
«Знакомы мне и радость...» <i>Перевод Н. Соколовской</i>	283
«Нагрянул ветерок...» <i>Перевод Н. Соколовской</i>	284
«Горюет он о том...» <i>Перевод Н. Соколовской</i>	285
Всем радость нужна. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	286
Сасрыкva и его тень. <i>Из романа «Рассеченный камень».</i>	
<i>Перевод И. Бехтерева</i>	288
Песня Чичина. <i>Из романа «Рассеченный камень».</i> <i>Перевод И. Бехтерева</i>	291
Домой. <i>Поэма. Перевод Ю. Нейман</i>	292
Дитя. <i>Баллада. Перевод Э. Александровой</i>	298
Свирель. <i>Баллада. Перевод С. Липкина</i>	301
Рица. <i>Баллада. Перевод В. Державина</i>	308
Мои земляки. <i>Роман в стихах. (Отрывки.) Перевод С. Липкина и Я. Козловского</i>	316
Песня о скале. <i>Роман в стихах. (Отрывки.) Перевод Р. Казаковой</i>	324

БАГРАТ ВАСИЛЬЕВИЧ
ШИНКУБА

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В трех томах

Том первый

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ
БАЛЛАДЫ

Редактор *Даур Начкебиа*
Художник *Руслан Габлиа*
Компьютерная верстка *Кама Бигвава*

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$.
Усл. печ. л. 19. Тираж 1000 экз.
Заказ №